

А. В. Вальченко

ХОРОВОЕ ИСКУССТВО
НА ДОНУ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ростовская государственная консерватория
им. С. В. Рахманинова

Вальченко Альвина Викторовна

Хоровое искусство на Дону (XVIII – начало XX века)

Ростов-на-Дону
2014

УДК 783.6 : 784.1

ББК Щ 314.1

В 166

Печатается по решению Ученого совета Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова

Вальченко А. В. Хоровое искусство на Дону (XVIII – начало XX века) : исследование / под ред. В 166 Т. С. Рудиченко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2014. – 300 с.

ISBN 978-5-93365-077-5

Рецензенты:

доктор искусствоведения С. И. Хватова
кандидат искусствоведения В. Н. Демина

Монография является первым обобщающим исследованием о хоровом искусстве на Дону, в котором рассматриваются история распространения этого вида музыкальной практики и тенденции развития на протяжении XVIII – начала XX века. Она создана на основе информации, содержащейся в архивных документах и дореволюционных периодических изданиях. Автор прослеживает процесс формирования профессионального и любительского хорового исполнительства, церковных хоров и певческого обучения. Исследование охватывает явления, имевшие место на территории бывшей Области войска Донского, Таганрога и Ростова. Отдельные параграфы исследования посвящены Архиерейскому хору, Войсковой певческой капелле и Придворной певческой капелле в Таганроге. В издании впервые публикуются обобщенные в таблицах сведения о хорах при церквях и регентах, священниках и учителях, обучавших детей пению. Книга адресована ученым, преподавателям, студентам и исполнителям, изучающим хоровое искусство и вовлеченным в практику хорового пения.

ISBN 978-5-93365-077-5

© Вальченко А. В., 2014
© Издательство Ростовской государственной консерватории
им. С. В. Рахманинова, 2014

Содержание

От редактора	4
Введение	7
1. Становление и развитие церковной певческой культуры на Дону	
1.1. Предпосылки формирования хорового исполнительства (XVII в.)	17
1.2. Богослужбная певческая практика в Войске Донском (XVIII – начало XX в.)	27
1.3. Хоровое исполнительство в г. Ростове-на-Дону	49
2. Профессиональное хоровое исполнительство (XVIII – начало XX в.)	
2.1. Черкасская соборная певческая капелла	68
2.2. Войсковая капелла – Войсковой певческий хор	76
2.3. Придворная певческая капелла в Таганроге	106
2.4. Архиерейский хор (1829–1918)	126
3. Хоровое искусство в панораме общественной жизни ОВД	
3.1. Хоровое пение в образовательных учреждениях	147
3.2. Пение как учебная дисциплина	169
3.3. Любительское хоровое исполнительство	185
Заключение	206
Библиографический список	212
Список публикаций в периодических изданиях	238
Список использованных архивных источников	253
Приложения	
1. Хоры при церквях	262
2. Учителя пения и музыки	280
Список сокращений и аббревиатур	298

От редактора

Круг проблем, связанных с развитием хорового искусства на Дону и в Приазовье, не был еще предметом специального изучения. Монография является первым опытом комплексного изучения хорового пения, как системообразующего фактора музыкальной культуры дореволюционного периода.

В исследовании выявлены предпосылки развития хорового дела на Дону, предпринят опыт его исторической периодизации. Хоровое искусство края впервые рассматривается в комплексе его составляющих и системных связях церковного и светского, профессионального и любительского направлений. Соотнесение процесса развития хорового дела в ОВД и других регионах России позволило определить место донского хорового искусства в общероссийском культурном процессе и выявить своеобразие хоровой культуры Дона.

В ходе разработки темы проведена систематизация и введены в научный обиход неиспользованные ранее архивные источники, позволяющие скорректировать уже освоенные факты музыкальной жизни городов и станиц ОВД и городов Приазовья, по-новому интерпретировать некоторые явления культуры на данной территории.

Ядром настоящего исследования и его основой является текст диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения Альвины Викторовны Вальченко, защищенной в диссертационном совете при Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова в 2004 году и до сих пор не опубликованной. В него также включены материалы других работ автора, опубликованных в последующие годы. Несмотря на то, что за десять прошедших лет увидел свет ряд научных статей и монографий В. Н. Деминой, Т. С. Рудиченко, С. И. Хватовой и А. В. Шадриной, позволяющих расширить границы проблемы, углубить некоторые ее аспекты и уточнить отдельные факты, исследование не утратило своей новизны и ценности.

Книга имеет следующую логику построения. Во Введении обоснованы актуальность темы, методы исследования

и осуществлен обзор имеющейся литературы и источников. В первой главе обобщены данные о начальном периоде истории хорового пения на Дону, связанном преимущественно с богослужебной практикой. В первом параграфе рассматриваются социально-исторические условия развития хорового искусства, устанавливаются границы изучаемого явления. Во втором – обобщены и систематизированы сведения о монастырских и церковных хорах, охарактеризованы особенности богослужебного пения в храмах войсковой территории. В третьем параграфе показаны особенности становления хоровой культуры в г. Ростове-на-Дону, вошедшем в Войско Донское в конце XIX века.

Во второй главе освещена история первых профессиональных музыкальных коллективов Дона – Войсковой певческой капеллы, Придворной певческой капеллы в Таганроге и Архиерейского хора. Они характеризуются в аспекте принципов комплектования кадрового состава, репертуара, а также роли как первых музыкально-образовательных учреждений. Два параграфа посвящены деятельности Войсковой соборной капеллы (в г. Черкасске с 70-х гг. XVIII в. до 1809 г.), и Войскового хора (в Новочеркасске – XIX – начало XX в.). В третьем параграфе суммированы сведения о Придворной певческой капелле при дворце Александра I в Таганроге. Особое внимание уделяется отличиям в деятельности профессиональных хоров разной принадлежности (войсковой и государственно-придворной). В четвертом – выявляются особенности становления профессионального мастерства и функционирования Архиерейского хора (1829–1918).

В третьей главе изучены хоровое пение в учебных заведениях и сложившаяся методика обучения, внедрение его в деятельность организаций и любительских объединений. В первом параграфе речь идет о формировании основных типов учебных заведений, обучающих пению, и способах привлечения учащихся к практике хорового исполнительства. Во втором – охарактеризованы организационные основы певческого образования в разных типах школ, методическое обеспечение и содержание учебного процесса. В третьем – дан анализ движения в поддержку хоровой культуры обществен-

ных организаций, расширения сферы хорового исполнительства; рассмотрены социальные условия возникновения любительского коллективного пения.

В Заключении подведены итоги исследования, обозначены этапы развития хорового искусства, сопоставлены процессы в этой сфере музыкальной культуры в Области войска Донского и Приазовье, с аналогичными в других регионах России; предпринята попытка соотнесения становления хорового искусства в разных казачьих войсках, намечены перспективы дальнейшего изучения темы.

В таблицах Приложения систематизированы сведения о церковных хорах ОВД, учителях пения, репертуаре, представлена хронология этапных событий в развитии хорового дела.

Введение

Произошедшие в конце XX и начале XXI столетия перемены в социально-политической и культурной жизни России, изменение пути развития страны обострили интерес общества к отечественной истории. Наряду с исследованием русской художественной культуры как явления общенационального, развивается регионоведение, позволяющее увидеть ее локальное своеобразие. С конца XX в. это направление активно проявляет себя и в музыковедении. Изучение музыкальной культуры провинции является необходимым условием появления новых обобщающих исследований, способных воссоздать качественно иную целостную картину процесса становления и развития русского музыкального искусства.

В донском краеведении 1990–2000-х гг. приоритетным было исследование различных сторон *традиционной* бытовой культуры казачества (фольклор, обычаи, обряды), как титульной социально-этнической группы и носителя культурного своеобразия. Обозначился очевидный разрыв между результатами изучения традиционного песенного исполнительства и хорового искусства донских казаков, как явления культуры *художественной*, за немногими исключениями остающегося вне рамок фундаментальных исследований. Взаимообусловленность, взаимовлияние двух ветвей музыкального искусства в формировании самобытной культуры донского края были столь глубоки и значительны, что, несомненно, нуждаются в специальном изучении. Требуется осмысление преломление традиций русского хорового певческого искусства в донской культуре, своеобразие путей развития хорового дела в условиях военно-административной системы управления территорией, изучение исполнительского стиля существовавших хоровых коллективов, их роли в становлении музыкальной культуры Дона.

Актуальность теме придает и наличие огромного числа сосредоточенных в архивах и относящихся к интересующей нас области музыкального искусства документов, не освоенных наукой. Обобщение содержащихся в них сведений

позволяет воссоздать научно обоснованную картину музыкального прошлого донского края, представить ее в историческом развитии многообразных форм хорового исполнительства, выявить роль искусства коллективного пения в динамике музыкальной культуры. Все сказанное свидетельствует о важности и своевременности обращения к обозначенной теме.

Объектом исследования стало хоровое искусство донского края, представленное в исторической перспективе со времени становления в XVIII в. до расцвета и полнокровного функционирования в начале XX в.; предметом – процесс развития хорового пения в условиях военно-административной системы управления войсковой территорией.

Своей целью автор видел обоснование хорового искусства и хоров как ядра и системообразующего элемента в музыкальной культуре Дона XVIII – начала XX века.

Достижение цели возможно при условии решения задач:

- выявления социально-исторических предпосылок и факторов, способствовавших становлению хорового дела на Дону;
- изучения деятельности профессиональных и любительских хоров в контексте общественной жизни донского края;
- анализа системы певческого воспитания и образования в различных типах учебных заведений ОВД;
- показа своеобразия условий формирования и существования хорового исполнительства и соотнесении сделанных наблюдений и выводов с имеющимися свидетельствами о развитии хоровой культуры в других казачьих войсках и России в целом;
- создания обоснованной исторической периодизации развития хорового искусства на Дону.

Возникающие на пути исследователя многочисленные препятствия, такие как фрагментарность источников или субъективность суждений и оценок явлений современниками, преодолевается благодаря применению методов научного познания.

Исследование было проведено в соответствии со сложившимися и принятыми в отечественной науке (музыкознании, истории, литературоведении) методами и методиками, на базе трудов Б. В. Асафьева, В. М. Жирмунского, Ю. В. Келдыша,

Е. М. Левашева, Д. С. Лихачева, Т. Н. Ливановой, Ю. М. Лотмана, А. М. Панченко, В. В. Протопопова.

В связи с историческим ракурсом исследования и архивными материалами как источниковой базой исследования одной из магистральных стала методология *источниковедения*, обосновывающая теорию и практику выявления, изучения и использования архивных документов. Применение законов и правил источниковедческой науки позволяет, несмотря на отрывочность и разрозненность сведений и исторических фактов, воссоздать целостную картину процесса становления хоровой культуры на Дону.

Системный подход позволил исследовать хоровое искусство Дона в совокупности устойчивых связей общекультурных, социально-экономических и политических процессов, происходящих в институтах государства, церкви, армии, школе, определить причины, стимулировавшие или тормозившие развитие хорового дела, и провести оценку результатов, которых оно достигает на определенном временном этапе. Он также позволил определить основополагающую роль хорового пения в музыкальной культуре донского края, проявляющуюся в единстве взаимосвязанных, взаимообусловленных элементов – церковного и светского (профессионального и любительского) исполнительства.

Обозначенные выше задачи, предполагают сопоставление процессов, происходивших в хоровой культуре Дона с аналогичными явлениями в других казачьих войсках и русской культуре в целом. Вследствие этого мы опирались на опыт *сравнительно-исторического* исследования, позволяющий не только установить сходство и различие между изучаемыми явлениями, но и выявить их природу.

Теоретик сравнительного литературоведения Виктор Михайлович Жирмунский указывал на то, что сравнение должно служить приемом для установления закономерности художественных явлений, соответствующих определенным стадиям общественного развития, быть обязательным элементом всякого исследования. Цели и задачи сравнительного литературоведения он видел в построении «всеобщей литературы» [Жирмунский, 1979, с. 7]; смеем полагать, что наше

исследование будет способствовать созданию общей истории русской музыкальной культуры.

Научные исследования о путях развития русского профессионального хорового искусства представлены трудами Б. В. Асафьева, Т. Ф. Владышевской, И. А. Гарднера, Н. А. Герасимовой-Персидской, Ю. В. Келдыша, А. В. Конотопа, А. В. Лебедевой, Е. М. Левашева, Т. Л. Ливановой, В. М. Металлова, Н. П. Парфентьева, В. В. Протопопова, Д. В. Разумовского, М. П. Рахмановой, Н. Д. Успенского и др.

Хоровые традиции на Дону во всем многообразии их форм и исторических трансформаций не были еще предметом специального изучения. Тем более не предпринимались попытки создания специальных обобщающих работ по данной теме.

Музыкальной культуре отдельных городов Донского края досоветского периода посвящен ряд исследований [Черных, 1993, Мещерякова, 1993]. Одной из немногих работ, в которой имеет место описание хорового исполнительства в Новочеркасске и Ростове является монография В. А. Леонова и И. Д. Палкиной [Леонов-Палкина, 1999]. Диссертация И. Д. Палкиной, при отличии исследовательского ракурса (источниковедение), в основном повторяет положения монографии [Палкина, 2001]. Наряду с обзорным изложением событий хорового исполнительства, работа содержит ряд разного рода неточностей¹. Приводимые сведения о хоровом исполнительстве носят хроникальный характер.

Многочисленные научно-популярные издания последних лет также обходят стороной развитие профессионального хорового дела на Дону в исследуемый период, некоторые из них лишь обнаруживают сведения о существовании хоров при церквях [Казачий Дон, 1995, ч. 2].

Становлению профессиональной художественной культуры на Дону, выявлению взаимодействия церковной певческой культуры и традиционного певческого искусства донских казаков, изучению хорового исполнительства, как компонента армейской и народной культуры посвящены статьи и глава

---

¹ Они относятся к датировке основания Войсковой певческой капеллы, порядку организации казачьей службы, некорректному использованию терминов, связанных с хоровым исполнительством, и ряду других моментов.

монографии Т. С. Рудиченко [Рудиченко, 2000, 2002, 2003, 2004, 2004а, 2007, 2008, 2013].

В направлении обоснования тезиса о народных истоках древнерусского многоголосия отдельные соображения о природе донского высказаны в исследовании А. В. Конотопа [Конотоп, 1996] и статьях Т. С. Рудиченко [2000, 2007].

Истории Войсковой капеллы посвящена небольшая, но содержательная статья Л. М. Жуковой, ценность которой заключается в установлении, на основе изучения архивных документов, факта существования Войсковой певческой капеллы в конце XVIII века [Жукова, 2000].

Народное образование, просвещение и учебные заведения Области войска Донского исследуемого периода интересовали как дореволюционных так и современных исследователей. Многие из работ которых посвящены не только обзору, но и анализу деятельности различных типов школ на Дону [Казачий Дон; 1995, ч. 2; Кириллов, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1912; Королев, 1999; Назарова, 2002; Попов, 1905; Римский, 2000; Робуш, 1867; Романченко, 1898; Ситько, 1997]. Наряду с этим, проблема музыкального образования – использование методических принципов, состав учебников и пособий в донских школах, осваиваемый репертуар еще не стали предметом специального изучения.

Некоторые из названных вопросов нашли отражение в работах В. И. Адищева – «Музыкальное воспитание в кадетских корпусах России (конец XIX – начало XX века)» и «Музыка в женских институтах России конца XIX – начала XX века. (Теория и практика образования)» [Адищев, 1999; 2000] и статье И. П. Дабаевой [Дабаева, 1997]. В этих работах авторы впервые публикуют данные РГИА и ГАРО, касающиеся обучения пению в Донском кадетском корпусе, Донском Мариинском институте и Донской духовной семинарии.

В связи с задачей сравнительного изучения постановки хорового дела в ВД и других казачьих войсках представляют интерес исследования, содержащие материалы подобного рода. В число трудов, разрабатывающих ту же проблему на родственном материале хоровой культуры Кубанского казачьего войска следует отнести работы И. И. Кияшко, С. И. Еремен-

ко, а также трехтомный коллективный труд, созданный учеными уральского отделения РАН «История казачества Азиатской России» [История казачества, 1995], где соответствующие разделы написаны М. Ю. Нечаевой (т. 1, 4.5) и А. В. Худобородовым (т. 3, 4.3).

Исторический очерк деятельности войсковых музыкантского и певческого хоров с 1811 по 1911 год, составленный архивариусом Кубанского Казачьего Войска И. И. Кияшко [Кияшко, 1911], характеризует их деятельность и позволяет обнаружить параллели в творчестве Войсковых певческих хоров – Кубанского и Донского, дает возможность выявления значения феномена войскового хора в культуре казачьего края. Автор на основе подлинных архивных документов воссоздал картину их создания, комплектования, и движения штата, оснащения инструментарием и обеспечения нотами. Значительно меньше внимания уделено творческой стороне.

В советский период хоровое исполнительство Кубани было исследовано искусствоведом С. И. Еременко [Еременко, 1977]. Опуская объяснимую временем создания книги тенденциозность в освещении некоторых событий дореволюционного периода, книга предоставляет богатый материал для сопоставлений.

Для исторических аналогий, выявления сходства и различия между явлениями, не имеющими непосредственных контактов между собой, были использованы современные исследования, в той или иной степени касающиеся изучения различных форм профессиональной хоровой культуры России. Интерес представляют научные изыскания Г. П. Борисова «Музыкальная культура Екатеринодара с начала XIX века по 1920 год», В. А. Жадана «Музыкальная культура Кубани XIX – начала XX столетия: исторический аспект», Е. О. Казьминой «Музыкальная культура Тамбовского края (1786–1917)», В. М. Ковалевой «Музыкальное образование в России в конце XVIII – первой четверти XVIII столетия: историко-педагогический аспект», А. В. Лебедевой-Емелиной «Русская хоровая культура второй половины XVIII века», М. В. Мжельской «Формирование хоровой, исполнительской и музыкально-театральной культуры в Самаре (середина XIX – начало XX века)», Е. Г. Сквиковой

«Музыкально-театральная жизнь Симбирска конца XVIII – начала XX века» и др. [Борисов, 1992; Жадан, 2002; Казьмина, 2000; Ковалева, 2002; Лебедева-Емелина, 1993; Мжельская, 2002, Сквоикова, 1997]. Указанные исследования к заявленной теме имеют лишь косвенное отношение. Одни посвящены изучению истории хорового исполнительства дореволюционного периода в регионах России, другие – культурному развитию разных областей империи, а изучение хорового дела для них является темой периферийной.

Анализ имеющихся публикаций показал, что изучались лишь отдельные аспекты обозначенной темы.

Материалом исследования послужили, прежде всего, неопубликованные документы Государственного архива Ростовской области (33 фондов учреждений и организаций), и Новочеркасского музея истории донского казачества, охватывающие период с 1750 по 1920 г., большая часть которых вводится в научный оборот впервые. Наряду с этим были использованы изданные государственными и духовными учреждениями законодательные акты, приказы, указы, циркуляры. Характер выявленных источников обусловил направления изучения хорового искусства. Несмотря на их внушительный объем, не все его сферы отражены с достаточной полнотой. В открытых для работы фондах учреждений Войска Донского в ГАРО отсутствует, в частности, информация о функционировании частных капелл; она сосредоточена в фондах личного происхождения донских дворян – закрытых или ограниченных для использования. В ГАРО не выявлены также документы, относящиеся к хорам и оркестрам казачьих частей. Деятельность полковых хоров прослеживается по делам, хранящимся в РГВИА, в частности фонду Главного штаба (РГВИА, ф. 400), приказам по казачьим войскам, уставам и требует специального исследования.

В использованных источниках содержатся законодательные акты, материалы делопроизводства войсковых инстанций, духовных ведомств, образовательных учреждений, документы директивного характера: предписания, переписка и распоряжения войсковой власти, статистика, отчеты и т. д. Архивные фонды – 46 – Атаманской канцелярии; 55 – Х. И. Попова

(1854–1919); 226 – Донской духовной консистории (1829–1918); 301 – Областного правления ОВД (1835–1918); 339 – Сыскных и полицейских управлений Хоперского округа (1785); 341 – Войсковой канцелярии г. Черкаска (1722–1775); Войскового гражданского правительства ВД (1775–1797); Войсковой канцелярии ВД (1797–1835); 344 – Войскового дежурства (1835–1866); Войскового штаба Области войска Донского (1870–1920), 353 – Области войска Донского статистического комитета; 578 – Канцелярии смотрителя дворца Александра I в Таганроге (1825–1919); 817 – Лейб-гвардии казачьего Его императорского величества полка (1905–1915) – богаты фактами и информацией статистического характера. Содержащиеся в них сведения относятся, по большей части, к организационной, а не творческой стороне, но именно они позволили восстановить хронологический контекст, дали возможность сопоставить исторические события.

Другая группа документов содержащихся в фондах (66 – 1-го Новочеркасского мужского высшего начального училища (1856–1919); 347 – Новочеркасской учительской семинарии (1878–1916); 352 – Донской духовной семинарии (1868–1919); 357 – 3-й Новочеркасской мужской гимназии (1915–1920); 358 – Дирекции народных училищ ОВД (1826–1919); 373 – Донского епархиального училищного совета; 493 – Отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского (1918–1920)) – дает представление о кадровом, методическом и материально-техническом обеспечении учебного процесса, результатах работы преподавателей по обучению детей пению и созданию школьных хоров. Такого же рода информация содержится в опубликованных отчетах о деятельности обществ (Иоанно-Богословского и содействия народному образованию в ОВД).

Такая область как хоровое любительство отражена в фондах 215 – Акцизного управления; 596 – Таганрогского городского комитета Донского попечительства о народной трезвости; 714 – Черкасского окружного комитета Донского попечительства о народной трезвости (1900–1918); 826 – Донского охранного отделения. Весьма информативны и воспоминания современ-

ников, переписка, дневники выпускников учебных заведений, опубликованные в периодике и изданные самостоятельно.

Архивные документы, отражающие историю донского края опубликованы в специальных сборниках: «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным» (т. 1–3); «Донские дела» (т. 1–5), «Труды» и Областного Войска Донского статистического комитета; использованы также Полное собрание законов Российской империи, Циркуляры Святейшего Синода, Постановления по Министерству народного просвещения, Приказы по казачьим войскам, Приказы по Войску Донскому, благодаря которым события культурной жизни войска предстают в контексте социально-политических и экономических изменений в Войске и российском государстве.

Значительный интерес представляют продолжающиеся и периодические издания («Донская церковная старина» – Донского епархиального церковно-исторического комитета, «Памятные книжки ОВД», «Донские войсковые ведомости», «Донские областные ведомости»). В них содержатся исторические сведения и непосредственные наблюдения современников второй половины XVIII века, описания бытового уклада и музыкального творчества донских казаков, некоторых форм досуга донских станиц. Среди публикаций выделяются статьи и книги А. А. Артинского, В. Б. Броневского, П. И. Вейнберга, Е. Н. Кательникова, Б. М. Краснянского, А. А. Кириллова, Н. И. Краснова, С. Ф. Номикосова, Х. И. Попова, А. И. Ригельмана, В. Д. Сухорукова, П. П. Филевского, А. А. Филонова и др.

Для уяснения своеобразия становления хорового исполнительства на Дону и его места в общекультурном процессе были привлечены работы по истории культуры Н. Ф. Финдейзена, Ю. В. Келдыша, А. В. Лебедевой-Емелиной и Е. М. Левашева, Т. Н. Ливановой, Ю. М. Лотмана, А. М. Панченко, В. В. Протопопова [Финдейзен, 1928–1929; Из музыкального прошлого, 1960, 1965; Келдыш, 1965, 1972; Из истории музыкальной жизни России, 1992; Лебедева, 1993, Лебедева-Емелина, Левашев, 2000, Очерки русской культуры, 1987–1999; Ливанова, 1952–1953; Музыкальный Петербург, 1998; Лотман, 2000; Панченко, 2000, Протопопов, 1973, 1990].

Большую ценность представляют документы, вводимые в научный оборот современными учеными разных областей знаний Л. М. Жуковой, В. Н. Королевым, Н. А. Мининковым, С. В. Римским, Т. С. Рудиченко, Н. В. Рыжковой, С. В. Черницыным, А. В. Шадринной и др.

Теоретическое и практическое значение исследования обусловлено возможностью использования его основных положений и выводов в дальнейших комплексных научных исследованиях по культуре Донского края, а также в целях сравнительного анализа при изучении хорового дела в других казачьих войсках и иных регионах России. Такие работы позволили бы дополнить сложившуюся картину развития русского хорового искусства дореволюционного периода.

Материалы исследования могут быть использованы в разработке отдельных тем учебных курсов истории русской музыки, истории исполнительства, хоровой литературы, хороведения, методики работы с хором и истории донского края в общеобразовательных, средних и высших специальных учебных заведениях. Опыт певческого обучения, организации хорового дела в ОВД может быть применен в практической деятельности руководителей профессиональных и самодеятельных хоровых коллективов, учреждений культуры и искусства, народного образования.

Выявленные в ходе исследования особенности хорового искусства на Дону будут способствовать корректировке современной исполнительской и музыкально-педагогической практики, восстановлению прерванных традиций в сферах хорового исполнительства и музыкальной педагогики.

1. Становление и развитие церковной певческой культуры на Дону

1.1. Предпосылки формирования хорового исполнительства (XVII в.)

Изучение истории хорового пения сопряжено с определенными трудностями. Имеющиеся документы, датированные XVII–XVIII веками, дают возможность восстановить лишь общую картину развития хорового пения в донском крае. Наибольший интерес представляют свидетельства о богослужении православной церкви на территории Войска; именно они являются для нас ориентиром при исследовании хорового дела. Лучше всего представлена информация о существовании часовен и церквей, оснащении их утварью, иконами, книгами. Сведения о певчих, регентах, богослужебных книгах, способах обучения церковному пению не интересовали историков. Попытаемся проследить истоки формирования хорового искусства на Дону, выделив наиболее существенные для нашей темы события.

Незначителен промежуток времени, отделяющий первые известия иностранных купцов и путешественников о появлении казачьих городков на Дону от свидетельств о действующих в них часовнях и церквях. Росписи городков, датированные XVI–XVII вв. сообщают о численности жителей ранних казачьих поселений и лишь некоторые информируют о часовнях.

В 1667 г. турецкий путешественник Эвлия Челеби при описании некоторых городков (всего 31) указывал на наличие в малонаселенных – одной–двух, а в более населенных – пяти–шести церквей. Критически пересмотрев информацию путешественника, В. Н. Королев утверждает, что в его росписи конкретные факты соседствуют с надуманными сведениями [Королев, 1999а]. Если уменьшить приводимые цифры в несколько раз, можно предположить, что в каждом из перечисленных городков была если не церковь, то хотя бы безалтарная часовня. Часовни возводились в поселениях, насчитывающих до 100 и более жителей. А. А. Кириллов определенно указывает

лишь на существование часовни в Раздорском городке [Кириллов, 1909, с. 164].

К исходу XVII века по подсчету историков церкви и краеведов в Донском крае появляются наряду с Воскресенским собором Черкаска две монастырских церкви, 11 церквей в городках и три часовни [Кириллов, 1909, с. 166–167; Ознобишин – ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 124, л. 16]. Упомянутые церкви обеспечивались иконами, книгами, утварью из московских «посылок» или непосредственно казаками.

Документы сохранили описания богослужений в крупных центрах казачества. Таковыми являлись, по мнению Н. А. Мининкова, не только низовые городки – Монастырский, Черкасский, но и расположенные на севере Донской земли – Есаулов (Есауловский)¹, Чир (Верхне-Чирской), Голубые (Голубинский), Паншин (Паншинский), Иловля (Иловлинский) [Мининков, 1998, с. 117]. В. Н. Королев установил соответствие перечню наименований Э. Челеби следующих городков: Пятиизбянского, Кобылянского, Зимовейского, Кумшацкого, Романовского или Кагальницкого, Верхне-Каргальского, Нижне-Каргальского, Михалевского, Бабского, Багаевского, Маноцкого, Черкасского [Королев, 1999а, с. 7–8].

В Монастырском яру «съезжаются казаки из всех городков, часовня тут, попов по 10 и больше, и дьяконы» [Королев, 1999а, с. 5]. В этой часовне ежедневно служили литургию иеромонахи Киевского Межигорского монастыря, приглашенные донскими атаманами [Старочеркасск и его достопримечательности, 1870, с. 251]².

На ранних этапах жителям казачьего городка часовня необходима была скорее для разовых «мероприятий», нежели для постоянного служения. Таковыми были проводы и встречи казаков из походов «за зипунами». Художественное описание

---

¹ Названия городков приведены историками Н. А. Мининковым и В. Н. Королевым в разных редакциях. Наименования в краткой форме соответствуют наиболее ранним картам (Н. А. Мининков).

² Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, основанный в 989 г. являлся «церковной резиденцией» запорожских казаков и содержался за счет их пожертвований. Братия монастыря почти всецело состояла из запорожцев. Здесь же существовали и школы, где обучались Закону Божию, молитвам, пению, письму молодые казаки. Его иеромонахи служили в Запорожской Сечи [Эварницкий, 1990, с. 295].

В. Б. Броневским таких событий, позволяет составить о них представление: «Отплытие на поиски всегда сопровождалось некоторым благоговейным торжеством, возвращение праздновалось с шумною радостью. В первом случае весь народ стекался к часовне... вместе с походным войском слушали обедню и молебен Чудотворцу Николаю <...> по возвращении суда останавливались против часовни и по отпетии благодарственного молебна, прибывшие воины смешивались с родными и товарищами... Обряд сей, основанный на том религиозном понятии, что всякий успех дела должно приписывать воле божьей...» [Броневский, 1834, с. 107; 114]. Обслуживали часовни свои или пришлые попы, а исполнение молебна, вероятно, возлагалось на собственных певцов.

Свидетельства о церковных ритуалах и пении указанного периода отсутствуют, однако духовное подчинение казаков московскому патриарху позволяет исследователям предполагать, что на Дону богослужбное пение развивалось в направлении, характерном для Московской Руси. «донские казаки, ведя свое происхождение от русских, удерживали одинаковое с ними вероисповедание, хотя в обрядах церковных последовало некоторое изменение, то сие приписать должно отдаленности жительство от самой России» [Рыжкова, 2000, с. 109].

Между тем, известно, что с конца XVI века на Дону жило много выходцев из Запорожской Сечи, с которыми донцов сближали и совместные военные действия, и общие этнические корни, и язык, и единая вера. Уже в 1570 г. на Дон вышло несколько сотен запорожцев, которые «не перемешались с Донцами, а сели особо в свои юрты». Об участии живших в черкасском юрте запорожцев в жизни казачьей столицы писал В. Д. Сухоруков [Сухоруков, 1991].

Позднее такие «ватаги» переходили регулярно [Мининков, 1998, с. 85, 93, 97, 98, 103, 116, 123, 125, 132]. Наряду с переходами черкас из Запорожья на Дон, курсировали и донские казаки в другую сторону [Ковальский, Брехуненко, 1989, с. 68]. По утверждению историков донские казаки богаче запорожцев, однако, те «имели предпочтительные условия для распространения грамотности и книжного знания». В Сечи существовало церковно-певческое училище, что тоже выгодно отличало

запорожцев. В разное время в нем были и взрослые и малые певчие: дети казаков и мальчишки, захваченные запорожцами в плен в Польше [Шептун, 1995, с. 361]. Здесь же следует вспомнить и о межигорских иеромонахах, служивших в Монастырском городке³. Любопытно, что практика приглашения для освящения из Киева донских храмов сохранялась даже в конце XIX века. Так, при закладке Успенской единоверческой церкви (на месте старой Михайло-Архангельской) в Новочеркаске для ее освящения был приглашен Киевский Митрополит Платон, а Киево-Печерский архидиакон Флавиан «сопутствовал Киевскому Владыке звучным и приятным голосом» [ДЕВ, 1886, № 14, с. 578–586]. Частыми гостями в Земле войска Донского были служители киевских монастырей, следующие через земли Войска Донского в Москву. «Донские дела» сообщают об игуменах монастырей Киево-Печерского, Чигиринского, Межигорского, «Литовской стороны Буйнитского монастыря», шедших «побити челом о своих нуждах» [Донские дела, 1913, стб. 702, 707]. С 1646 г. расширившиеся торговые связи с подданными Речи Посполитой⁴ способствовали знакомству с польской культурой. Многие исследователи считают, что духовное влияние Киева на донских казаков было велико [Давровский, 1917]. Поэтому нетрудно предположить, что многоголосное партесное пение было известно на Дону едва ли не ранее, чем в Москве.

Большую роль в духовном развитии донских казаков сыграли годы Азовского осадного сидения (1637–1642). Перед штурмом Азова в 1637 г. упомянутые киевские монахи, участвовавшие в Азовском походе с запорожскими казаками, отслужили молебен под стенами города и причастили донское войско [Ригельман, 1992, с. 48, 116].

Ко времени захвата крепости казаками, азовские православные имели две церкви – Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, а по утверждению А. А. Кириллова в Азове «несомненно существовали греческие храмы еще в XV столетии» [Кирилов, 1909, с. 165]. Первые упоминания о присылке «разных книг

---

³ От монахов, отправлявшихся к казакам «требовалась начитанность в слове Божием, красноречие, голосистость и трезвость» [Шептун, 1995, с. 366].

⁴ Польские и литовские люди с разрешения московского правительства, беспошлинно торговали на территории Войска Донского.

для двух церквей в Азове», относятся ко времени Азовского осадного сидения. До этого казаки обходились собственными силами [Лишин, 1891, с. 20].

Обосновавшись в городе, они занялись украшением церквей. Несмотря на то, что в это время донцы были отлучены патриархом от церкви за вражду с турками, в 1638 г. войско просит прислать в Азов к своим храмам необходимую утварь и книги «чтоб нам... было по чему за тебя, государь... бога молить». В ответ на просьбу, им посланы, среди прочего, книги «по чему б было в тех церквах пети»⁵. Некоторые из них взяты из царского дворца: «Евангелие толковое, 2 устава, 2 триоди, постная да цветная, апостол, служебник, потребник, минея август месяц, 2 минеи общие, 4 трефалоя с сентября месяца по март месяц. Да из разряду взято: соборник, стихараль», в следующем году высланы 2 трефалоя с марта по сентябрь [Донские дела, 1906, стб. 190]. Утварь, вино, миро, масло отправлялись из соборной церкви Успения Богородицы. Для сопровождения святынь был «разыскан» богомолец-поп Яков Сидоров⁶, правда, казакам пришлось его «преговаривать, чтоб к ним поехал волею».

С азовского эпизода казачьей истории становятся более частыми упоминания «о молебном пении» в среде донцов.

Поэтическая «Повесть об Азовском осадном сидении» повествует, что «без пения... перед образами вашими (Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. – А. В.) у нас и дня не проходило <...> совершали молитвы многие, соблюдали чистоту

---

⁵ «Евангелие на престольное, 2 рубли 16 алтын 41 деньги; евангелисты серебряны басменные, рубль 13 алтын 2 деньги; апостол 2 рубли; минея общая, 3 рубли; потребник, 3 рубли; служебник, рубль 16 алтын 4 деньга, охтай с 1 гласу по 8 глас, 2 рубли; 2 пролога, 2 златоуста, да о правиле святых отец седми соборов, да 22 минеи месячных печатных», позднее высланы «Устав новый большой, а взять из Дворца; а пролог и златоуст, будет можно, добыть и то купя, послати же; а миней месячных нет, посланы к ним минеи общие да трефолои, а в трефолоях писано то ж, что в минеях месячных» [Донские дела, 1906, стб. 190].

⁶ Яков Сидоров служил «в Сибири в попах в Тобольску и на Верхотуре 20 лет. И в прошлом, де в 148 г., ...отпущен ...к Москве на время помолиться Московским чудотворцам и с Москвы послан был в Азов со святынею, и в той де посылке учинились ему урон и убытки великие, и ныне он скитается на Москве, меж дворов. И государь бы его пожаловал, велел ему быти в Сибири в попах попрежнему» [Донские дела, 1906, стб. 393].

телесную и духовную...» [Повесть об Азовском осадном сидении, 1985].

Некоторое сомнение вносит лишь тот факт, что в Азове на тот момент православных представляли наряду с донскими казаками и торговыми людьми южных губерний Московской Руси, значительная часть запорожских казаков, и нанятые для починки крепости греки. За время азовского сидения казаки «сблизились с народами, более их просвещенными, привыкли к некоторой роскоши» [Броневский, 1834, с. 129].

Военные действия не мешали им заботиться о благолепии богослужения, даже напротив, вызвали стремление проводить службу более чем достойно. После оставления Азова казаки «образ Иоанна Предтечи, и иные образы, и колокола, и книги, и ризы, и всякое церковное строение вывезли в Махин остров и устроили часовню», где служили панихиды по погибшим во время осады [Донские дела, 1906, стб. 365].

Возможно, именно несколько лет, проведенные в Азове в молитвах, совершаемых в древних церквах, способствовали стремлению завести в скором времени не просто часовни, а роскошные храмы и в других местах Донской земли. Казачьи городки нередко горели, разрушались наводнениями, меняли местоположение, погибали от военных действий, церковные книги, присланные с царской посылкой, сохранялись в первую очередь.

Не имея больших храмов в городках, донские казаки покровительствовали нескольким монастырям, являвшимся своеобразными «казачьими колониями» среди Тамбовской и Воронежской земель – Николаевский Чернеев в Шацке (основан в 1573 г.) и Живоначальная Троица в Борщеве (в 1623 г.) – монастыри были не только их религиозными центрами, но являлись и местами их более длительного пребывания [Дубасов, 1884, с. 24, 26]⁷. По словам исследователя «Троицкий монастырь... если не отличался богатством, как *некоторые древние* (курсив мой – А. В.) русские монастыри, то и не беден был». В церкви монастыря «книг довольно», среди них и певческие

---

⁷ Так, в 1640 г. в монастырской слободке одного из тамбовских монастырей пребывал «двор донского казака и четыре двора монастырских детенышев». В слободке Троицкого монастыря «три двора донских казаков» [Там же].

– Обиход, Октоих, Ирмологий. При этом «ходим мы около монастыря с пением со кресты по Воскресеньям и по Владычным праздникам и на Ердань...» [Там же, с. 38]⁸.

Постепенно утрачивая влияние на воронежские и тамбовские монастыри (к 1684 г.)⁹, донцы обзаводились собственными: в 1652 г. Усть-Медведицким Спасо-Преображенским, в 1688 г. – Мигулинским Троицким, в 1693 – Кременским Вознесенским. Двигало казаками в основном желание сохранить независимость в церковном отношении. Первый воронежский епископ Митрофан характеризует положение дел на Дону в то время: «У нас место украинское и всякого чину люди обыкли жить неподвласно, по своей воле» [Донецкий, 1903, с. 923]. Следует заметить, что служили в этих монастырях «бродячие и пришлые попы» [Кириллов, 1909, с. 171].

Риск и опасности походной жизни давали много поводов и для паломничества к святым местам «помолиться и оброк своей души грешной свести» [Донские дела, 1906, стб. 34] в Астрахани (Живоначалной Троице), во Владимире (Богородице Владимирской), Казани (чудотворному образу Казанской Божьей матери и Великим Казанским чудотворцам Гурию и Варсунофию), Курске (Пречистой Богородице), Можайске (Святителю Николаю Чудотворцу), Москве (Зарайскому Николае Чудотворцу и Московским чудотворцам Петру и Алексею, и Ионе, и Филиппу), Новгороде (Воскресению Христову в Деревяницком монастыре), Соловецком монастыре, Царицыне (Пречистой Богородице в монастыре Сретенья Иконы Владимирской) «под начало в который монастырь пригож» [Донские дела, 1913, стб. 316].

⁸ В эти монастырях жизнь не отличалась упорядоченностью и благолепием, как в «некоторых древних русских монастырях». Об этом косвенно свидетельствует письмо первого воронежского епископа Митрофана, написанное, правда, много позднее, в 1683 г. Он требует «смотреть, чтобы черные старцы и трудники монастырские к церкви Божьей к вечерням, утрениам и к литургиям, ко всякому церковному пению приходили бы без лености по все дни» [Донецкий, 1903, с. 923].

⁹ Эти монастыри имели «полумирской характер», а, числясь в разных епархиях, признавали только власть войскового круга. Их истинное назначение – «быть школами благочестия» не соответствовало действительности: к концу XVII века «по беспокойному характеру своей внутренней жизни... оказавшись несогласными со своим назначением» некоторые были упразднены, другие потеряли статус войсковых [Донецкий, 1903, с. 922; ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 2. Л. 6 об.]

Особо посещаемым был Соловецкий монастырь – один из центров певческой культуры России того времени. Как известно, молитвенное пение в этом монастыре было не только по праздникам, оно являлось основой ежедневного быта монашеской жизни. В Соловецком храме пела вся братия, вероятнее всего и паломники. Не будет ошибочным и предположение о том, что в привлечении паломников не последнюю роль играла торжественность богослужения и монастырского пения. Казаки приходили в Соловецкий монастырь поклониться покровителям воинства преподобным Зосиме и Савватию¹⁰.

В качестве факторов, способствовавших упорядочению церковной жизни и развитию форм богослужebной практики на Дону, выступали и связи донцов с крупными христианскими центрами. Во время походов они бывали в иноземных христианских обителях, где слушали православную службу [Королев, 1991, с. 150]. В числе главных духовных центров, к которым тяготели донские казаки, следует назвать Москву. Их сношения с Москвой не были регулярными до вступления на престол Михаила Романова [Мининков, 1998, с. 320] и носили исключительно деловой характер. В Москву два раза в год снаряжаются станицы (отряды выборных казаков), плывшие до Москвы на своих судах и привозившие на Дон жалование, порох, свинец, оружие, церковную утварь, книги, колокола и пр. Там они размещались в Посольском приказе и обязаны были посещать службы в московских кафедральных соборах. Позднее, жалование и необходимые церковные книги донцам стали присылать.

Частью политики московских царей в отношении казачества становится и забота об их духовности. Присылка на Дон церковной утвари, печатных книг, жалование денег для строительства церквей и назначение священников к храмам Войска становятся постоянными. Косвенным свидетельством упорядочения церковной жизни, регулярности служб в часовнях (теперь они совершаются в вечерние и утренние часы), большей значимости церкви в первой трети XVII века явля-

---

¹⁰ Зосиме и Савватию молились о спасении и сохранении плавающих [Православный месяцеслов, 1992, с. 115].

ется и то, что отправными календарными датами в отписках казаков становятся церковные праздники «о Петрове дни», «на Покрова», «после Васильева дня». Забота об улучшении церковного благочиния в донских церквях отвечала интересам самих казаков, именно поэтому они с благодарностью принимали царские подарки часовням и церквям.

Вероятно, еще не совсем осознав необходимость иметь на Дону своих ставленников в лице священников, Москва присылает к донцам далеко не самых лучших служителей церкви, а только тех, кто не имел места службы. Многие из них были «болезненны и весьма преклонного возраста». Возможно по этой причине, или в силу тяжелых условий жизни, назначенные в новый собор одними из первых – поп Иван Денисов из г. Михайлова, поп Федот Данилов из Казани, дьякон Юрий Степанов из Москвы – долго не задержались. Поп Федот «человек старой и увечной, в церковной... службе евангелие прочесть, да и по иным книгам не довидит», был отправлен назад, оба другие – «преставились» [Донские дела, 1913, стб. 549]. Эта утрата не особо расстроила казаков и уж конечно не остановила службы «с молебным пением и с звоном» [Там же, стб. 555]. Возможно, донцы обошлись бы и одним войсковым священником Максимом, присланным на Дон из Тамбова, да в четырех приделах «одному у нас священнику... невозможно» – «литургейных служб служити некому». Для торжественных мероприятий вызывали дьякона из соборной церкви Царицына, однако это не решало проблемы.

Восстание Степана Разина и начавшееся вскоре после него движение раскольников на Дон побудило к усилению влияния Москвы на внутреннюю жизнь Войска. Если ранее казаки обращали мало внимания на поселившихся в разных «укромных» местах раскольников, то по царскому требованию (грамота от 31 июня 1677 г.) надо было «проведать всякими мерами накрепко тайно, что по Дону и на речке Медведице в казачьих юртах завелись жить старцы и попы, и всякие прихожие люди. И в пустынях не в давних летех и печатные книги, и церковную службу, и иконное письмо хулят и образам божьим не поклоняются, и многих людей из донских городков к себе подговаривают, и крестят в другой ряд» [ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 362, л. 1 об.].

Еще не укрепившаяся в городках из-за удаленности Дона от столицы власть православной церкви стала размываться расколом. Многочисленные партии черного и белого духовенства, дьяков, бежали от церковной реформы на Дон. Оседая в станицах и по лесам, строили молельни и часовни, серьезно влияли на духовную жизнь казаков, выступая «против Соборной Апостольской церкви» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 23, 24, 25]. Например, в одной из многих, пустыни Иевской на реке Чир, недалеко от казачьего городка, «черный поп Иев, да чернецов двадцать человек, а бельцов человек с тридцать и больше. И церковное пение тот черной поп Иев служит по старым книгам, а новоисправные книги хулит, что будто в новоисправных книгах все изронено» [ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 362, л. 2]. В это время, несмотря на запреты и наказания, на донской земле в полную силу зазвучало старообрядческое пение. Отголоски его были слышны даже много позднее, в XIX веке¹¹.

В ходе исследования документов, свидетельствующих о присылке на Дон специально обученных певчих, знавших линейную нотацию, или приглашении учителей войсковой администрацией не обнаружено. Вероятно, казаки не особенно нуждались в специальных учителях нового для Москвы хорового пения, поскольку их общение с южнорусскими монастырскими братствами, запорожскими казаками и с поляками было тесным и постоянным. Поэтому можно утверждать, что начальный период истории донского казачества и становления его культуры (XVI–XVII вв.) подготовил почву для восприятия церковного и светского искусства *европейского типа*. Такие факторы как этническая, социальная и конфессиональная неоднородность донского казачества, существенная роль киевских священнослужителей, приток на Дон старообрядцев позволяют сделать вывод о том, что богослужбное пение в начальный период своего развития не было унифицированным.

---

¹¹ В 1870 г. старообрядцы из Новочеркасска считали, что в церкви служат по книгам, испорченным патриархом Никоном. Миссионеры этой поры сообщали, что донские старообрядцы не знают в совершенстве хомового пения, «хотя ненайка удержана у них и при том поется единственно между стихами псалма „Благослови душе моя, господа“» [ДЕВ, 1873, № 1, с. 340–344].

Постоянная занятость казаков «на театре военных действий» [Мининков, 1998, с. 489–497] не давала возможности специально развивать профессиональную культуру. Однако природные качества позволили им осваивать ее достижения параллельно с основной формой жизнедеятельности – войной.

Даже немногочисленные факты существования хорового пения с середины XVII века на Дону убеждают нас в том, что на Дону постепенно складывались институты, которые впоследствии послужили основанием для широкого развития хорового искусства в казачьем крае.

1.2. Богослужбная певческая практика в Войске Донском (XVIII – начало XX в.)

С 1718 года¹² – времени подчинения Дона в духовно-административном отношении Воронежской епархии¹³ – начинается новый период в истории донской церкви [Кириллов, 1909, с. 171; Куликова, 1993, с. 131; Римский, 1998, с. 273]. Историки отмечают, что казаки не спешили признавать власть епархии и по всем вопросам церковной жизни (включая постройку храмов, назначение священно- и церковнослужителей, суд над ними) обращались непосредственно к войсковому начальству, которое «прямо писало архиереям, чтобы они не вмешивались в духовные дела по казачьим приходам» [ДЕВ, 1882, № 1, с. 16]. Медленно и с большими трудностями продвигалось на Дону установление общероссийских церковных порядков. Ряд грамот, посланных воронежскими архиереями (в 1721, 1741, 1745 гг.), пытавшимися предотвратить вмешательство в церковную жизнь войсковой власти, не менял ситуации в лучшую сторону [Лишин, т. 1, № 196, с. 306; Лишин, т. 2, ч. 1, № 261, с. 241; там же, № 386, с. 368].

---

¹² Уже в 1715 г. по Указу Пресвященного Пархомия, митрополита Воронежского велено «по всей реке Дону, где в казачьих приходах имеются часовни, прирубить к ним круглые алтари и трапезы» [ДЕВ, 1894, № 10, с. 375–376].

¹³ 8 марта 1718 г. в Войско Донское была послана грамота «О бытии церквам, монастырям и тех церквей и монастырей властям и монахам, священникам и всем церковникам, находящимся на Дону и по другим рекам, в ведомстве вместо патриаршей епархии в Воронежской» [Кириллов, 1900, с. 193–195].

По указу епископа Иоакима с 1743 г. существовавшие в станицах часовни надлежало переделать, и впредь строить на Дону исключительно церкви¹⁴. Упорно сохранявшаяся в Войске, несмотря на указания Св. Синода, практика выборности священников вынуждала воронежских архиереев пойти на уступки. Они выдавали «ставленную грамоту» священникам, назначенным войсковой канцелярией даже в случаях, когда не удовлетворялись их познаниями в чтении и церковном пении [ДЕВ, 1882, № 20, с. 770]. Для обучения священно- и церковнослужителей Войска Донского в 1747 году заведена Черкасская войсковая латинская семинария, не оправдавшая, впрочем, возлагавшихся на нее надежд [Королев, 1999, с. 104].

Несмотря на отсутствие специального учебного заведения для служителей церквей, вряд ли можно назвать неудовлетворительным их «профессиональные качества». «Формулярные ведомости о церквях и церковном клире г. Черкаска и оного заказа», составленные в 1801 г. сообщают, что из 124 церковно- и священнослужителей только 24 храмов Черкасского заказа в чтении и «пении простом без нот» «исправны» 27; «знаючи» 75; «достойн» 1; «умеет» 1; «средственны» 9; «мало знают» 6. В пении простом и «по ноте» «довольно знающ» Иосиф Парфенов, «знаючи» священник Петр Федоров Волошиновский; Василий Прохоров Рубашкин, Иоанн Терезников, Гордей Тимофеев; «довольно исправен» иподьякон Иеремия Матфиев Панченков, «исправны» дьякон Михаил Иванов Красновский, псаломщик Филипп Иванов Березовский, дьячки Павел Михайлов Попов, Федор Иванов Лавров, Иван Иосифов Жданов, Семен Семенов Корбинецкий, Михаил Захарьев Леонтович, пономари Иосиф Петров и Николай Попов; «средствен» Василий Яковлев Королев; шестнадцать служителей церквей пению обучались «по нотному ирмологию». И лишь девять служителей из числа звонарей и пономарей заслужили определение «не умеет» 2; «не знающий» 3; «к пению туп и не способен» 2; «не исправен» 1; «в пении неграмотный» 1 [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 160, л. 1–255].

---

¹⁴ К 1743 г. на Дону существовало 105 церквей, из них была одна каменная (собор в Черкасске), остальные – деревянные.

Проведенный подсчет на тот же предмет в Хоперском заказе на 1800 г. показал следующие результаты: из 259 церковников 58 церквей в пении «достойны» 142; «способны» 2; «годны» 2; «хороши» 6; «исправен» 1; «знающ» 1; «средственными» 97; «малознающ» 3. Лишь восемь оказались неграмотными в области пения или неспособными в силу разных причин к обучению: «к пению туп» 1; «к пению слеп» 1 и «не исправны» 3 [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 89, л. 1–130].

Градации определений способных и неспособных, не используемые в наши дни, очень убедительны и позволяют составить представление о составе певчих и качестве пения без дополнительной характеристики. Таким образом, отсутствие специальной подготовки еще не является обязательным свидетельством неграмотности священнослужителей. Интересно также и то, что если в церкви «достойн пения простого и партесного» священник, то поющим оказываются и другие члены клира. Вполне вероятно, что к таким же выводам приходило руководство. Объяснимо поэтому стремление духовного начальства обеспечить храмы поющими и музыкально грамотными священниками.

Приведенный анализ выявляет и «слабое место» клира – знание нотного пения. Стремлением к исправлению положения дел объясняются регулярные назначения духовным правлением в благочиния «наставников нотного пения». Так, с 1817 г. определен «учителем нотного пения» по Новочеркасску священник Андрей Михайлович Юганов [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 2023, л. 39 об.]; в 1822 г. такую же должность в ст-це Раздорской занимал священник Петр Александрович Захаревский [ДЕВ, 1876, № 3, с. 90].

В конце XVIII века казаки «отличались щедрою благотворительностью на храмы Божии... и охотно принимали участие в службе Божьей; чтение и пение в церкви самых почтенных прихожан было в то время обычным делом» [Макаров, 1889, с. 106].

Документы подтверждают существование певчих в храмах Черкасского городка, состоявшего из 11 станиц¹⁵, с 1758 г.

---

¹⁵ Верхней и Нижней Черкасских, Тютюревской, Скородумовской, Павловской, Прибылянкой, Дурновской, Трех Рыковских, Средней [Губарев, 1970, т. 3, с. 271].

[ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 28, л. 71]. Такие сведения не единичны: в приходно-расходных книгах Войсковой канцелярии нередки упоминания о выдаваемом певчим многих церквей жаловании [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 71, л. 218–220] (данные о церковных хорах ВД обобщены в *Приложении 1*).

В донских церквях весь клир подчинялся войсковой власти; не были исключением и певчие. Их, если потребуется, могли отлучить от службы «за провинности». В содержащихся за счет Войска храмах певчими были вольнонаемные, позднее – станичники. Они входили в штат церковного клира и оплачивались из положенных Войском сумм, а пожертвования прихожан были дополнительным заработком. Труд певчего оценивался как труд низшего церковнослужителя – дьячка и пономаря. В отличие от казачьих приходов, в слободских крестьянских плата певцам, наряду с другими церковнослужителями, осуществлялась из пожертвований и приношений прихожан. К праздникам певчим выдавали «наградные».

Нередко, озаботившись устройством церковного хора, казаки могли выделить на его содержание особые средства. В ст-це Новогригорьевской священником был организован «хороший любительский, чисто народный хор», пользующийся поддержкой местного общества, которое «отвело в пользу его рыбное озеро. Озеро охраняется самими певцами, а осенью вылавливается в нем рыба, продается и вырученная сумма (до 70 руб.) служит единственным вознаграждением хора» [ДЕВ, 1911, № 30, с. 803]. Содержание церковного хора из станичных средств не было редкостью на Дону. Документы сообщают о различных способах «поддержания» церковных певчих, среди которых право «ходить осенью по приходу для сбора зернового хлеба» [ГАРО, ф. 338, оп. 4, д. 324, л. 49; ДЕВ 1913, № 10, с. 173]. Церковный хор мог существовать и на средства одного покровителя [ДОВ, 1914, № 4, с. 7]¹⁶.

Чтецам и певцам в православной церкви положена была одинаковая богослужебная одежда с диаконами – стихарь. Но с начала XIX века, когда военная форма для казаков стала обязательной, она служила одеждой для певчих собора, неза-

---

¹⁶ Церковный староста Никольской церкви хут. Калача-на-Дону Пятиизбянской ст-цы А. В. Казаков содержал хор и регента Кучеренко «на свой счет».

висимо от их происхождения. На средства станичников и по добровольному желанию в некоторых церквах певчим «строили» специальную одежду «красивые праздничные мундиры» [ДЕВ, 1911, № 33, с. 911]. Это не было правилом, и зачастую требовалось лишь, чтобы хористы были одеты «чисто и опрятно».

К 1764 г. в трех духовных приказах – Черкасском, Усть-Медведицком и Хоперском – состояло 4 каменных церкви, 103 деревянных, при них служили: 1 протопоп, 131 священник, 10 дьяконов [Кириллов, 1909, с. 177].

Составленные И. М. Сулиным описи церковного имущества (1858) позволяют выявить среди древних книг и певческие, обнаруженные в станичных церквах¹⁷:

Певческие книги	Год издания	Станица, в которой обнаружены
Триодь постная	1663 г.	Кагальницкая
Осмогласник	1663 г.	Аксайская
Книга молебных пений	1671 г.	Кагальницкая
Служба спасителю и божьей матери	1673 г.	Аксайская
Октоих	1692 г.	Каменская
Триодь цветная	1695 г.	Гундоровская
Триодь постная	1699 г.	Гундоровская
Служба Св. Николаю Чудотворцу	1699 г.	Дурновская, Мартыновская
Триодь цветная	1704 г.	Дурновская
Триодь постная	1704 г.	Филоновская
Триодь цветная	1707 г.	В.-Кундрюченская, Каменская, Ярыженская
Служба Феодосьевской Божьей матери	1708 г.	Ярыженская

¹⁷ Для наглядности расположение в таблице – от более ранних изданий книг к более поздним (за исключением книг Войскового Черкасского собора, о которых сообщалось ранее).

1. Становление и развитие церковной певческой культуры на Дону

Триодь постная	1709 г.	Мартыновская
Книга молебных пений	1713 г.	Усть-Быстрианская
Триодь постная	1717 г.	Дурновская
Триодь цветная малая	1722 г.	Березовская
Триодь постная	1724 г.	В.-Кундрюченская, Дурновская ⁷
Октоих	1727 г.	Гундоровская
Служба Св. Николаю Чудотворцу	1728 г.	Усть-Белокалитвенская
Триодь постная	1731 г.	Усть-Быстрианская, Мартыновская
Октоих	1740 г.	Бурацкая
Октоих	1746 г.	Мартыновская

Из приведенной описи видно, что обеспечение книгами на Дону было сравнительно регулярным. Уже в первой четверти XVIII века на местных ярмарках продавались необходимые для церковной службы певческие книги, которые донцы покупали, не дожидаясь «посылок» из Москвы.

До появления на Дону архиерейской кафедры казаки отправляли богослужение, не особенно сообразуясь с поступавшими в Войско запретами «пения по рукописным нотным тетрадам». С учреждением епархии¹⁹ отличия в церковной службе стали ликвидироваться, а само служение приводится в соответствие с общероссийскими нормами, особенно в период цензуры Придворной певческой капеллы. Отчеты благочинных архиерею обнаруживают информацию, что в некоторых донских церквах вплоть до 1835 г. сохранялись рукописные ноты. «Нотные *пиэсы* неизвестных сочинителей», ходившие в рукописях и исполнявшиеся на клиросе не только в Новочеркас-

¹⁸ На книге был обнаружена надпись следующего содержания: «Сия книга Триодь постная 1725 году в Михайлове городке от Крещенской ярмарки и дана за книгу 4 руб. 10 алтын. По обещанию сию книгу и 3 руб. Дурновской станицы казак Макар Анисимов по своей душе отказал, а подписал сию книгу Дурновской станицы дьячок Федор Яковлев сын попов» [ДЕВ, 1895, № 4, с. 124].

¹⁹ Ко времени основания Донской епархии (1829) в Войске Донском действовало 194 церкви.

ске, но и в станицах, хуторах и слободах постепенно исчезали из употребления [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 21]. Некоторые документы, исходящие от Св. Синода разрешали «где какое пение ведется издавна, его не изменять». Попал ли в эту категорию Вознесенский кафедральный собор, имеющий рукописный «Осмогласник, в коем находятся догматики, на стиховн[е], антифоны, ирмосы, екзапостилярии и херувимские песни <...> древних напевов и другие стихи, употребляемые в некоторых церквах», не известно [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 5].

Постоянно присылаемые на Дон документы, регламентирующее пение в церквах, не оставляли сомнений в содержании богослужения. Под страхом наказания было воспрещено петь «такие переложения церковных песнопений, которые не одобрены Святейшим Синодом» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 4240, л. 1, 4]. Подобные распоряжения «высшего начальства» регулярно обновлялись, расширяя репертуарные возможности хоров, но только в рамках придворного обихода. Так, в 1871 г. Придворной капеллой были разрешены к исполнению произведения П. М. Воротникова «Чашу спасения прииму», «На реках Вавилонских», «Величит душа моя господа», «Ныне силы небесныя» и др. Сообщалось, что переложение «Плотию уснув» признано «составленным совершенно неверно и потому его напечатание не дозволяется» [ДЕВ, 1871, № 19, с. 581]. Выписаны в донские церкви были Литургия Иоанна Златоуста, Литургия Преждеосвященных даров, литургия Василия Великого, всенощное бдение, молебен и панихида «в таком формате, который удобно всякому молящемуся держать в руках во время богослужения» [ДЕВ, 1876, № 19, с. 607].

Во второй половине XIX века возрастает стремление к профессионализации церковных хоров. Для улучшения качества пения высшая церковная власть и причт церквей предпринимают ряд мер. Причт выделяет специальные средства для найма профессиональных регентов; власть издает в эти годы указы и распоряжения, касающиеся церковных хоров и их руководителей, публикует требования к качеству пения [ДЕВ, 1893, № 22], к деятельности псаломщиков [ДЕВ, 1912, № 30, с. 881–882].

Особым мастерством отличались дьячки²⁰ и дьяконы – «отличные певцы, чтецы и знатоки церковного устава, и истовые его исполнители». В дополнение к прямым служебным обязанностям, им вменялось «наблюдать» за певчими, разучивать с ними новые песнопения; нередко они выполняли функции регента – создавали «из местных прихожан» или учеников церковно-приходских школ хоры и руководили ими.

Среди перемен, произошедших в некоторых дьячках (псаломщиках) в XIX веке, отмечены «небрежное исполнение службы и церковных песнопений». Негативно оценивался «светский» облик: «коротко стрижены, чисто выбриты, в куцей одежде» [ДЕВ, 1913, № 18, с. 556].

С 70-х годов XIX века большое внимание уделяется комплектованию хоров качественными голосами; стали обычными поиски «хорошего первого тенора» на должность псаломщика и «хорошего баса» – на дьяконскую и протодьяконскую. Утвержденные требования «к ищущему сана псаломщика» в 1882 г. были опубликованы в ДЕВ [ДЕВ, 1911, № 29]. Занять вакансию псаломщика, дьякона и протодьякона в церкви можно было лишь в случае соответствия следующим требованиям: к голосу: «Бас, баритон и тенор – объем, сила и обработка»; к способу пения: «По наслышке, по церковно-обиходной ноте, по партесно-певческой – объем и достоинство знания. По Львову, по Бахметеву, по Турчанинову»; к знанию напевов: «Придворный, Киевский, столбовой, разных распевов, трехголосный – объем и достоинство»; к способностям: «Устроить согласное пение из нескольких разных голосов по церковному обиходу и четырехголосное хоровое пение». Как «безусловно необходимая для всякого псаломщика» отмечалась «способность и умение петь общеупотребительным напевом: на гласы (на «Господи воззвах» со стихирами и славами; на «Бог господь» с тропарями и славами, прокимны воскресные 8 гласов; аллилуйя 8 гласов); песнопения, употребляемые на Всенощном бдении; на Литургии св. Иоанна Златоуста... и св. Василия Великого...; постные...; пасхальные...; погребение, панихиды, молебны и водосвятие» [ДЕВ, 1882, № 19, с. 748–749]. Для посвя-

---

²⁰ С 1868 г. – псаломщики.

пения в сан дьякона экзамен по церковному пению заключался в «твердом знании квадратной и круглой ноты (начертание нот и интервалов церковного звукоряда); умении петь по книгам „Обиход учебный нотного пения“, „Руководство к практическому изучению древнего богослужбного пения“ Н. М. Потулова и знание пения на гласы малых распевов» [ДЕВ, 1894, № 2, с. 40]. Несмотря на высокие требования, должности псаломщиков и дьяконов нередко в церквях Области войска Донского замещали выслужившие срок и «выдержавшие экзамен на звание» казаки [ДЕВ, 1911, № 36, с. 553].

Начальные навыки управления церковным хором получали все обучающиеся в духовных учебных заведениях²¹. Приобретению необходимых регенту знаний и навыков немало способствовал Архиерейский хор. Принимая участие в делах епархии, многие образованные священники «бесплатно приготавливали» окончивших курс церковно-приходских школ и «способных к церковному пению»²² к управлению хорами [ДЕВ, 1898, № 12, с. 292]. Регенты и певчие Войскового хора давали частные уроки желающим стать учителем пения, псаломщиком и «учителем крюкового пения» за умеренное вознаграждение [ДЕВ, 1891, № 17, с. 735].

О популярности профессии свидетельствует огромное количество объявлений, публикуемых в донской периодике об «ищущих регентского места» и вакансиях. Воспитанная таким образом огромная армия регентов разных профессиональных уровней к концу века создала своеобразный «рынок», куда устремились «желающие переменить место службы» из многих городов России.

Донские епархиальные ведомости пестрили объявлениями лиц, предлагавших свои услуги на этом поприще [ДЕВ, 1908, № 1, с. 21; № 10, с. 299; 1909, № 8, 12, 15, 23, 24]. Не составляли исключения и войсковые хоры (донской и кубанский), место в которых стремились получить с помощью таких объявле-

---

²¹ В Области войска Донского существовали 2 мужских и 1 женское духовные училища, Духовная семинария, значительное количество церковных школ и школ грамоты, которым вменялось в обязанность прививать ученикам регентские навыки.

²² Объявление в ДЕВ священника Екатеринбургской ст-цы Василия Черкесова.

ний: Павел Степанович Кандыба – капельмейстер Кубанского войскового хора, учитель пения Федор Михайлович Дунин²³.

Осознанием того, что при достаточном числе руководителей хоров «средней руки» в области недостает регентов, имеющих специальное образование, объясняется учреждение епархиальной стипендии в регентском училище в Москве, столичных консерваториях и Придворной певческой капелле (размер стипендии составлял от 600 до 800 руб. в год) [ДЕВ 1909, № 15, с. 431].

Постепенно складывались представления о профессионализме церковных регентов и певчих: «Тот плохой регент, которого хор не может петь без махов... те регенты не терпимы, которые позволяют себе во время пения в церкви неприличные и обидные действия и движения и ставят на клиросе своих певчих задом к иконостасу, лишая их возможности молиться в свободное от пения время»; «те плохие певцы, которые решаются петь, не зная твердо напева». Выработывались запреты, относящиеся к действиям регентов: «Воспретить... руководителям певческих хоров в церквях размахивать во время пения руками и даже одною рукой, стучать камертоном, толкать певцов в бока, вырывать тетради, бить малых певчих по головам...» [ДЕВ, 1900, № 4, с. 80]. Регентам вменялась в обязанность забота «о благообразии и благочинии в пении» и запрещалось в церквях покровительствовать «пению крикливому безчинному иноземному». Эстетическим идеалом признавалось «*мягкое тихое стройное пение*», рекомендовалось «выкрикиваний не допускать» [ДЕВ, 1913, № 10, с. 173].

До введения камертонов в практику церковных хоров (1878), регенты традиционно пользовались скрипкой, «как наиболее близкой голосу человека». И в начале XX в. при обучении регентскому ремеслу в училищах, вводились уроки игры на скрипке; считалось, что «учить пению с голоса слишком трудно».

---

²³ Казачьего происхождения; сын дьячка Александро-Невской церкви г. Новочеркасска [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 2023, л. 32 об.], в 1867–68 гг. состоял учителем церковного пения в Новочеркасском духовном училище [ДЕВ, 1869, № 51–52, с. 860]. С августа 1870 по апрель 1886 г. служил регентом Войскового кубанского хора [Кияшко 1911, Приложение 2].

Прием регентов на работу осуществлялся священником и церковным попечителем, строго подходившими к их отбору, так как ошибка при выборе регента влекла за собой далеко идущие последствия. Например, в хуторе Калаче-на-Дону «бывший хор заменен тоскливым, чтобы не сказать больше, уничтожающим всякое молитвенное настроение „пением“ известного Д.». Смена регента хора (Кучеренко) оказалась событием, достойным внимания ДОВ. Стремившимся в церковь послушать «ласкающее душу своей теплотой пение, заставляющее каждого забыть на время свое невзрачное, серенькое прозябание на грешной земле и вознестись мыслию в горние высоты того, к кому мы должны прибегать и в радости и в печали», прихожанам теперь нелегко было примириться «с сиротливостью и неуютностью» церкви при пении Д. По свидетельству *Трубадура* храм стал терять своих прихожан [ДОВ, 1914, № 4].

Во все времена умение петь и хорошие вокальные данные выделяли их обладателя из среды простых станичников: «За свое искусство в церковном пении и сильный органистый бас, Иван Прокоповский пользовался большим уважением» [ДЕВ, 1882, № 1, с. 18]. Пение на клиросе позволяло одаренным певцам заслужить не только уважение и любовь прихожан, но и давало возможность получить профессию. Начиная службу в церкви с певчего, служители благодаря таланту нередко делали «карьеру». Показательна в этом отношении судьба священника Павловской ст-цы о. Луки Антониева («природного» казака Карповской ст-цы), родившегося в 1799 г. В формулярной ведомости значится, что никакого образования он не имел, однако «в ранних годах показал большую способность к обучению грамоте». «Наученный» чтению и пению своим отцом, дьячком, «принялся за обучение себя и при неопустительном хождении в церковь», где пел на клиросе, так усовершенствовался в чтении и пении, что, несмотря на молодость, обратил на себя внимание сограждан, которые просили войсковую канцелярию в 1814 г. об определении его в дьячки к своей церкви. Принявшись «с еще большей ревностью за образование себя», в 22 года бывший певчий получил дьяконское место, а в 1830 г. был рукоположен в священники своей же церкви [ДЕВ, 1891, № 17, с. 723].

В XVIII – начале XIX века войсковая власть наблюдает за певчими и утверждает нормы их поведения в храмах. С усилением влияния на клир власти церковной, нормы профессионального этикета устанавливает духовное правление: «Никто из мирян не имеет права становиться на клиросе и петь по своему произволу». Оговаривалось время нахождения певчих в церковном хоре: «Нельзя одобрять и вообще учреждения постоянных в приходских, особенно в сельских церквях хоров из одних и тех же лиц на многие годы. Такие хоры лишают возможности участвовать в церковном пении прочих прихожан, способных к пению и желающих петь на клиросах, а что особенно достойно сожаления – лишают возможности участия в пении детей школьного возраста» [ДЕВ, 1900, № 4, с. 78–79].

К середине века донские храмы наряду с обязанностями по духовному окормлению верующих, занимаются образованием и просвещением. В епархии введены внебогослужбные собеседования, которые рекомендуется проводить ежедневно после вечерней службы в храмах или церковных «караулках». Церковные хоры сопровождают беседы «пением церковных песней», и в этом качестве они выходят на иной исполнительский уровень. Призванные отправлять богослужение в составе клира, они теперь несут эстетическую нагрузку. Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев указывал (1878), что на таких собраниях вне церкви хору разрешается исполнение, наряду с духовными, и светских произведений [ДЕВ, 1913, № 26, с. 692–700].

Выйдя за пределы храма, хоры стали устраивать самостоятельные внецерковные певческие собрания. В их репертуаре появилось значительное число светских произведений, включая оперные хоры. С этого времени неуклонно растет профессиональный уровень и совершенствуется мастерство, а прихожане всячески стараются завести у себя лучший хор. Появляется информация о «состояниях церковных хоров в пении» [ДЕВ, 1911, № 23, с. 566].

Ослабление руководства Придворной певческой капеллы репертуарной политикой церковных хоров (1879) вызвало к жизни негативные последствия, среди которых стремление петь ранее «запрещенные» в церквях «концерты». Как

любое переподчинение, это также внесло в певческую практику некоторую неразбериху: старые руководства не имели силы, новые еще не начали действовать. В 1882 г. отменяется ранее обязательный «Обиход нотного церковного пения» А. Ф. Львова [ДЕВ, 1882, № 6, с. 238].

Особенно частыми становятся в конце века нарекания относительно пения на церковных церемониях: «Совершение бракосочетаний постоянно служит поводом к безобразному пению для певчих и безобразному чтению для чтецов». Напоминающая о долге настоятелей храмов следить за порядком во время совершения церковного таинства, духовная власть требует «перестать потворствовать извращенным вкусам. В частности, безусловно воспрещается петь в церквях концерт А. Л. Веделя „На реках Вавилонских“ и „Покаяния отверзи ми двери“, как совершенно театральные и фантастические». Регентам ставится на вид, что если они не обуздают «своего своеволия и раболепства перед неправильными вкусами», то будут устранены от управления церковными хорами [ДЕВ, 1890, № 21, с. 799]. Епархиальная власть стояла на страже «церковного благочиния и благолепия», требуя от хоров «преисполненной духовного настроения выразительности, но без всякой примеси страстности».

На рубеже веков во многих епархиях озабочены улучшением работы со старообрядцами. Проблема привлечения их к официальной церкви исследовалась теоретиками и практиками-миссионерами. Они отмечали значение пения в усилении влияния на раскольников и отворачивающихся в сектантство и баптизм православных; последние часто бывают прельщены «не баптистскими речами, а песнями. В этих песнях есть что-то чарующее простолюдина» [ДЕВ, 1913, № 11, с. 372]. В этом смысле важным представлялось преодоление недостатков в организации пения, вследствие которых «церковные певческие хоры не привлекают раскольников к св. церкви, но отталкивают их, и даже расположенных к православию. Своим многогласным, театральным и вычурным напевом эти хоры подают повод заключать у них об отсутствии благоговения, смирения и молитвенного расположения духа. Раскольники и даже православные называют такое пение бесчинным воплем,

неестественным криком...». Отчеты миссионерских комитетов показывают, что, несмотря на распоряжения епархиального начальства об уставном, неспешном и благоговейном богослужении в церквях, «сокращения в отправлении богослужения все более увеличиваются. Теперь уже редки те храмы православные, где даже „Господи помилуй“ пред „Иже на всякое время“ <...> произносится 40 раз» [ДЕВ, 1909, № 17, с. 262].

К концу века в концертах все чаще упоминаются любительские хоры, организованные при церквях. Благодаря мастерству они привлекали внимание старообрядцев, и в широком смысле, приобщали их к официальной православной церкви. Так, в Новочеркасской Успенской единоверческой церкви с самого ее образования любительский хор исполнял обычные в православной церкви, а также знаменный распевы: «Сравнивая последние два года, когда не было любительского хора, и два года, то есть 1890 и 1891, когда пел сказанный хор, видно ясно... что число присоединившихся из старообрядчества к Святой церкви... увеличилось. Пение, употребляемое... в нашем храме, может привести единоверцев к полному соединению с православной церковью <...> Некоторые из брачующихся иногда просят повенчать их не по единоверческому чину и обряду, а по чину и обряду православной церкви... так как пение православное понравилось прихожанам-единоверцам более, чем пение единоверческое» [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 9563, л. 2, 6]. Хоровое пение стало наиболее действенным способом приобщения к православной церкви.

Известная веротерпимость казаков позволила на освящение храма старообрядцев австрийского толка в г. Новочеркасске пригласить из Москвы старообрядческого архиепископа Иоанна с хором. Их церковь после Херувимской песни на литургии даже посетил Войсковой наказной атаман. «Какое-то странное пение, похоронное» оставило «тяжелое» впечатление у присутствовавших на освящении [ДЕВ, 1908, № 32, с. 875–876].

Распространению «общего церковного пения» (всех прихожан) в донских церквях всячески покровительствовал архиепископ Донской и Новочеркасский Владимир (1908–1915) [ДЕВ, 1913, № 29, с. 836–843]. Объясняя причины введения

общего пения, архипастырь указывал, что «при общем пении нет места для праздных при церковной службе разговоров и развлечений, вызываемых скукою от безучастного отношения присутствующих в храме к совершаемым церковным службам. Хорошо, конечно, что в приходе существуют церковные хоры, но последние, как действующие в отдельности, без связи с молящимися, никогда не могут последним дать то, что дает общее пение» [ДЕВ, 1917, № 12, с. 146–148]. Одной из причин нововведения было названо общее пение сектантов на молитвах, что привлекало к ним членов православных общин.

К обязанностям приходских певчих при исполнении богослужения добавилось руководство общенародным пением. По свидетельству современников, оно не сразу приживалось: «Молящиеся вначале стеснялись, но теперь пение идет весьма стройно и привлекает массу прихожан» [ДЕВ, 1912, № 31, с. 923–924].

По мнению члена-корреспондента Статистического комитета ОВД есаула В. Кушнарера «пение казаков есть наслаждение и удовольствие» [ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 50, л. 2]. С ним не соглашался священник хутора Тернового Василий Губанов. Сообщая в отчете Донской духовной консистории о неудачных многомесячных попытках завести общее пение среди казаков, он приводит любопытные характеристики пения прихожан: «У казака в пении слышатся отрывистые, резкие выкрики гласных букв и нет того тонкого и музыкального слуха, которым обладают крестьяне-малороссы». Резюмируя свои впечатления, указывает, что пение в церкви получалось «такое, отчего делалось стыдно, и неловко, и досадно». Такая уничижительная характеристика объясняется, прежде всего тем, что он долгое время служил в церкви слободы малороссов, пение которых действительно разительно отличается от казачьего мягкостью и лиризмом [ДЕВ, 1913, № 10, с. 173–174]. «Неосновательной» назвал указанную причину неудачи и сам Донской архипастырь: «Почему в приходах Цимлянского и Константиновского благочиний, исключительно казачьих... везде народное пение удовлетворительно, в некоторых и весьма удовлетворительное». Впрочем, военный министр, посетивший ОВД в 1900 г., отметил в своем рапорте, что

в Сиротинской ст-це «развивается франтовство» и что «станция пения вообще, и в частности церковного, не любит» [ГАРО, ф. 162, оп. 1, д. 58, л. 49 об.].

Огромное число материалов об организации общего пения в церквях Области войска Донского позволяет сделать вывод о том, что в начале XX века оно становится необходимой составляющей богослужения: «Пели негромко, но многоголосное пение производило удивительное впечатление. Казалось... подъем духа был в каждом молящемся... общее пение продолжалось почти до конца службы» [ДЕВ, 1909, № 33, с. 922; там же, 1912, № 22, с. 593–595].

Введение общего пения в церквях вызвало широкую полемику на страницах всевозможных изданий, как рядовых прихожан, так и священно- и церковнослужителей. Многие заметки отличаются глубоким теоретическим анализом для исполнения хорами партитур (какие из них более удобны для исполнения общим хором, какие следует исключить) и резко критикуют регентов и певчих сельских церквей, пассивно относящихся к столь полезному в духовном воспитании делу [ДЕВ, 1908, № 1, с. 8–47]. Высказывались предположения о способах привлечения прихожан к общему пению [ДЕВ, 1888, № 18, с. 765; ДЕВ, 1913, № 29, с. 843–863]. Регулярно публикуются мало отличающиеся друг от друга «Правила церковного пения и чтения», перепечатываемые из изданий других епархий [ДЕВ, 1889, № 8, с. 352–354; 1880, № 18, с. 692–693; 1907, № 33, с. 1001–1002].

На страницах газет и журналов священники Донской епархии делятся опытом в организации обучения прихожан церковному пению [ДЕВ, 1909, № 17, с. 440–441]. Усилия, предпринимаемые в целях развития общенародного храмового пения, давали поразительные результаты: в казачьих поселениях накануне праздников и воскресных дней молитвенные славословия привлекали «до 300–400 душ разного пола и возраста». «Народно-певческие группы», образованные при церквях, по собственной инициативе создают «новые общества церковно-общественного пения на каждом квартале станицы» [ДЕВ, 1910, № 23, с. 370]. Используя все возможные средства священнослужители добились того, что на Дону нарождается «новое общенародное церковное явление».

Это движение всячески поддерживается и поощряется духовной властью. Епископ Донской и Новочеркасский Митрофан после очередной поездки по епархии указал, «что народ любит общее церковное пение... и оно везде исполнялось охотно, с воодушевлением». В то же время он отмечал, «что население не сочувствует общему пению» в приходах, где его не поддерживает настоятель церкви. Таковых в Области войска Донского обнаружено немного, а добросовестно выполняющим обязанности «за бесплатное управление церковным хором и за руководство общим пением» выдаются «благословенные грамоты» [ДЕВ, 1911, № 10, с. 154], среди них – псаломщик Троицкой церкви хутора Крылова Алексей Листопадов [ДЕВ, 1913, № 14, с. 254].

Репертуар «общих» церковных хоров оговаривался многими резолюциями. Регентам, начинающим работу со сводными хорами прихожан, предлагается отказаться от партесных песнопений, а «петь обычным распевом» литургию, песнопения всенощного бдения (предначинательный псалом, «Блажен муж», «Хвалите имя господне», «Воскресение Христово видевше», ектении), Великое славословие, тропари Рождеству, Крещению, Воскресению Христову, «Спаси, Господи, люди твоя», и припевы к акафистам. В 1885 г. клирошане нередко пели духовные концерты [ДЕВ, 1886, № 2, с. 62].

В помощь регентам и певчим хоров на страницах периодических изданий Донской епархии разъяснялся смысл «неудобопонятных песнопений», как, например, ирмоса 9-й песни 2 канона праздника Рождества Христова [ДЕВ, 1905, № 34, с. 796–797]; исправлялись неточности славянских переводов богослужбных текстов с греческого [ДЕВ, 1905, № 10, с. 211]; обращалось внимание певцов на «неправильные расстановки знаков препинания» в Богородичне недели 4-го гласа; сообщалось о новейших предложениях, выдвинутых Съездом московских монархистов, «заменить темные выражения в молитвах и песнопениях более понятными» [ДЕВ, 1906, № 16, с. 442–444]. В свете предполагаемой реформы православного богослужения велся спор об исправлении службы, текстов и отмене партесного пения [ДЕВ, 1909, № 16, с. 407–408].

После Манифеста 1905 г. православная церковь испытывает не самые лучшие времена. По всей стране раздается критика исполнения богослужения. Особенно много нареканий к чтецам и певчим. Циркуляры, касающиеся пения, мало что меняют: «Безобразное итальянское концертное пение по-прежнему раздается под сводами православных храмов... благолепие сведено к концертному пению без единой правильно и хорошо прочитанной молитвы». Ряд вопросов об улучшении церковного пения в православных церквях обсуждался Всероссийским съездом регентов, проходившим в Москве с 13 по 21 июня 1909 г. под руководством Архангельского [ДЕВ, 1909, № 16, с. 418]. По его результатам были созданы комиссии, изучавшие проблему и занимавшиеся поиском ее решения на местном уровне.

Пытаясь исправить положение, в 1913 г. на пастырском собрании новочеркасского духовенства был принят «Проект правил для певческих хоров при церквях г. Новочеркаска»: В нем оговаривались правила для регентов, певчих, дьяконов, псаломщиков:

«1. Регент хора приглашается церковным старостою... или прихожанами с согласия священно-церковнослужителей.

2. Регент наблюдает за благоповедением своих певчих при входе их в храм и выходе, во время богослужения и спевков. Строго воспрещается певчим стоять в церкви во время богослужения спиною к алтарю и выходить из храма во время богослужения. В процессиях на открытом воздухе в холодное время (крестные ходы, проводы покойников и подобные) певчие не должны быть в фуражках, а могут пользоваться башлыками.

3. Желательно чтобы регенты не делали больших пауз для задавания тона, и не давали тон вслух молящимся, а также размахивали руками и не допускали других действий, не соответствующих храму, где все должно быть благообразно.

4. При исполнении церковных песнопений регент и певчие должны руководствоваться следующими правилами:

а) церковное пение должно быть разумное и осмысленное, отчетливое и выразительное, а потому регенту необходимо знать смысл и значение богослужебных возгласов, песнопений

ний и священнодействий. Велегласное пение или громкое, в полный естественный голос, отнюдь не должно переходить в крикливость;

б) богослужбное пение должно совершаться по установленным церковью образцам, изложенным в церковных разрешениях Св. Синодом певческих книгах и Обиходах» [ДЕВ, 1914, № 4, с. 35–36].

В принятом обращении ограничивалась служба любителей из числа прихожан: «Псаломщики должны наблюдать за порядком на клиросе: „Любители“ только с их согласия и по их указанию могут принимать участие в чтении и пении», а все прихожане обязывались «благоговеть... при пении „Хвалите имя Господне“ и „Слава в вышних Богу“. На литургии... при пении „Херувимской“, „Тебе поем“, „Отче наш“».

Неизвестно, как отозвался «Указ о воспреещении членам церковных причтов исполнения богослужбных песнопений или чтений для граммофонных фирм», поступивший в 1911 г. на имя Донского и Новочеркасского архиепископа Владимира [ДЕВ, 1911, № 36, с. 545]. Вероятно, многие церковные хоры могли оставить о себе звучащую память, не опасаясь критики потомков. Среди них хоры А. Т. Ершова (состоял в 1900 г. из 60 человек) и Н. А. Дмитриева, исполнявшие произведения русских классиков и современных духовных композиторов [Леонов, Палкина, 1999, с. 116].

Правительство не успевало за развитием Донского края. Известным указом Св. Синода от 5 февраля 1912 г. за № 2391 были произведены в соборы церкви станиц Каменской (Покровский), Великокняжеской (Александро-Невский), Константиновской (Николаевский), Нижне-Чирской (Троицкий), Усть-Медведицкой (Воскресенский), Урюпинской (Петро-Павловский). Указанные окружные станицы в связи с особенностями административно-территориального устройства ОВД ранее были приравнены к уездным городам. Придание храмам нового статуса способствовало повышению их авторитета в религиозном отношении. В отношении хорового дела этот документ лишь закрепил уже существующую практику: в каждом из перечисленных храмов состоял на службе хор певчих, теперь изменивший название, который должен был

иметь парадное одеяние для пения в торжественные дни [ДЕВ, 1913, № 9, с. 294–300].

Тяжелые потрясения XX века (войны, кризисы, эпидемии) усилили стремление жителей казачьего края поклоняться святым местам, прося защиты у духовных покровителей. Это время отмечено массовыми исходами паломников, ищущих утешения в православных обителях в Войске и за его пределами, просящих «у господа нашему воинству победы „на враги“». Документы информируют о многотысячных крестных ходах, совершаемых жителями края: «Дождь затруднял движение... но не умолкали звуки божественных песнопений... Вокруг нас, духовных, собрались все, знающие пение из четырех станиц и под управлением священника Кременской о. Алексия». Наскоро составленные в дороге хоры паломников «оглашавшие и стены храмов, и поля, и луга, и холмы родной земли» давали «необыкновенно сильное впечатление». Они пели песнопения всенощного бдения и литургии, молебны, святые молитвы, патриотические песни [ДЕВ, 1911, № 22, с. 545–547; ДЕВ, 1915, № 46, 975–981].

Правила благоустройства жизни в монастырях, обновленные в 1852 г. предписывали поющим в монастырских церквях «исполнять свое дело с неослабным вниманием, без поспешности, без двугласия, сохраняя древнее церковное пение без повреждения нововведениями несообразными с простотою и умилением, каковы особенно приличны богослужению монастырскому». В кельях рекомендовалось упражняться в церковном пении [ДЕВ, 1870, № 21, с. 661–662], нередко монахи проводили всю ночь «в общей молитве и в песнопениях церковных» [ДЕВ, 1906, № 3, с. 98]. В донских монастырях – Кременском Вознесенском и Цукурском Никольском (мужских)²⁴,

---

²⁴ Построен в 1910 г. богатыми малороссиянами-землевладельцами братьями Филь. Его устав и строй из Второ-Афонского монастыря. Настоятель – инок Второго Афонского Успенского монастыря, иеромонах Сергей. Большинство иноков вызваны из Второ-Афонского монастыря. Всей монастырской братии 30 человек, среди них есть хорошие уставщики, чтецы, певцы. Служба совершается медленно и очень продолжительно. Поют на оба клироса с канонархом, напев афонский, умирительный и своеобразной красоты. В торжественные моменты службы оба клироса выходят на середину храма и становятся полукругом. Так поют «на малом входе», «Хвалите», «Честнейшую», «Великое славословие» и др. Выходит очень

Старочеркасском Ефремовском, Бекреневском Свято-Николаевском, Усть-Медведицком Спасо-Преображенском²⁵ (женских)²⁶ – пение осуществлялось певчими – иноками и инокинями. Регенты также были из монастырских.

В 1911 году Св. Синод принял «Список сочинений русских духовных композиторов, допускаемых к исполнению в монастырских храмах», не нарушающих молитвенного настроения [ДЕВ, 1911, № 22, с. 362–409].

Хотя содержание параграфа составили вопросы развития церковной певческой практики в возникших на территории Войска Донского храмах, представляет интерес и организация богослужений вне пределов Войска. Хотя вопрос этот затрагивается в монографии и ряде статей Т. С. Рудиченко [Рудиченко, 2000, 2003, 2004], кратко охарактеризуем порядок отправления служб. Для этого в полках имелась так называемая походная церковь. Ее составляющие – храм-палатка, иконы, книги и утварь, хранились в ящиках, и при необходимости разворачивалась. В последней трети XIX века в штат казачьих полков были введены священники. Богослужбное пение входило в обязанности полковых хоров, некоторые песнопения исполнялись всеми казаками. Такая практика была узаконена уставами внутренней службы: «При каждой войсковой церкви должен быть хор певчих из нижних чинов, организуемый распоряжениями начальника... Певчие нижние чины, по исполнению специальных их обязанностей, подчиняются ктитору» [Устав, 1914, ст. 558]. Казачьи полки, стоявшие на службе в городах и селениях, временно приписывались к их храмам.

Вероятно, особо надо отметить полки казаков лейб-гвардии (Казачьего и Атаманского). По сведению П. Н. Краснова

торжественно и умирительно. Сам о. Сергей служит внятно и с сердечным расположением [ДЕВ, 1913, № 36, с. 1092–1095].

²⁵ Архиепископы Донские и Новочеркасские отмечали, что «при совершении богослужения в чтении и пении наблюдается точное исполнение церковного устава» [ДЕВ, 1878, № 16, с. 506].

²⁶ Устроен в 1892 г. в юрте ст-цы Мариинской как мужской по типу и уставу святых Афонских монастырей. В первое время пели на правом клиросе хор Мариинской ст-цы, на левом – братия. В 1913 г. передан в ведение Старочеркасского женского монастыря Игуменье Иннокентии для населения монахинь и послушниц, из которых составился певческий хор [ДЕВ, 1913, № 18, с. 561–563].

в Атаманском полку «голоса были на редкость. Особенно отличались казаки Александровской станицы» [Краснов, 1900, с. 71]. В столице была организована домовая церковь Л.-гв. Сводно-Казачьего полка во имя Св. Ерофея, а церковный причт был включен в штаты полка [Там же, с. 159]. Пение в церкви Св. Ерофея было обязанностью песенников, но в помощь им приглашались и вольнонаемные. Несмотря на то, что певчие не состояли в штате в расходных книгах записаны значительные суммы вознаграждений им «за труды», а также «по случаю храмового праздника» и других торжеств.

Церковные хоры способствовали развитию и распространению хоровой культуры в Области войска Донского, знакомили жителей края с творчеством русских и зарубежных композиторов. Нередко в отдаленных от окружных станиц поселениях они становились единственным проводником культуры, удовлетворяя эстетические чувства прихожан, воспитывая и художественно образовывая слушателей.

События, связанные с революцией 1917 г., изменили устройство жизни и положение церковных хоров. Приходское начальство насколько возможно, пыталось поддержать свои хоры «принимая во внимание тяжелое положение... в связи с неизмеримо растущими ценами на рынке, а также безусловное и добросовестное отношение к делу». Приводимое прошение одного из регентов могло быть написано сотнями других служителей донских церквей: «Покорнейше прошу ... придти мне на помощь, так как сам я не могу выбраться из гнетущих меня обстоятельств. Прошу вас выдать мне аванс в миллион рублей и прибавить мне жалованье, так как пятьсот тысяч не хватает. На каждый день не приходится и двадцати тысяч, а на базар надо не менее шестидесяти тысяч и все-таки впроголодь». Разрушение огромного числа храмов Дона повлекло за собой упадок во всех областях религиозной жизни. Документы и периодика информируют о прекращении деятельности многих церковных хоров.

1.3. Хоровое исполнительство в г. Ростове-на-Дону

Культура Ростова-на-Дону дореволюционного периода изучалась на протяжении всего XX столетия. Но музыкальная ее составляющая становится предметом исследования лишь в его конце – в статьях сборника «Культура донского края: страницы истории» (1993) [Калошина, 1993; Ковалева, 1993; Селицкая, 1993; Черных, 1993а], диссертации М. П. Черных [Черных, 1993] и монографии В. А. Леонова и И. Д. Палкиной [Леонов, Палкина, 1999]. Внимание авторов привлекли театральные традиции, музыкальное исполнительство, педагогика и также музыкальная критика, что обусловлено особым местом музыки и театра в культурной жизни Ростова. Хоровое исполнительство хотя и изучалось В. А. Леоновым и И. Д. Палкиной [Леонов, Палкина, 1999, с. 117–120], представлено в их работе в самых общих чертах, поскольку авторов интересовала хронология событий, а в качестве источников использовались местные газеты, не дающие материала для других наблюдений и обобщений. Справедливости ради следует отметить, что для такого подхода имеются объективные основания.

Историческая судьба города, в течение небольшого времени развившегося из форпоста в культурно-хозяйственный центр Юга России, складывалась так, что переподчинение города в гражданском, духовном и учебном отношениях [Беленький, 2001, с. 7–9, 11–15, 31, 55] привело к разрозненности, а нередко и утрате многих документов. Существовали и более прозаические причины, о которых сообщал краевед М. Б. Краснянский: «У нас с 1749 по 1840 г. совсем нет архивных материалов: они проданы в 1883 г. на обертку товаров, как хлам, а дела за 1840–1913 гг. хранятся небрежно и не имеют даже алфавитного перечня...» [Краснянский, 1912, с. 6]. Именно поэтому «культурная жизнь старого Ростова... с 1749 по 1761 г. нам мало известна. Не проявлялась она и в период существования крепости Святого Димитрия с 1761 по 1797 г., т. е. год учреждения Ростовского уезда, если не считать общества офицеров крепости с комендантом» [Краснянский, 1912а, с. 61].

По свидетельству А. И. Ригельмана в 1768 г. жителями крепости были «пограничных четыре батальона, артиллерийская инженерная команда, конной азовской казацкой полк и определенные к оному калмыки, купечество, маркитанты, приписные однодворцы, малороссияне, отставные, малолетки, вдовы и сироты, также и выезджие из турецких областей греки, грузины и прочие нации, приписывающиеся... на поселение» [Ригельман, 1918, с. 22], в разное время помимо крепостного гарнизона здесь находились Нижегородский и Владимирский драгунские, Казанский, Кубанский егерский полки. Такой неоднородный сословный и этнический состав населения вряд ли способствовал развитию сходных культурных явлений; объединяющими же функциями в указанный период выступали немногочисленные религиозные и образовательные учреждения крепости: соборная и приходские (батальонные) церкви, две школы – гарнизонная (кантонистов) и «казацкая» Азовского полка. Облик музыкальной жизни Ростова определяли музыканты крепости: капельмейстер и шесть гобоистов, в сфере хорового искусства – полковые хоры гарнизона.

Самой распространенной формой хоровой музыки являлось культовое пение, входившее составной частью в богослужбную практику. Вплоть до середины XIX века служба в ростовских церквях совершалась «понеделно» в воскресные и праздничные дни, и лишь иногда в будни. В конце XVIII века к «крепостной» во имя Покрова пресвятой богородицы церкви²⁷ были приписаны три батальона солдат и офицерские чины. В числе прихожан Свято-Димитриевской церкви состояли инженерные и артиллерийские команды, а также купечество.

В соответствии с уставом в каждом батальоне и гарнизоне был хор полковых песенников. В репертуаре полковых хоров преобладали народные песни, позднее – рекомендованные капеллой духовные произведения [Лебедева, 1985, 118]. Предания свидетельствуют, что в Покровском соборе «певал» в 1777,

---

²⁷ Так как прихожанами Покровской церкви были наряду с военными другие сословия, то до 1875 г. она состояла в двойном подчинении – епархиальной и военной власти.

1783–1784 гг. сам Александр Васильевич Суворов [Малаховский, 1997, с. 90].

Если службы в двух крепостных церквах производились исключительно военными священниками в сопровождении полковых певчих и кантонистов, то в стоящих вне пределов крепости шести церквах (четыре воинских для каждого пограничного батальона, одной в слободе Доломановской – казачьего конного Азовского полка, другой – в купеческой слободе Полуденской), «производить священнодействия допускались мирские приходские люди», по большей части малороссияне, значительная часть которых была среди первых жителей крепости [Материалы для историко-статистического описания, 1880, с. 189]. Вероятно, они же и способствовали выработке своеобразного стиля богослужебного пения, так как певческая культура малороссов была весьма высокой, что подтверждается стремлением комплектовать состав столичных (в том числе государственных) хоров выходцами из Слободской Украины и Новороссии.

Для единообразия в совершении богослужения протопопу Стефану Разорецкому и священно- и церковнослужителям крепости Св. Димитрия через Мариупольское духовное правление был доведен указ Павла I (1797): «...в некоторых церквах во время причастия вместо концерта поют стихи, сочиненные по произволению, желаю, чтоб [от] Синода предписано было всем епархиальным архиереям дабы никаких выдуманных стихов в концертное пение не употребляли, наместо концерта пели бы или прилично псалом или же обыкновенный каноник...» [ГАРО, ф. 226, оп. 19, д. 34, л. 7]. Присылались в Ростов и известные указы «О воспрещении петь в церквах такие переложения церковных песнопений, которые не одобрены Святейшим Синодом». Через духовное правление распространялись церковные нотные книги «для употребления в храмах» [Там же, л. 119 об.].

В первой половине XIX века экономический рост города значительно опережал процессы культурного развития, поэтому немногочисленные городские церкви, не содержащиеся за счет военной казны, были бедны и довольствовались пением случайных прихожан любителей. Однако в процессе

становления гражданского общества, главенствующее положение в городе заняло купечество, постепенно изменившее его облик. В 60-е гг. XIX в. заново отстроены здания ростовского кафедрального и нахичеванского Софийского соборов, Казанской, Никольской, Иоанно-Предтеченской церквей, главной хоральной и солдатской синагог²⁸. Распространенным явлением в конце XIX – начале XX века стала благотворительность: выделяемые купцами на поддержание церковных хоров средства («тысячи») позволили улучшить как их состав, так и качество пения²⁹.

Содержание церковных хоров складывалось из разных доходов. В Успенской церкви певчие состояли на окладе: в 1892 г. 20 хористам платили 300 руб., в 1894–1897 – от 280 до 310 руб. [ГАРО. Обзор дел ф. 226, ч. 2. Из истории церквей г. Ростова н/Д л. 80]. В некоторых ростовских храмах, например церкви Всех Святых, певчие зависели от сборов прихожан. Дополнительными источниками являлись наградные по поводу праздников (нередко в размере оклада) и доходы от концертов или пения по найму (на свадьбах, похоронах и др.).

Не имея еще внутренних ресурсов для музыкального образования местных жителей, Ростов стягивал лучшие исполнительские силы многих городов и губерний, одновременно впитывал и творчески переплавлял характерные особенности русской, украинской, еврейской хоровой музыки. Именно поэтому в исполнении ростовских хоров нередко слышался еврейский акцент [Леонов, Палкина, 1999, с. 118]. Вплоть до XX в. Ростов пользовался не совсем этичной, но удобной практикой «переманивания» лучших регентов и певчих из близлежащих городов.

Подхватив столичную хоровую практику, с 1880 гг. хоры Ростовского собора Рождества Пресвятой богородицы, церкви Казанской иконы божьей матери, Александро-Невского, святителя Николая Чудотворца, во имя Всех Святых стали

---

²⁸ В 1864 г. в Ростове-на-Дону действовало семь богослужебных заведений, в том числе пять христианских храмов и два еврейских молитвенных дома.

²⁹ После передачи в 1875 г. Покровской церкви из военного ведомства в епархиальное, ее хор «улучшил» церковный староста Георгий Гаврилович Пустовойтов [Историческая записка о Покровской церкви, 1907, с. 64, 66].

давать благотворительные духовные концерты. Нередко объединялись несколько церковных хоров, например Ростовского собора и Софиевской церкви г. Нахичевани-на-Дону под управлением регента соборного – И. К. Бутенко [Приазовский край, 1913, № 317]. Предстоящий концерт анонсировался в газетах и собирал любителей церковного пения или поклонников творчества того или иного хора. По свидетельству местной прессы, далеко не всегда духовные программы собирали полный зал: «Сами вечера носили случайный характер, а отношение к ним публики было весьма определенное, а именно – замечалось стремление избегать серьезной программы и ходить на легкую музыку и красивое зрелище, на то, что радует слух и зрение, но не тревожит глубин человеческой души» [Орфей, 1919, № 1].

Репертуар не отличался от общепринятого и состоял из духовных произведений А. А. Архангельского, Д. С. Бортнянского, А. Л. Веделя, П. М. Воротникова, А. А. Гречанинова, А. Ф. Львова, Ф. В. Мясникова, Дж. Сартти, П. И. Чайковского. В хоровом исполнительстве Ростов тяготел к Петербургской школе, ее концертному стилю, в то время как в Области войска Донского в начале XX века все чаще встречались выходцы Московской консерватории и Московского Синодального училища³⁰.

Об исполнительском уровне можно судить, при возможной субъективности, по газетным рецензиям. Приходится отметить, что в конце XIX в. общий их тон еще достаточно критичен: «Ростовцы немало тратят на содержание своих хоров, несмотря на это, они не могут похвалиться стройным их пением» [Донская пчела, 1880, № 49]. Как бы ни были неудачны некоторые выступления в XIX в., они вносили лепту в повышение интереса к церковному пению и воспитание вкуса ростовского общества.

В XVIII в. несмотря на территориальную близость культурных связей между жителями крепости Дмитрия Ростовского и казачьих городков не было, поскольку с «торговым поселе-

---

³⁰ Объяснение этого явления, возможно, заключается в том, что второй по составу группой населения в Ростове были евреи, поступление которых в Московскую консерваторию было затруднено.

нием, с „купецкими же людьми“ донские казаки не желали иметь соседства, как отгораживались они и от населения крепости Святой Анны» [Кириллов, 1912, с. 63]. Не принесло ощутимых изменений и присоединение в 1888 г. Ростова к Области войска Донского (ОВД). Новочеркасцы не стремились ни получать образование в Ростове, ни приглашать на работу его творческую интеллигенцию. Зато по разным причинам не прижившиеся на казачьих территориях регенты, певчие, музыканты почти всегда находили в последнем применение своим талантам, о чем свидетельствует «перемещение» по службе в 1908 г. в ростовский собор Александра Невского регента Войскового хора В. И. Нечаева [ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 42, л. 22.].

В силу исторических причин в практике ростовских церквей не могли прижиться характерные для войсковой территории традиции. В церквях Донской епархии планомерно вводилось «общее пение» прихожан, была выработана программа содействия «полезному» начинанию, способствующему воспитанию «чувствительности, нравственности и отзывчивости на всякое добро» [ДЕВ, 1888, № 18, с. 763]. Подобная практика в Ростове была скорее делом случайным и определялась меркантильными интересами: общее пение «всей церковью» на вснощной и литургии учреждалось вследствие отсутствия средств на увеличение состава хора.

Благодаря профессионализации хорового образования в первые десятилетия века значительное число подготовленных регентов и певчих способствовали стабилизации составов церковных хоров, что привело к совершенствованию их мастерства. Лучшей похвалой можно считать характеристику церковных хоров, данную в 1914 г. секретарем Донской духовной консистории С. Г. Павловским: «В Ростове прекрасные певческие хоры».

События революционных лет в первую очередь отразились на церквях и их служителях. В таких условиях, пытаясь сохранить порядок внутренней жизни храмов, приходские советы собора Александра Невского, Покровской, Казанской, Никольской, Всесвятской, Скорбященской церквей провели объединенное собрание по вопросу о церковно-приходских хорах.

В результате работы специальной комиссии были сформулированы правила относительно деятельности хоров и оплаты труда певчих. Большинство ростовских церквей, а с ними и хоры прекратили свое существование в 30-е гг. XX века.

Немногочисленные, но разнообразные документы о хоровом образовании в Ростове свидетельствуют, что, как и в других российских городах-крепостях (Тобольске, Оренбурге), его истоки связаны в большей степени со школой кантонистов – учреждением в равной степени музыкально-образовательным и просветительским – базировавшейся в крепости Св. Димитрия Ростовского. В ней ежегодно до 700 солдатских детей обучались грамоте, ремеслам, а способные – музыке и пению. Наряду с военным духовенством кантонисты могли способствовать распространению «правильного» богослужебного пения, так как имели определенную певческую подготовку по отлаженной со времен Петра I системе образования в гарнизонных школах. Несомненно, первыми учителями жителей в период с 1761 по 1797 г. были унтер-офицеры и солдатские дети [Романченко, 1898, с. 2].

Культурные запросы ростовчан достаточно долго ограничивались счетоводством и письмоводством – главными для торгового человека науками; церковное пение не входило в круг необходимых предметов.

Не улучшило состояния хорового дела даже открытие Ростовского приходского училища, так как Устав 1804 г. не вводил церковное пение в число предметов министерских школ. Лишь на основе доклада директора Таганрогской коммерческой гимназии 1827 г. Министру народного просвещения о состоянии обучения в Ростовском уездном училище, свидетельствующем, что «преподаютя все предметы, положенные по уставу народных училищ» [ГАРО, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 11], можно предположить, что «по субботам и в послеобеденное время желающие [были] обучаемы церковному пению по нотам» [Сборник постановлений, 1864, с. 162].

С переводом гарнизона Ростовской крепости в 1835 г. в Анапу влияние военных на просвещение ростовчан уменьшилось, на первый план выступили «бесправные учителя всей

тогдашней России: диаконы, дьячки и другого разного звания люди» [Первая школа в Ростове-на-Дону, 1910, с. 4].

Вероятно, с этого времени церковному пению придается большее значение – необходимо было заменить военных в ростовских храмах. Способствовал улучшению хоровой практики в городе указ Николая I, поступивший в 1847 г.: «Обязать всех священников, занимающихся обучением детей поселян в приходских школах, обучать их в свободное и удобное время церковному пению, с тем, чтобы могли они впоследствии петь на клиросах во время Богослужений в праздничные дни, так как чрез сие доставится им способ ближе знакомиться с уставами церкви и утверждаться в приверженности к православному веру» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3639, л. 1].

К последней трети века при некоторых храмах были открыты церковно-приходские школы, в которых церковное пение занимало одно из ведущих мест. На уроках использовались учебные пособия, одобренные Святейшим Синодом, чаще всего «Краткое руководство к изучению церковного пения» Д. Соколова. В сельских церквях Ростовского уездного отделения Епархиального училищного совета обучение обстояло хуже, чем в Ростове, где в 1893–1894 учебном году были признаны «отличными» успехи в пении в школах при Соборной, Покровской, Казанской, Владимирской церквях. В этих же и нахичеванской Софийской церквях из учеников школ созданы певческие хоры, которые хотя и были немногочисленными, но привлекали большее число посетителей.

Среди определяемых к ростовским храмам священников были выходцы Екатеринославской, Полтавской, Тверской духовных семинарий, а позднее Московской, Киевской духовных академий, встречались регенты Архиерейских хоров других епархий. Именно они стали первыми преподавателями-регентами хоров и преподавателями предмета. Безвозмездно занимались с детьми: в Нахичевани – регент православной Софиевской церкви Петр Саблин и диакон Александроневской церкви Онуфрий Рябуха [ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 959, л. 3, 5], в Ростове – регент Владимирской церкви Затемерницкого поселения; помощник регента кафедрального собора крестьянин Иван Григорьевич Руденко и многие другие любя-

тели торжественного богослужения. Однако попытки наладить певческую практику в храмах силами лишь церковно-приходских школ не могли увенчаться успехом; требовались как профессионалы-регенты, так и обученные певчие, которых в Ростове не хватало.

К последней трети века в Ростове входит в моду и начинает распространяться музыкальное образование среди привилегированных сословий, особенно в женской среде. В 1867 г. в девичьих школах учащимся преподают все «искусства» – музыку, танцы и пение, в то время как другие училища еще не спешат развивать своих питомцев в этом направлении [ГАРО, ф. 142, оп. 1, д. 173, л. 26 об.]. Занимались хоровым образованием ростовчан и многочисленные частные учителя, «методика» которых красочно описана И. Романченко: «Партикулярный – виртуоз на скрипке... не обращал уже никакого внимания на наши успехи в науках, а принялся „муштровать“ нас пению на слух. Скоро сторожка огласилась божественным пением, чаще – залихватскими песнями...» [Романченко, 1898, с. 155].

Новые государственные программы народных училищ постепенно унифицировали практику обучения пению. В школьных библиотеках Ростова с 1869 г. появились обязательные к использованию «Собрание молитв» и «Руководство для обучающихся пению» А. И. Рожнова, «Руководство к обучению пению в народных школах» Г. Я. Ломакина и другие учебные пособия.

Введение хорового пения в число обязательных предметов министерских школ потребовало учителей, имеющих специальные знания в этой области. Такими кадрами первоначально располагали исключительно церкви, так как профессиональные формы музыкальной жизни в Ростове в это время еще отсутствовали, а музыкально-хоровые занятия зарождающейся интеллигенции не выходили за рамки домашнего любительства. Немногочисленные светские учителя пения, в срочном порядке призванные к учебным заведениям, обходились лишь познаниями «домашнего воспитания». Так, в лучшем училище города – «Петровском» реальном – преподавал пение «отставной аптекарский ученик» Степан Дмитриев [Исторический очерк деятельности, 1898, с. 39]. С подобными пробле-

мами сталкивались не только в Ростове. В Нахичевани-на-Дону вплоть до 1899 г. отсутствие преподавателей пения и средств на их содержание не позволяло «облагораживать вкусы» детей [ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 959, л. 1, 1 об.].

Постепенно пение заняло определенное ему Министерством народного просвещения место в школьном расписании, и к 1901–1902 учебном году в каждом из 30 ростовских начальных училищ обучением хоровому искусству занимались десять специальных учителей, двое из которых окончили регентские курсы, остальные получили домашнее образование. Даже такая квалификация приносила своему владельцу приличный доход, самый высокий в учительской среде³¹.

К преподаванию в гимназиях и средних училищах приглашались более именитые учителя, среди которых – известные в хоровом мире К. К. Пигров (Реальное училище М. А. Папкина, 8-кл. коммерческие училища – мужское и женское), Г. М. Давидовский (женская гимназия С. Я. Любимовой). После окончания контракта с Войсковым хором перевелись в Ростов регенты П. М. Копосов (Ростовское женское училище, Ростовская и Нахичеванская мужские гимназии) и В. И. Нечаев (Ростовское 11-е мужское училище). К сожалению, недолгое пребывание в должности не оставило яркого следа в истории школьного хорового образования города, а утрата архивных документов не позволяет сделать выводы об их деятельности.

Отчеты учебных заведений свидетельствуют, что в большинстве случаев уроки ограничивались пением на слух, не применялись и специальные пособия: только в двух женских училищах имелись нотные таблицы. В редких школах давалось понятие «о ритме (значение нот), мелодии (ряд звуков в гамме), динамике (силе тонов), начальных элементах (мера, сильный и слабый темп)» [Отчет о состоянии начальных училищ, 1902, с. 39].

Зачастую хоровое воспитание ограничивалось разучиванием церковных песнопений – всенощного бдения, молебнов,

---

³¹ В ростовских начальных «городских и мещанских» училищах на преподавание пения отпускалось 120 руб. в год, в нахичеванских – 60 руб., в таганрогских – 90 руб., в сельских – от 50 до 150 руб. в год.

великопостных и пасхальных канонов, и лишь незначительная часть времени отводилась другому репертуару [Краткий отчет по Ростовскому техническому училищу, 1894, с. 13]. Во многих учебных заведениях пение являлось лишь обязательным факультативом без выставления оценок, а в некоторых и вообще изучалось за дополнительную плату. Наличие училищного храма не было свидетельством существования при нем постоянных певчих из школьников; только по настоянию администрации собирался общий хор для совершения всенощных бдений и других богослужений. Впрочем, даже посещение учениками церкви и присутствие на богослужениях не во всех школах Ростова было обязательным [ГАРО, ф. 261, оп. 1, д. 55, л. 27, 27 об., 41].

Хоровые номера не часто украшали программы музыкально-литературных утренников и вечеров. На основании «Исторических записок по разным учебным заведениям», составлявшихся директорами ростовских школ, можно сделать вывод, что существовавшие при некоторых из них школьные хоры не были предметом особой гордости руководства: о них упоминается редко и вскользь [ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241].

Несоответствие между высокой оплатой труда и низкими результатами обучения вызывало справедливую критику. Были даже предложения «понижив оплату за уроки пения с 60 до 30 рублей, но предоставив одному учителю пения заниматься в 10 школах, что составит при 20 уроках в неделю годовой оклад жалованья учителя пения в 600 руб.³², то есть такой, о котором теперь только могут мечтать большинство учителей... можно надеяться на то, что от такого изменения качество преподавания пения не только не понизится, но при достаточном руководстве заведующими училищами – может стать выше» [Отчет о состоянии начальных училищ, 1902, с. 41].

Лучшие результаты приносили занятия в первом музыкально-образовательном учреждении³³ – классах при Ростов-

---

³² На 600 рублей в год в 1901 г. «в Ростове можно жить не впроголодь в более-менее удобной квартире, более-менее прилично одеться». [Отчет о состоянии начальных училищ, 1902, с. 41].

³³ В 1897 г. музыкально-образовательных учреждений в Ростове было пять: Музыкальные классы отделения ИРМО, приготовительные классы фортепиано (при

ском музыкальном обществе. Хоровое пение было общим предметом для учащихся всех факультетов, к руководству приглашались известные ростовские музыканты – И. И. Балакшин-Карский, Э. И. Ивановский, М. Л. Пресман [Черных, 1993а, с. 55; Леонов, Палкина, 1999, с. 51, 118]. Горожане еще не готовы были воспринять тайны регентского мастерства, поэтому даже *бесплатное* обучение в хоровом классе привлекло в 1877 г. девять, а в следующем году двенадцать хористов, которые, конечно, не могли удовлетворить нужд города в преподавателях-хоровиках.

Лишь в 1894 г., после основания Ростовского отделения ИРМО, музыкальные классы получили второе дыхание, а их деятельность – широкий размах. Хор музыкальных классов вышел на недостижимые для прочих школ высоты: учащиеся в течение года разучили и «вполне удовлетворительно» исполнили сцены из опер Д. Верди, М. Глинки, Р. Леонкавалло. Серьезная постановка музыкального, в том числе хорового, образования вызвала интерес ростовских и нахичеванских обывателей и увеличила приток желающих получить специальное образование.

В 1900 г. классы были преобразованы в музыкальное училище Ростовского отделения ИРМО (в 1918 г. – консерваторию), продолжившее хоровые традиции музыкального общества: хоровой класс являлся «вспомогательным» предметом. Однако выпускники с аттестатом первой степени получали квалификацию руководителя хоров и преподавателя в народных училищах.

В 1908 г. был открыт регентский класс, к руководству которым пригласили выпускника Петербургской консерватории – «свободного художника» Григория Митрофановича Давидовского. Подобное звание достаточно определенно свидетельствует о блестящем образовании и незаурядном таланте обладателя. Теперь учащиеся получали добротное дирижерско-хоровое образование: необходимые теоретические знания, навыки управления хором, хорошую вокальную подготовку.

Императорских музыкальных классах), курсы фортепианной игры А. Б. Гиршова, музыкальная школа М. А. Вульфмана, музыкальные курсы С. С. Когбетлиева [Весь Ростов-на-Дону, 1897, с. 130–137].

Даровитый регент-композитор трепетно относился к хоро-вому строю и был поклонником пения а cappella, утверждая, что «фисгармония в хоре мертвит музыку, стесняет поющих и не дает должной жизненности и гибкости при исполнении чисто вокальных пьес». К его достоинствам современники относили прекрасную интерпретацию классических хоро-вых сочинений и мастерскую аранжировку народных песен. Он неутомимо пропагандировал хоровое искусство не только в Области войска Донского, но и за ее пределами. О признании его таланта свидетельствует приглашение Г. М. Давидовского для дирижирования сводным хором на проводимом Всероссийским обществом регентов в 1913 г. в Петербурге большом хоровом концерте [Приазовский край, 1913, № 316].

Регентский класс значительно улучшил состояние хоро-вого дела в городе, но музыкальные классы, а позднее музы-кальное училище, делали акцент на светское образование. В Ростове же остро ощущался недостаток церковных певчих, особенно усиливавшийся из-за введения четырехголосного пения в армянских церквях. В связи с этим, в 1903 г. к наказно-му атаману Войска Донского было направлено ходатайство, где обосновывалась необходимость открытия специальной школы при Обществе взаимного вспоможения музыкальному труду [ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 1164]. Прилагаемый устав музыкаль-ной школы ясно свидетельствовал о направлении будущей деятельности. Цель школы заключалась в подготовке «путем серьезных занятий» специальных церковных певчих, музы-кантов, дирижеров. Ее устроители предполагали, что учебное заведение будет воспитывать не только музыкантов-исполни-телей, но и музыкантов-педагогов.

Из-за отсутствия материальной базы в процессе станов-ления школа не смогла открыть сразу все предполагаемые отделения, поэтому в документах в течение года ее называли «школой пения». Учредители сообщали, что «класс церковно-го пения, ввиду крайней необходимости в нем, будет открыт в настоящем году обязательно, если бы даже другие классы и не были открыты в полном объеме программы», бесплатно для всех желающих с восьми лет. Для обучения использо-валась программа Императорского и Синодального училищ.

К вступительным экзаменам допускались «окончившие низший класс хорового пения», певчие церковных и других хоров и имеющие музыкальные способности и развитый слух; не прошедшие по конкурсу поступали вольнослушателями. При успешном окончании трехлетнего курса выдавался аттестат первой степени, а администрация трудоустроивала выпускника. К концу первого года хор школы состоял из 150 человек, и исполнял в основном духовный репертуар.

При материальной, а в большей степени моральной поддержке ростовской и нахичеванской городских дум, рядовых граждан, Общества, для училища было арендовано большое помещение с концертным залом в доме Чурилина. В работу, кроме классов церковного и хорового пения, постепенно включились и другие. Таким образом, организовалась своеобразная «школа искусств», где наряду с музыкальными предметами равноправно сосуществовали классы танцев и драматического искусства.

Заинтересованное и серьезное отношение администрации школы, умелый подбор кадров, успешное выполнение программы позволили почти сразу (через три года) преобразовать школу в музыкальное училище с программой консерватории ИРМО с открытием на его базе общеобразовательных классов. Директором назначили Я. М. Горбенко, почетным попечителем и уполномоченным от городского управления И. Т. Трифонова. В дополнение к музыкальному образованию ростовчан, училище занималось широкой пропагандой хорового искусства «среди бедных слоев населения», регулярно организуя воскресные и праздничные концерты с максимальной заниженной входной платой (до 10 копеек). По субботам проводились закрытые вокально-музыкально-драматические вечера для членов общества.

На хоровом отделении обучалось всего 40 учащихся, однако хор редко уменьшался до 120 человек благодаря вольнослушателям и получавшим несколько специальностей. В сравнении с музыкальным училищем при Ростовском отделении ИРМО, училище Общества Взаимного вспоможения музыкальному труду было малочисленней: на 1904 г. в нем обучалось около 120 учащихся, в то время как в первом – до 300, возможно, пото-

му что не давало льгот по отбыванию воинской повинности. Однако оно достигло больших успехов в хоровом образовании широких слоев городского населения. Его выпускники пополнили ростовские и нахичеванские церковные и любительские хоры, в короткие сроки вывели их на достойный исполнительский уровень, позволив занять подобающее место среди певческих коллективов Области войска Донского³⁴. В конечном счете, оба училища внесли заметный вклад в формирование хоровой культуры в Ростове и позволили городу занять ведущие позиции в профессиональном хоровом образовании в ОВД.

Обучали хоровому искусству и некоторые частные музыкальные заведения, появившиеся в Ростове с 80-х гг. XIX века. Следует заметить, что цель музыкальных школ заключалась в подготовке ростовчан к поступлению в консерватории, поэтому преподавалось исключительно сольное пение. Лишь в немногих были хоровые классы и существовали хор учащихся, среди них – школа певицы А. О. Ивановой [Леонов, Палкина, 1999, с. 47].

Прекрасную возможность получить общее музыкальное образование давал кружок Владикавказской железной дороги. Благородная цель «развить в среде служащих на дороге любовь к эстетике», способствовала как организации публичных концертов и драматических вечеров, чтений по теории и истории музыки, так и открытию музыкальных классов при кружке, где с рабочими занимались освоением оркестровой и камерной музыки, хоровым пением, преподавали основы сценического искусства. В результате совместных трудов кружковцев и их учителей были созданы оркестр и «прекрасно спевшийся хор», вызывавшие одобрение не только рабочих железной дороги.

О существовании в Ростове любительских коллективов свидетельствует местная пресса и архивные материалы. С 1870-х гг. с переменным успехом выступает немногочисленный хор Ростовского музыкального общества. В 1878 г. упоминаются хоры Кольцова, Коднера, соборный, синаго-

---

³⁴ Вероятно, ограниченные средства не позволили училищу выдержать конкуренции с училищем Ростовского отделения ИРМО, в документах 1914 г. оно упоминается как музыкальная школа.

гальный, исполняющие развернутые концертные программы в городском саду, в 1905 г. в Ростовском-на-Дону городском саду служил мужской хор П. С. Смирнова. Любопытным представляется его состав – в основном крестьяне Московской, Тамбовской, Курской, Ярославской, Саратовской, Самарской, Смоленской, Тверской, Воронежской губерний, городов Москвы, Екатеринослава, Керчи [ГАРО, ф. 826, оп. 1, д. 39, л. 9, 9 об.]. На страницах местных газет есть разнообразные рецензии на выступления любительских хоров, отражающие их состояние в определенный период существования. Критики нередко бывали придирчивы, но это способствовало совершенствованию мастерства хоровых коллективов.

В театрах Ростова и Нахичевани сезонно работали хоровые капеллы. Чаще всего они сопровождали театральные постановки и не выступали с самостоятельными программами, например хор театра «Палермо» (содержатель капеллы – мещанин Л. Я. Бат). Состав артистов капеллы «Палермо» поражает воображение – на одной сцене выступали австрийские, венгерские, польские, французские подданные и крестьяне русских губерний [Там же, л. 12, 12 об.]. В адрес театральных хоров нередко звучала, вероятно, справедливая критика.

На казачьей территории хоровое дело было предметом заботы Войсковой администрации, духовной консистории, в Ростове таких покровителей у хорового искусства было значительно меньше. Чаще всего это были активисты из граждан – любители церковного и светского пения, объединявшиеся в немногочисленные общества. На начальном этапе их задачи ограничивались пропагандой хорового искусства и воспитанием вкуса состоятельных ростовских обывателей, как, например, Ростовское музыкальное общество (позднее Ростовское отделение ИРМО). Хор оценивался ростовскими критиками как один из лучших провинциальных любительских хоров России. Программы хоровых вечеров с его участием отличались разнообразием: с конца XIX века горожане регулярно знакомились с произведениями русской и зарубежной хоровой классики, оперным творчеством.

Особую привлекательность добавила обществу организованная Г. М. Давидовским в 1913 г. хоровая «капелла», состояв-

шая из 32 одаренных певцов из 16 южных губерний. В течение первых месяцев существования хор дал около 60 «этнографических» концертов. Современники, оценивая исполнительский стиль капеллы, отмечали его безукоризненность. Особых похвал заслуживали пение а саррелла «без всяких вспомогательных инструментов», и уровень мастерства, превышавший известные хоры Агренева-Славянского и Завадского, «поющие при обязательном участии замаскированной сзади... фистгармонии». «Гвоздем» программы являлась «известная и в обиходе... даже некрасивая песенка («Камаринский мужик» – А. В.), которая в интересной аранжировке и окраске талантливого дирижера получила красоту необычайную, являясь яркой страничкой неприкрашенного русского быта»[ДОВ,1914, № 49]. Главным отличием капеллы от существующих ранее хоров Общества стало то, что хор Давидовского собирал полные залы не только в Ростове, он являлся любимцем станиц ОВД и даже Новочеркаска.

Значительный рост числа образованных хоровых певцов и регентов, видимо, создал в городе ситуацию перенасыщения такими специалистами, что повлекло за собой определенные негативные последствия: администрации учреждений охотнее принимали на работу недипломированных регентов и певчих, так как их труд оценивался ниже, увеличились беспричинные увольнения. С 1908 г. в городе возникали общества, ревностно встававшие на защиту интересов певчих и регентов как церковных, так и светских хоров. Так, на базе Ростовского собора было создано Ростово-Нахичеванское церковно-певческое благотворительное общество, поставившее целью помогать регентам, учителям пения и певчим церковных хоров (и их семьям) в случае болезни, потери голоса, в старости и т.д. Среди инициаторов учреждения и руководителей – известные в городе учителя пения и регенты церковных хоров – К. К. Пигров, К. П. Задериев, Д. Е. Соловьев, И. А. Сазонов. При обществе существовала церковно-певческая школа, а также музыкально-нотная библиотека.

Для поддержания деятелей хорового искусства в 1917–1918 гг. учрежден Ростово-Нахичеванский Союз хорового искусства (или Союз хоровых певцов) под руководством Степа-

на Павловича Клещева [ГАРО, ф. 151, оп. 3, д. 234, л. 1–20]. Цели организации отражали ситуацию в городе и заключались в «улучшении правовых, социальных, экономических и политических прав членов Союза путем коллективной борьбы». Основными задачами были «объединение регентов, хористов и хористок для стачечной борьбы», поддержание бастующих членов Союза, ограждение от недобросовестного использования их труда, «содействие наиболее продуктивной работе на благо искусства». Фактически был создан профсоюз работников хорошего искусства, который имел права юридического лица и мог решать трудовые споры, добиваться государственного страхования своих членов на случай инвалидности, заключать трудовые договоры в интересах своих членов, ограничивать права администрации при увольнении и т.д.

В первое двадцатилетие XX века Ростов завоевал славу музыкального города – многие его представители стали известными далеко за пределами Области войска Донского. Музыкальная общественность не останавливалась на достигнутом даже в сложный для России период революционных преобразований. Лучшие ее представители радели за совершенствование мастерства ростовских хоров, расширение хорового образования и просвещения.

В 1919 г. было зарегистрировано «Русское хоровое общество в Ростове-на-Дону» [ГАРО, ф. 157, оп. 3, д. 547, л. 1–12]³⁵, которое избрало целью культивирование художественного хорового пения как церковного, так и светского; учреждение специальных хоровых школ; поддержку любителей хорового пения в получении высшего хорового образования. Общество, наряду с издательской деятельностью (выпуском нот, книг и методических пособий по различным отраслям хорового искусства) и организацией библиотеки хоровой литературы, планировало устраивать лекции, доклады, заседания, собрания для обсуждения вопросов, связанных с хоровым искусством и музыкальной жизнью, привлекая для этого

---

³⁵ Учредители – Илларион Викторович Оппоков, Степан Зотьевич Андрусенко, Петр Николаевич Сапрыкин, Георгий Иванович Грибанов, Владимир Львович Сусликов, Георгий Константинович Кондратенко, Иван Николаевич Теляков, Василий Николаевич Михайлов.

лучшие исполнительские силы города. После учреждения Общество приступило к организации рабочего хора из 150 человек для выступлений на различных фабриках и заводах. Созданный в 1918–1919 гг. Комиссариат зрелищ Ростова и Нахичевани-на-Дону активно поддерживал его начинания.

Завершая обзор развития хорового исполнительства в Ростове-на-Дону в XIX – начале XX века, необходимо выделить и кратко охарактеризовать его важнейшие моменты.

Для богослужебного пения ростовских церквей характерны общероссийские тенденции, проявляющиеся в постепенной унификации церковного репертуара, эволюции церковных хоров от выполнения исключительно богослужебных функций до самостоятельных духовных концертов.

Несмотря на то, что город вошел в Область войска Донского, принципиально различным был подход его граждан и войсковой администрации к хоровому делу. В сорокатысячном Новочеркасске существовало не менее двенадцати обществ, оказывавших помощь регентам и певчим, способствовавших созданию новых, развитию уже действующих певческих коллективов, тогда как в Ростове проблемы хоровой культуры интересовали лишь немногих любителей. В течение XIX века в Новочеркасске была отлажена *система всеобщего* хорового образования в школах всех типов и предприняты меры, способствующие улучшению хорового дела в станицах и хуторах. В двухсоттысячном (на момент присоединения к ОВД) Ростове хоровая выучка была скорее уделом избранных. Город восполнял потребность в регентах и певчих, не спешивших покидать его для насаждения певческой грамоты в сельских школах.

Хоровое исполнительство Ростова, выросшее из полкового пения и церковной практики, получившее дальнейшее развитие в недрах любительского музицирования, в начале XX в. выдвинулось на профессиональный уровень, но не заняло ведущих позиций в городской музыкальной культуре.

2. Профессиональное хоровое исполнительство (XVIII – начало XX в.)

2.1. Черкасская соборная певческая капелла

В статусе профессиональной капеллы хор войскового Воскресенского собора упоминается в документах середины XVIII века. Но, скорее всего, он имеет более давнюю историю. Дату его образования пока установить не удалось.

Вновь построенный в 1650 г. в Черкасске храм, вероятно, имел певчих, так как по положению одного из вселенских соборов пение в церквах должно было осуществляться только певчими.

Хоровое пение в православном богослужении занимает главенствующее положение, поэтому в России навыки пения были обязательными для священно- и церковнослужителей. Косвенным подтверждением того, что пение в главном храме Черкаска на ранних этапах осуществлялось клиром, являются выписи из приходно-расходных книг за разные годы. К основному источнику доходов церковного клира добавлялся второстепенный – награда за пение в праздники по приглашениям (вне церкви). Такие выходы оплачивались дополнительно деньгами либо продуктами. Например, за пение молебна в *станичной избе*¹ в 1748 г. 9 мая, в день Николая Чудотворца священнику дано 10 коп., пономарям и дьякам – 8 коп.; иногда за пение «награждали» накрытием стола или «пряниками» [СОВДСК, 1904, с. 142, 145].

Интересным представляется донесение («доношение») епископу Феофилакту от 10 августа 1752 г. Войсковой атаман Данила Ефремов сообщает об избрании в дьяконы черкасского собора малороссиянина Никиты Екимова. Сам по себе этот факт вряд ли говорит о многом. Между тем, оказывается, что Никита Екимов родом из Киевской губернии г. Нежина Нежинского полка (откуда набирали певчих для пополнения Придворного певческого хора). В 1741 г. «будучи в малых

¹ Станичной избой называлось здание (помещение) Войсковой канцелярии, в котором проводились станичные сборы (круги).

летах» Н. Екимов, сын Екима Бажнова, придворным певчим Федором Ивановым² вывезен в столицу и определен в певчие, где и находился по январь 1748 г. Выйдя из придворного певческого хора, и не желая возвращаться на родину, «для приискания места» бывший певчий приехал в Москву, которая была в то время «главным музыкальным рынком России» [Финдейзен, 1928, вып. 4, с. 67]. Атаман Данила Ефремов, будучи в 1749 г. в Москве, «взял его к себе, привез в г. Черкасской и отдал в Черкасскую войсковую семинарию, в которой он обучался латинскому языку три года, да грамматике» [СОВДСК, 1902, с. 31]. Это служит основанием для предположения, что при войсковом храме во время служб пели церковно- и священнослужители. Пополняя штат таковых, войсковой атаман заботился не в последнюю очередь и о качестве пения. Определяя бывшего придворного певчего дьяком Войскового собора, Д. Ефремов еще не сообщает о существовании капеллы. Забота атамана «о благолепии богослужения» побудила создать постоянный хор при храме в казачьей столице. Косвенным свидетельством о наличии в Черкасском Воскресенском соборе певчих, является запись в документах Войсковой канцелярии за январь 1756 г.: «Дело об убийстве в смерть солдатами соборного певчего Абуреевского» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 28, л. 71].

К этому же времени относятся и упоминания о Певческом доме в одной из станиц Черкасска. В Павловской ст-це «вокруг озера, во время существования города, были на сваях войсковые дома, в которых помещались: словесный суд; *войсковая капелла*, духовное правление и войсковые казармы для казаков» [Старочеркасск и его достопримечательности, 1870, с. 208]. В то же время многочисленные вопросы об их деятельности остаются без ответа.

К сожалению, более информативные документальные свидетельства отсутствуют. Сложно судить о составе, численности и структуре хора. Несколько проясняют ситуацию формулярные списки служителей и комплектность³ черкасских церквей,

---

² Подробнее о нем: [Финдейзен, вып. 3, 1928, с. IX; Чудинова, 1998, с. 458, 472].

³ Так называемое «окладное денежное жалованье» получали в соборе протопоп Петр Федоров; священники Стефан Данилевский и Алексей Яновский; дьяконы Никифор Филиппов и Филипп Семенов; дьячки Никита Моисеев и Лукьян Григо-

они позволяют предполагать, что сначала клир участвовал в пении наряду с певчими. В характеристиках священников и служителей фиксируется знание «нотного пения». Так священник Алексей Яновский обучался в Черкасской семинарии, а «для высшего учения» в 1758 г. направлен был в Киевскую академию; протопоп Петр Федоров, с 1766 г. находящийся в соборе «в чтении и пении нотном знающ»; все члены причта «в пении нотном и простом исправны», за исключением четырех человек – пономарей и звонаря [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 160, л. 2–8].

Труд соборного певчего приравнивался к труду дьячка и пономаря, оценивался в 10 руб. в год. Войсковая канцелярия наказывала причт (в том числе и певчих) «за пьянство и нехождение в церковь», или поощряла за «рачительность в должности».

Штаты других храмов Черкаска, хотя и уступали соборной церкви в количестве служителей, были значительны [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 71, л. 218–220]. Расходные книги войсковой канцелярии сообщают, что наряду с церковниками, «исправляющими пение по нотам»⁴, у них на службе тоже состояли певчие, с жалованьем 5 руб. в год.

Новые свидетельства о хоре Черкасского собора появляются лишь с разрывом в несколько лет, и относятся уже ко времени атаманства Алексея Ивановича Иловайского (1775–1797). Частые посещения столицы, умение ладить с императорским домом сделали его известным «самой императрице и в высшем кругу Петербурга» [История л.-гв. Казачьего полка, 1913, с. 17]. Отмечая прогрессивное значение его правления для Войска Донского, историки утверждают, что именно он привнес в жизнь донцов многие привычки и развлечения столичной знати.

Как и в Петербурге, жизнь в Черкасске зависела от моды и вкусов войсковой старшины, в конце XVIII века уже готовящейся получить права дворянства [Пронштейн, 1961, с. 178].

рьев, Иван Репа, Иван Шарко, Данила Протопопов; псаломщик Никита Моисеев; пономари Филипп Попов и Иван Исаев; звонари Иван Лавров и Степан Пышкин.

⁴ Таковых набралось в черкасских церквах четверо, 13 «знают пение простое» и только трое «средственны в пении нотном»

Ее преимущественная ориентация на столичную культуру позволяет предположить, что именоваться капеллой⁵ хор Войскового Воскресенского собора стал примерно с этого же времени – вступления в должность атамана Иловайского. Переименование потребовало не только серьезной заботы об увеличении состава певчих хора и улучшении качества пения, но и изменения исполнительского стиля в сторону «итальянизации», проникающей, хоть и с опозданием, в донское церковное пение. Целый ряд источников свидетельствует о том, что певчие Черкасского соборной капеллы исполняли произведения партесного стиля, распространившего к этому времени свое влияние не только на обе российские столицы, но и на провинцию.

Л. М. Жукова указывает на факт обращения в апреле 1777 г. войскового атамана А. И. Иловайского к епископу Воронежскому Тихону о рекомендации для войсковой певческой капеллы достойного регента [Жукова, 2000, с. 83]. На эту должность заступил воронежский купец Иван Маликов, знающий итальянское нотное пение [Щелкунов, 1910, с. 52], в его обязанности входило и обучение певчих – малолетних и взрослых – пению.

Забота о расширении и улучшении соборного хора заставила в феврале 1779 г. выписать из Белгорода хороший бас, правда, «не обученный концертам» [СОВДСК, 1907, с. 149]. Показательно, что в этом же году в Белгороде разыскиваются певчие и для придворной капеллы, только требования к ним значительно выше: они должны знать «совершенно доброту и различие голосов» [Чудинова, 1998, с. 466].

Вновь назначенный соборный ктитор Иван Исаев⁶ в июле того же года обязан войсковой властью наблюдать за певчими капеллы, «чтобы они в полиелей были всегда в церкви» [СОВДСК, 1907, с. 152].

О деятельности капеллы в течение следующих двенадцати лет из-за отсутствия документов мы можем лишь строить предположения. Высочайшим покровителем Войска Донского в это время был князь Потемкин, деятельность которого привнесла значительные изменения в разные стороны жизни

---

⁵ Придворный хор был переименован в Императорскую придворную капеллу 15 октября 1763 г.

⁶ Войсковой дьяк, старшина и премьер-майор.

Войска Донского. Наряду с многими мерами по упорядочиванию гражданского управления войска, он привел в соответствие «внешние наряды» казаков [История д.-гв. Казачьего полка, 1913, с. 15]. Возможно, именно в это время капелла получает единообразное одеяние, во всяком случае, известно, что певчие мальчики в 1779 г. были пожалованы новым платьем. Правомерно предположение, что А. И. Иловайский покровительствовал войсковой капелле во всех ее затруднениях, требуя совершенствования певческого мастерства.

Занятия капеллы проводились в специальном Певческом доме, который поддерживался в приличном состоянии: в 1794–1795 гг. был произведен значительный ремонт, заменены окна, крыльца, мосты. Руководил капеллой в это время причисленный к соборной церкви «в пении по нотам довольно исправный» иподьякон Иеремия Матфеев сын Панченков, 63 лет [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 160, л. 7].

К 1800 г. он был отстранен от должности по старости. Войско Донское наняло на службу другого регента – воронежского однодворца Андрея Ивановича Волуйскова [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 88, л. 9].

Требования нового регента распространились не только на певцов. В обращении к войсковой власти он просит выделить певчим особый дом, так как бывший ранее «певческий дом пришел в повреждение» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 221, л. 273, 275]. Отсутствие средств в связи с предстоящим переносом казачьей столицы на новое место не позволило выделить помещение в замену сильно обветшавшему Певческому дому, и до переезда в Новочеркасск капелла обходилась прежним [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 310, л. 374 об.].

Состав капеллы не был постоянным и в разное время изменялся. Так, в 1802 г. в ней состояло 138 человек, среди них басы, тенористы, альтисты. Руководство таким многочисленным коллективом не могло осуществляться только регентом. Его помощником по музыкальной части был назначен «басист» Степан Калачников [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 200, л. 185 об.]. Документы сохранили для нас имена и некоторых других певчих: «басистов» Таранцова, Петра Склярова, Улитина, Пархомо-

ва, урядника Губарева, «альтистов» Карасева и Попова [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 200, л. 195; ф. 341, оп. 1, д. 71, л. 218 об.].

Содержание певчих осуществлялось по-прежнему из сумм Войска Донского. Здесь войсковая власть опиралась на практику, принятую в Синодальном хоре и Придворной певческой капелле – вдобавок к жалованью (60 руб. в год) певчим выдавали «харчевое» довольствие – муку, пшено, горячее вино. О размере заработка можно судить, сопоставив его с жалованьем известного духовного композитора С. Дегтярева, который, работая регентом в капелле графа Н. П. Шереметева в 1800 г., также получал 60 рублей⁷ [Петровская, 2000, с. 267]. По традиции, еще одним источником доходов певчих были деньги за участие во внецерковных обрядах.

Церковный клир и певческая капелла не были замкнутыми структурами. Зачастую певчие продолжали свою деятельность на поприще церковного служения, как, например бас Улитин, ставший диаконом Воскресенского войскового собора. В свою очередь церковнослужители «жаловались» в певчие, пример тому – дьячок того же храма Федор Иванович Лавров [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 221, л. 276 об.].

Мода на певчих – выходцев из южных губерний, пришедшая на Дон из Петербурга, просуществовала сравнительно недолго. Скорее всего «прирожденные с древнейших времен казакам хвастовство и гордость» [СОВДСК, 1907, с. 104] не позволяли составлять войсковую капеллу из лиц не казачьего происхождения.

Войсковой статус капеллы требовал, чтобы в числе ее певчих состояли казаки, чего в реальности до сих пор не было [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 174, л. 35–36 об., 180–181 об., 199 об.]. Вряд ли это объясняется отсутствием в казачьей среде талантливых и голосистых певцов. Скорее всего, к этому времени еще не были выработаны правовые нормы их труда в певческой капелле. В 1800 г. подобная регламентация видимо появилась: работа в капелле стала засчитываться в качестве службы, обязательной для всего казачьего населения края. Поэтому регент А. Волуй-

---

⁷ Документы свидетельствуют, что такой размер оклада был выше, чем у архитекторов, художников и крепостных высшей квалификации.

сков командирован по станицам Войска Донского для отбора талантливых певцов из казаков – взрослых и малолетков⁸.

По результатам поездки, в рапорте в Войсковую канцелярию, регент просил прислать казака Андрея Сагайдакова из слободы Исаневой и казака Прибылянской станицы Саланцова для зачисления в «тенористы».

В 1804 г. руководителем капеллы является подпоручик Михайловский. Состав хора к этому времени уменьшился более чем в три раза и насчитывал 29 человек [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 308, л. 478]. Такое снижение численности певчих объясняется последствиями императорского указа от 30 сентября 1797 г., дошедшего в войско с задержкой в несколько лет, в соответствии с которым троекратное сокращение штата распространилось и на придворную певческую капеллу [Ткачев, 1957, с. 28].

Как всегда, последствия реорганизации в первую очередь отразились на дисциплине хора и качестве хорового пения. Капельмейстер Михайловский, не справляясь с ситуацией, доносит Войсковой канцелярии, что «певчие выходят из должного порядка и повиновения» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 304, л. 186 об.]. Это вынуждает власти ввести должность управляющего капеллой: 14 мая 1804 г. «для удержания от шалости певчих препоручить их сверх капельмейстера Михайловского в ведение ... полковника Карпова 2-го⁹, ... чтобы он, приявши по части порядка в ведомство его их, певчих, восстановил между ими как послушание к капельмейстеру, так добронравие и всю обязанность их к должности» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 307, л. 187 об.].

Репертуар Войсковой капеллы XVIII века соответствовал требованиям богослужебной практики и обуславливался соответствующими певческими книгами. Пока не удалось выявить какие-либо документы, позволяющие судить о том, в каком виде исполнялись службы до 70-х годов. Но уже к 1775 г. Черкасская соборная капелла приобретает ноты «разноголосных концертов».

---

⁸ Малолетками называли юношей допризывного возраста [Губарев, 1968, с. 157].

⁹ Полковник Карпов 2-й руководил в это время всей городской обороной: артиллерией, боеприпасами; в его ведении находилась защита Черкаска от наводнений.

«Определение... о покупке нот для войсковой капеллы», датированное 1776 г. – самый ранний из обнаруженных документов, позволяющий выяснить профессиональный уровень, репертуарные приоритеты и структуру капеллы (не считая певческих книг, достаточно часто присылаемых на Дон из Москвы): «По неимению для принятой капеллы певчих надобных с концертами книг закупить в Москве оных разноголосых шестнадцать и на ту покупку выдать отъезжающему в Москву легкой станицы атаману Екиму Уварову из войсковой суммы... денег 20 рублей... Те книги по покупке доставить в Черкасскую...» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 71, л. 287]. Благодаря культурной экспансии двух российских столиц формирование репертуарной политики попало в зависимость от законов и тенденций развития русского хорового певческого искусства.

В конце века, по определению В. М. Металлова, столкнулись два течения «одно с иноземным партесным пением из Петербурга, от придворного хора, другое – с простым древнецерковным пением из Москвы, от Синодального хора» [Металлов, 2002, с. 81]. Отсутствие высочайшего решения о приоритетах в церковном пении позволило синодальной типографии в августе 1774 г. разослать «две противоположные по характеру и назначению нотные азбуки простого и партесного пения». Именно по ним осуществлялось обучение «концертам» вызванных из Белгорода певчих и клира черкасских церквей.

По требованию войскового регента 13 декабря 1789 г. ктитор Иван Исаев на Богоявленской ярмарке покупает для соборной и Преображенской церквей певческие книги «и прочее» из церковной суммы [СОВДСК, 1905, с. 156]. Как видим, к этому времени формирование нотной библиотеки могло осуществляться и без выезда за пределы войска. Этот факт свидетельствует также о том, что спрос на подобную литературу уже существует на Дону, иначе вряд ли торговцы завозили бы на ярмарку товар такого рода.

Наиболее ранние документы о регламентации пения в Донском крае, которыми мы располагаем, относятся ко времени царствования Павла I. 8 августа 1797 г. на Дон прислана грамота «О концертах», сообщавшая: «В некоторых церквах

во время причастия вместо концерта поют стихи, сочиненные по произволению... предписать всем епархиальным архиереям, дабы никаких выдуманных стихов в концертное пение не употребляли, наместо концерта пели бы или прилично псалом или же обыкновенный канонник...» [ГАРО, ф. 226, оп. 19, д. 34, л. 7].

Несмотря на то, что документы не оставили нам названий исполняемых капеллой произведений, в них имеются сведения о том, что для формирования нотной библиотеки Войско не жалело средств. При регенте Волуйском ноты концертов для капеллы приобретались в Воронеже [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 221, л. 188]. Это позволяет полагать, что на репертуарную политику капеллы могли влиять пристрастия регентов. Если регент назначался из уроженцев края – за нотами слали станицу в Москву или покупали на донских ярмарках, несмотря на то, что с конца XVIII в. запрещено брать ноты где-либо кроме епархии.

В 1806 г., после переезда администрации Войска в новую столицу – Новочеркасск – формально завершается Черкасский период деятельности соборной капеллы. Однако, ввиду отсутствия в городе кафедрального собора, и необходимых для жизнедеятельности капеллы помещений (Певческого дома, жилья для певчих), а также сохранения за Черкасском значения духовного центра, капелла продолжает свое существование на старом месте.

В целом, следует отметить, что деятельность Черкасской капеллы в XVIII веке документирована недостаточно. Имеющиеся сведения относятся, по большей части, к организационной, а не творческой стороне.

2.2. Войсковая певческая капелла – Войсковой певческий хор

Освоение М. И. Платовым новой столицы Войска Донского не повлекло за собой одновременного и стремительного формирования в ней всей инфраструктуры культуры Войска. Новочеркасск в течение первых двух десятилетий своего существования еще остается в зависимости от «старого города» Черкаска. В этом он повторил судь-

бу Петербурга, который, став в начальный период своего существования административной столицей, не стал еще духовным центром державы; Москва сохраняла за собой и статус государственной резиденции, ввиду чего ряд структур оставался в ней.

В строящейся с оглядкой на европейские традиции столице донских казаков жизнь была организована иначе, нежели в патриархальном Черкасске. Если старый казачий центр сохранял в своем облике и укладе черты восточных городов, то новый во всем ориентировался на Санкт-Петербург: «Вся жизнь донцов как общественная, так и частная направилась и потекла по новому руслу, постепенно приобщаясь к культуре общегосударственной жизни России» [Кириллов, 1905, с. 38]. Это выявилось с первых дней существования города. По утвержденному церемониалу, торжественную закладку города «озвучивала» Черкасская капелла. При освящении места для закладки Войскового собора в г. Новочеркасске (1805) была исполнена «приличная божественная песня „Основа и Всевышний“»¹⁰ [СОВДСК, 1901, с. 131–133].

При этом в ее обязанности входила не только обязательная в таких случаях служба в храме и пение «божественных молитв» на месте «первого камня». Неофициальная часть торжества требовала разнообразной концертной программы, которая и была представлена: «В продолжение стола пела вокальная, и играла инструментальная музыки, и палили из 12 пушек» По окончании стола был великолепный бал с иллюминацией»¹¹ [СОВДСК, 1901, с. 131–132].

Через год Черкасская соборная капелла сопровождала переезд администрации в новую столицу. В этот день (9 мая 1806 г.) «к началу богослужения в войсковом Воскресенском соборе принесены были и расположены перед входом войсковые регалии, в том числе герб города и знамена. Начался благовест к литургии. Войсковой атаман... слушал обедню и благодар-

---

¹⁰ Возможно «Осанна в Вышних».

¹¹ «По заходе солнца устроена славная иллюминация с фейерверком: пред атаманскою ставкою поставлены были щиты государя императора и государыни императрицы Елизаветы Алексеевны и всего августейшего дома, а вокруг места всего города и по водам Аксая, разлившимся до самого Старочеркаска, верст на 18, зажжена в приличных местах иллюминация» [Кириллов, 1905, с. 21–22].

ственный молебен. При возглашении многолетия Государю Императору... сделан был с городского бастиона 51 выстрел. Из собора начали выносить «святыню» – это те святые иконы, которые пожертвованы для нового города... Старый город... проводил свои трофеи и свое начальство 31 пушечным выстрелом и стрельбою из ружей станичников. Вся процессия на судах направилась к северу. Впереди... была лодка с полковым знаменем, на котором изображен святой Николай Чудотворец... Затем следовала лодка с духовенством, а за нею две лодки в ряд с певчими и церковниками. За ними плыли две лодки в ряд с регалиями и знаменами; сзади их шлюпка с... дьяками, а потом следовали четыре шлюпки в ряд... с атаманом и правителями, а на остальных благородное общество...» [ДЦС, 1906, с. 72–73].

По прибытии на место в выстроенном и освященном зараннее протоиереем А. Оридовским молитвенном доме-часовне, временно заменившем собою собор¹², «отправлено было благодарственное Богу молебствие» и совершена первая в Новочеркасске литургия.

Новочеркасск в первые годы существования не имел ни материальных, ни моральных ресурсов, чтобы превратиться в культурную столицу Войска и стать ее духовным центром [Броневский, 1834]¹³. Донские обыватели видели в Новочеркасске лишь средство разрушения их привычной жизни¹⁴. Только в апреле 1807 г. к временному Вознесенскому собору был определен на постоянную службу священник¹⁵. К служению

---

¹² Несколько лет временный собор был единственной церковью в городе, из него направлялся крестный ход к месту закладки постоянного собора [Кириллов, 1911, с. 2].

¹³ По мнению донских историков «существенною причиною неуспеха служило то, что перенесение из старого города в новый было задумано и решено не по желанию самого городского общества и городских станиц, а по выбору и настоянию администрации» [Кириллов, 1911, с. 48].

¹⁴ Они жаловались, что «существующие у них храмы божи, великолепно украшенные и снабженные всей церковной утварью и святыми иконами, обобранные ризами, колоколами, деньгами и всю утварью, некоторые же церкви под предлогом ветхости перенесены в Новочеркасск, несмотря на слезы и просьбы жителей» [Кириллов, 1911, с. 49].

¹⁵ До него службу в соборе отправлял священник Михайло-Архангельской церкви Гордей Тимофеев, который приезжал для этого из Старочеркаска. С 1808 г. он перешел на постоянное место жительства, в связи с переходом большей части прихожан Михайло-Архангельской церкви на постоянное жительство в Новочеркасск [ДЦС, 1906, с. 85].

в соборе приглашали певчих из Старочеркаска. Основному составу Черкасской капеллы, как и протоиерею А. Оридовскому, разрешалось «ездить для службы в Новочеркасск по праздничным и высокаторжественным дням».

Войсковая власть предпринимала попытки как можно скорее создать благоприятные условия для переезда соборной капеллы в Новочеркасск. К 1809 г. «присутственные места и все начальство, и, наконец, гимназия в Новочеркасск перешли... то поэтому и почитается за необходимое как по части духовной ему [протоиерею А. Оридовскому – А. В.] туда перейти, а равно и Черкасскому духовному правлению». К 1809 г. в новой столице выстроен певческий дом при войсковом соборе для занятий хористов и казарма для певчих, содержащиеся за счет войска [ДЦС, 1906, с. 101].

Вышедший в 1811 г. Указ об учреждении хоров певчих и трубачей в казачьих войсках лишь придал официальный статус уже существующей десятки лет в Войске Донском капелле и утвердил ее штат. Этот документ «по неимению для Войсковой капеллы Войска Донского определительных правил» долгие годы (до «Положения о Войске Донском» 1835 г.) регламентировал ее деятельность. Вся остальная работа – по отбору хористов, формированию репертуара, поощрению певчих и др. была отлажена в предыдущее время и неизменно поддерживалась руководством.

Большая часть сохранившихся документов позволяет достаточно полно представить материальное обеспечение Войсковой капеллы. Жалованье певчих до середины XIX столетия складывалось из нескольких видов – денежное, «харчевое» (кормовое), обмундирование. Такая система оплаты труда певчих выработалась на протяжении нескольких столетий в двух первых профессиональных хорах – Придворной певческой капелле и Синодальном хоре и оправдала себя на Донской земле, претерпев некоторые изменения. Во все времена дополнительным источником доходов певчих являлись «запетые» деньги, т. е. заработанные от концертов и пения по найму.

Наиболее ранний из обнаруженных документов начала века от 27 декабря 1819 г. сообщает: «Отпускается провиант Войсковой соборной капелле певчих, вдобавок к отпускаемому

им жалованию». Эта формула поощрения певчих, принятая за основу с начала образования капеллы, является определяющей до середины века, изменяясь в сторону увеличения отпускаемых сумм [ГАРО, ф. 339, оп. 1, д. 302, л. 17].

Сложно сказать, как отразились события 1812 г. на составе капеллы: были ли отозваны певчие-казаки в ополчение, или они исполняли свой долг в стенах соборного храма. Известно лишь, что в войсковом соборе службы совершались ежедневно, как и в большинстве станиц войска Донского «рачительно и без всякого упущения» с пением вечерни, утрени и литургии и молебнов [ДЦС, 1916, с. 77]. Капелла участвовала и в других мероприятиях, связанных с перенесением святынь казаков из «разжалованной» столицы. 9 мая 1812 г. в Новочеркасск был перевезен храм Николая Чудотворца. Переезд был совершен духовенством, войсковой властью и «певческою капелиею» в согласии с положенными для такого случая многодневными церковными обрядами [ДЦС, 1906, с. 161].

Приезд императора Александра I в Новочеркасск (1818 г.) ознаменовался большими торжествами. По существующей в императорском доме традиции, среди сопровождающих лиц из Петербурга были привезены царские певчие в составе шести человек, которые на время пребывания императора в войсковой столице пополнили состав Войсковой певческой капеллы при исполнении богослужбных функций [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 332, л. 39, 41]. Такой опыт общения с лучшими певчими столицы, безусловно, приносил огромную пользу войсковой капелле в творческом плане: способствовал совершенствованию ее мастерства.

Сразу после своего образования, еще в статусе Черкасской соборной капеллы, Войсковой хор певчих был достойной школой для будущих священников. Уже в начале XIX века эту практику невольно узаконил Воронежский архиепископ Епифаний, стремившийся побудить церковный клир к изучению нотного пения. Указом от 21 мая 1818 г. он запретил посвященным чтецам надевать стихарь «доколе не обучатся нотному пению» и не сдадут экзамен, «если же кто через полгода не изучит пение, то от таковых и грамоты будут отобраны» [ДЕВ, 1893, № 5, с. 182]. Обучение могло проходить

на месте, под руководством знающих нотную грамоту, но чаще всего наставником нотного пения определялся певчий капеллы. Вероятно, такая практика существовала на протяжении достаточно долгого времени, о чем свидетельствует «Церковно-приходская летопись Троицкой церкви слободы Харцызской Таганрогского округа»: в 1829 г. «из Войсковой певческой капеллы определен дьяконом к Преполовенской церкви ст-цы Гниловской Алексей Десятников (34 лет), казачий сын, казачьего происхождения. В школах не обучался, состоял певчим Войсковой капеллы. С 1832 г. по указу Новочеркасской духовной консистории он определен наставником нотного пения, а затем переведен во священники сей церкви» [ДЦС, 1909, с. 110]. Капелла в значительной степени помогла быстрому распространению нотного пения в Донской области. Певчие хора получали исключительное преимущество перед другими лицами, «ищущими священнического сана». В то же время, обучившись певческому и музыкантскому ремеслу, казаки обеспечивали себе и своим семьям средства к существованию¹⁶.

После создания Донской епархии церковь стала оказывать большее влияние на духовные дела Войска, что проявилось, прежде всего, в регламентации певческой стороны богослужения. Войсковому штабу предписывалось объявить регенту Донской Войсковой капеллы, чтобы последним «не были петы в церквах такие переложения церковных песнопений, которые не одобрены Св. Синодом. Виновные в неисполнении сего регенты подвержены будут строжайшему взысканию и удалены от сих должностей. Поелику же в Войске Донском есть частные у помещиков певческие капеллы, то с приложением копии сего указа надлежит ознакомить все в Войске капеллы» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 4240, л. 4]. В 1847 г., по указу Св. Синода, директор Придворной певческой капеллы генерал-майор А. Ф. Львов просил «доставить к нему: 1. Полные экземпляры оригиналов или переводов Демественного, Путевого, Киевского и Троестрочного древних церковных напевов; 2. Оригиналы

---

¹⁶ В фондах ГАРО хранится документ «О поступлении урядника 1 Донского округа Николаевской ст-цы Евгения Кириллова Троицкого дьяконом в Исаакиевский кафедральный собор» в 1888 г. [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 3123]. Документ информирует, что Е. К. Троицкий – бывший певчий Войскового хора.

или переводы тех песней Знаменного и других напевов, которые не помещены в нотных книгах, изданных от Святейшего Синода; Сверх того вытребовать от каждой Епархии, и сообщить ему, генерал-майору Львову:

а) верные нотные одноголосные списки всего, что где из простого напева поется *наслышкою* (курсив мой – А. В.);

в) партитурные копии с ненапечатанных четырехголосных и трехголосных переложений с простого напева стихир, ирмосов, антифонов и богородичных;

с) партитурные копии с ненапечатанных подражаний простому напеву или сочинений на слова сих священных песней;

д) партитурные копии со всех нотных трехголосных, четырехголосных и двухорных старых и новых сочинений, употребляемых при Богослужении, ненапечатанных Придворною Певческою Капеллою..., так как это единственная возможность обозреть все наше церковное пение» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 1].

В ответ на очередное требование причты информировали, что «пение в церквах производится более по изданным нотным обиходам, октоихам и придворной литургии. Никаких старых и новых сочинений, употребляемых при Богослужении, не напечатанных Придворной певческою капеллою, не имеется» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 36].

К архиерейской кафедре из Петербурга высылались все новые обязательные для исполнения «нотные книги». «Обиход нотного церковного пения», «Ирмологий», «Октоих», «Праздники», «Обиход сокращенный», в четырехголосном изложении директора Придворной певческой капеллы А. Ф. Львова и изданный в 1848 г. на долгие годы стали «настольными книгами» всех хоров империи. Все эти ноты по распоряжению Войскового Правления выписаны из Петербурга и разосланы во все храмы Донской епархии, а регенты под расписку ознакомлены с предписанием.

На основании Высочайшего повеления от 3 июля 1834 г. за № 1768 капелла должна была формироваться только из военных нижних чинов войска [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1368, л. 1]. Этот документ внес коррективы в постановку дела и дал некоторые преимущества регентам. Стабилизировав работу, так

как дисциплина обязанных службой казаков улучшалась, уменьшал затраты на принятие вольнонаемных певчих. Звание «Войсковая», наконец, указывало не только на материальную зависимость хора, но было верно по сути.

В «Положении о Войске Донском» 1835 г. утвержден штат Войсковой капеллы. Через некоторое время, в июле 1839 г., «по неимению для Войсковой капеллы Войска Донского определенных правил и вследствие возвышающейся дороговизны на жизненные припасы в Новочеркасске» предлагалось:

«1. Иметь в Войсковой капелле постоянный комплект: певчих – 36 и музыкантов – 24 человека <...>; 2. На жалование капельмейстеру отпускать в год 1400 руб., регенту – 700 руб. серебром; 3. Из 8000 р. ассигнациями (2285 р. серебром.), определенных по войсковому штату на содержание капеллы, производить:

а) на жалование, обмундирование и продовольствие певчих 4300 р. ассигнациями (1229 р. серебром);

– на жалование, обмундирование, продовольствие музыкантов 3000 р. ассигнациями (858 р. серебром).

б) на покупку нот для певчих 300 руб. ассигнациями (85 р. серебром);

– на покупку нот для музыкантов 400 руб. ассигнациями (114 р. серебром).

4. Оклады содержания певчим и музыкантам по усердию каждого назначать с утверждения Наказного Атамана;

5. Время нахождения певчих и музыкантов в капелле считать за действительную службу, с производством как певчих, так и музыкантов в урядники за отличие в успехах и поведении;

6. Срок службы в капелле назначить 12 лет, а по выслуге оных дозволить музыкантам и певчим переходить в полки, или в гражданскую по Войску службу» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 7].

При этом певчий в 1839 г. среднем получал около 34,1 руб. серебром. В 1839 г. к оплате труда хористов начальство подходило дифференцировано – «по усердию каждого», стараясь побудить к лучшему исполнению обязанностей и поощрить отличившихся. Этому же способствовало и присвоение звания урядника за добросовестность и примерное поведение.

Наряду с этим документ содержит дополнительную информацию об оркестре (хоре войсковой музыки), его численности и положении музыкантов, служба которых оценивалась выше, чем певчих.

Документы свидетельствуют, что установленные размеры выплат часто менялись, так как инфляция «съедала» со временем годовой денежный оклад. В подобных случаях единственным выходом служили небольшие премии, выдаваемые к праздникам или в прибавку к жалованию певцов. Такая информация содержится в сообщении ВНА от 12 апреля 1850 г. за № 1794, в котором рекомендовано «на содержание в ВД певческой капеллы ежегодно добавлять из войсковых сумм 144 р. 20 коп. серебром» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 2693, л. 30]. Как видим, певчие в это время полностью находились на войсковом обеспечении, что выгодно отличало службу в капелле от полковой.

Документы свидетельствуют, что в 1839 г. капелла кафедрального собора в соответствии со сложившейся в России традицией делилась на две части, одна из которых постоянно выполняла богослужебные функции, вторая участвовала в церемониях и государственных мероприятиях. При этом для исполнения религиозно-ритуальных обрядов выделялось 12 человек, для церемониально-светских – 24. Деление для пения в соборе и на балах распространялось на обыденные дни, потому что в высокаторжественные и в праздники хор в полном составе пел на богослужении в кафедральном соборе, исполнял светскую программу во время обеда, ужина, бала. Так, в 1850 г. наследника цесаревича встретили «соответственным случаю кантом (курсив мой – А. В.), исполненным хором войсковых певчих и войсковым оркестром... Во все продолжение ужина войсковым оркестром и певчими исполняемы были избранные музыкальные пьесы, в том числе и превосходная музыка известного русского композитора А. Н. Верстовского, нарочно написанная на стихи, сочиненные по этому случаю...» [Воспоминания об Августейшем посещении, 1850, с. 14].

Как известно, в церковных хорах пели мужчины и мальчики. Певческий век мальчика недолог, и регент постоянно был обременен заботой о новых малолетних певцах. С этой же пробле-

мой сталкиваются и Войсковые хоры певчих и музыкантов. Рапорт командира Атаманского полка, сетующего по поводу недостатка образованных певчих, вполне проясняет картину: «Есть малоспособные, да и то высылаются чрезвычайно нескоро, а некоторые выслуживают года, почему и нет полного комплекта, чрез что в хоре постоянно крайний недостаток, по которому нет никакой возможности улучшить игру на хоро-вых инструментах. А потому покорнейше прошу ходатайства Войскового дежурства о разрешении делать пополнение комплекта... из кантонистов, при Войске находящихся, чтобы дать возможность иметь хор в хорошем состоянии и с полным комплектом» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 4115, л. 1]. Это одно из первых упоминаний о том, что в войсковые хоры набирали кантонистов¹⁷. Несмотря на то, что в документе не заостряется внимание на службе «малолетков» в капелле, можно пред-ставить, что вряд ли практика отбора таковых претерпела изменения, против существовавшей еще в XVIII веке.

Для выхода из создавшейся ситуации в 1844 году Войско-вым Советом решено принять «в Войсковую капелль сверх комплектных музыкантов, еще 12 учеников из казачьих малолетков с производством им содержания из Войсковых сумм». С разрешения Наказного атамана регент и капельмейстер командируются для поездок по станицам Войска для отбора казаков и их детей в певческий и музыкантский хоры.

В капеллу отбирались одаренные кандидаты, но, чтобы достичь определенного исполнительского мастерства, их музыкальным образованием занимался регент. Обучение певчих капеллы нотной грамоте, игре на скрипке, вокалу было обязательным. К сожалению, время и средства, затрачиваемые на образование музыкантов, не приносили ожидаемых результатов, потому что как только певчий становился профес-сиональным исполнителем, заканчивался срок его службы, а вновь прибывший «ученик», чтобы стать достойным участ-ником капеллы, должен был сначала пройти хоровую школу.

---

¹⁷ Кантонистами становились крестьянские и солдатские дети, которые обуча-лись среди прочего военной музыке. Школа кантонистов существовала в Росто-ве-на-Дону с 1781 г. Здесь ежегодно содержались до 700 и более солдатских детей [Историческая записка о Покровской церкви, 1907, с. 16].

Таким образом капелла, выполняя роль музыкального образовательного учреждения, не могла воспользоваться плодами своих трудов.

В силу специфики устройства и управления Войском Донским развитие хорового дела на Дону происходило под патронатом военных властей. Их ведению подлежали все стороны жизни казачества. Учреждение Донской епархии не сразу поломало устоявшиеся традиции: «Войско заботилось об исполнении казаками религиозных обязанностей, предписывало правила благочестия и благоустройства, исследовало уклонение от православной веры и т. д.» [ДЦС, 1906, с. 48]. Неудивительно, что войсковая власть рассматривала все дела, касающиеся нужд Войсковой певческой капеллы, будь то материальные затруднения или проблемы художественной части. Более того, в некоторых случаях Войсковая капелла выступала средством «наказания» непокорных атаманам архиереев. Так, в известных разногласиях наказного атамана М. Г. Власова (1836–1848) со вторым архипастырем Донской епархии Игнатием по поводу сокращения времени архиерейской службы в соборе, перемирия не наступило: атаман «в следующий праздничный день был на литургии в Александровской церкви, куда были вызваны из собора и войсковые певчие» [ДЕВ, 1878, № 10, с. 311].

В 60-х годах XIX века Новочеркасск – не просто административный и духовный центр казачьего края. Современники считают, что его внешний облик не сравним с губернскими городами, и в ряде случаев может соперничать с Петербургом¹⁸ [Филонов, 1859, с. 6–7, 11]. Впечатления А. Филонова, только прибывшего в Новочеркасск из северной столицы, представляются достаточно достоверными, хотя, конечно, не лишены субъективности: «Все, что есть лучшего, является здесь во всей красе и пожирающем блеске».

---

¹⁸ Здание Войсковых присутственных мест – «честь и краса Новочеркаска... который и в Петербурге, на самом Невском проспекте занял бы почетное место», Московская улица – «тот же Петербургский Невский проспект», здесь по вечерам катаются на колясках, каретах, экипажах; а Александровский сад – «похожий на Александровский, что подле Петропавловской крепости в Петербурге: такая же деревянная решетка, почти такая же беседка» [Филонов, 1859, с. 6, 7, 11].

Следующий период из жизни певческой капеллы мало освещен документально. Нет сомнений, что «войсковая музыка» – музыкантский и певческий хоры – присутствовали на всех торжественных церемониях. Ни один войсковой круг, военный парад, церковный или светский праздник, освящение храма, встреча и проводы членов императорской семьи не обходились без них. Особенно насыщенной была пора при подготовке к прибытию и во время приезда членов императорского дома в Область войска Донского, когда день певчих был расписан по минутам.

Утро начиналось положенной литургией, переходящей в Войсковой круг, на котором войсковая музыка звучала во время всего церемониала; затем шествие с войсковыми регалиями и парад. На войсковой «хлеб-соли» (обеде) в зале Присутствия областного правления «войсковые певчие всегда бывают в смежной с залой комнате, поют многолетие после каждого тоста, а военная музыка играет туш». Вечером в честь посещения ОВД в Донском дворянском собрании обычно давали бал. Стремление блеснуть мастерством перед августейшей особой побуждало и регентов, и хористов менять некоторые привычки¹⁹ и больше времени отводить профессиональной подготовке.

Если в сфере духовной музыки хор был ограничен требованиями Придворной певческой капеллы, то местный репертуар находился полностью в его ведении. Значительную часть в творчестве хора занимали народные русские и казачьи песни: исторические, походные, лирические. Профессионализм регентов позволял им самостоятельно делать переложения. Пополнению репертуара способствовало издание многочисленных песенных сборников, с последней трети века регулярно рассылавшихся в казачьи войска.

В 50–60-е годы певчими в капелле служили только казаки, среди которых басист Федор Парфентиев Архипов казак Гниловской станицы²⁰; Иван Константинович Жидков казак

---

¹⁹ Например, иногда распорядок дня певчих был более свободным: «в 10 утра после молебна певчие купили себе вина и угощались до поздней литургии» [ГАРО, ф. 226. оп. 2. д. 5587. л. 1].

²⁰ Сын священника, поступил в капеллу 8 марта 1840 г. в возрасте 9 лет; за усердную службу и примерное поведение произведен в урядники 21 апреля 1844 г.

Нижней Новочеркасской ст-цы²¹; Степан Кузьмич Белов Кочетовской ст-цы²², Николай Иванович Елисеев Средней Черкасской ст-цы²³, Степан Степанович Сизов Средней Черкасской ст-цы²⁴, Никита Иванович Лупилин Верхней Черкасской ст-цы²⁵, Фолимон Трофимович Секретев д. Раздорской²⁶, Павел Михайлович Данилов Кочетовской ст-цы²⁷, Ермолай Алексеевич Выпряхжин Кагальницкой ст-цы²⁸, Иван Карпович Коханов Кочетовской ст-цы²⁹. Формулярные ведомости о службе и достоинстве свидетельствуют, что все певчие и музыканты «российской грамоте писать и читать обучены». Попадая в капеллу, талантливый певчий не увольнялся до окончания положенного срока даже в случае потери голоса. Его служба продолжалась в «войсковой музыке», что было удобно и хористам – не дослуживать срок в полках; и администрации хоров, так как с потерей голоса не исчезали талант, знания и практика. Это выгодно отличало бывших певчих от принятых в музыкантский хор «с улицы». Такой перевод можно было считать своеобразным «повышением», ведь жалованье музыкантов было больше. Чаще всего войсковой хор музыки пополнялся за счет бывших дискантов и альтов, среди которых Иван Семенович Асерецков Средней Черкасской ст-цы³⁰, Михаил Семенович Асерецков казак Верхней Черкасской³¹; Семен Павлович Кирев казак Средней Черкасской³²; Андриян Никитич Рубцов

---

²¹ Поступил в капеллу 11 дек. 1840 г., в возрасте 9 лет, за усердную службу и примерное поведение произведен в урядники в 1844 г.

²² В капелле с 23 лет, с 1 января 1848 г.

²³ В капелле с 29 лет, с 21 июня 1849 г.

²⁴ В капелле с 19 лет, с 1 апреля 1848 г.

²⁵ В капелле с 24 лет, с 1 декабря 1848 г.

²⁶ В капелле с 17 лет, с 27 сентября 1844 г.

²⁷ В капелле с 25 лет, с 10 июня 1848 г.

²⁸ В капелле с 23 лет, с 28 мая 1858 г.

²⁹ В капелле с 19 лет, с января 1851 г.

³⁰ В капелле с 16 лет, с 30 апреля 1841 г. по 2 сентября 1844 певчий, с 19 переведен в музыканты до окончания выслуги.

³¹ В капелле с 20 лет, с 1 января 1840 г. по 1845 г. в штате певчих, а с 25 лет в музыкантах.

³² В капелле с 10 лет, с 1 января 1840 г. по 1 января 1848 г. певчий, а с 18 лет в музыкантах.

Нижней Черкасской³³; Михаил Михайлович Ажогин Средней Черкасской³⁴; Евграф Гаврилович Бецков Старогригорьевской³⁵; Петр Федорович Яновский Верхней Черкасской³⁶. Обеспечивали хор певчими ближайšie к Новочеркаску станицы – Средняя, Верхняя и Нижняя Черкасские, Средняя и Нижняя Новочеркасские, Гниловская. Отбор производился и непосредственно в Новочеркаске, в учебном полку, куда попадали казаки из дальних станиц. Некоторых казаков командировали в войсковой хор уже из полевых полков, где они проявили свои певческие способности. Формирование хора проходило разными путями, однако одно несомненно: не было необходимости ехать за хорошими голосами слишком далеко: талантов в казачьих станицах хватало.

По свидетельству современников, заступивший на атаманскую службу в Войско Донское П. Х. Граббе (1862–1866) «старался объединить общество, поощряя театр и разумные развлечения» [Петровский, б. г., с. 17]. Понятно поэтому, что совершенствование исполнительского мастерства Войсковой капеллы стало постоянной заботой атамана. Если администрация Войска больше заботилась о материальном обеспечении, совершенствовании организационной деятельности творческих коллективов, то собственно художественный уровень обеспечивался талантливыми регентами и капельмейстерами, в числе которых были уроженцы Дона, иногородние и даже иностранцы.

Для обучения вокалу войсковых певчих в 1864 г. в хор приглашен артист Императорских театров Лев Иванович Леонов³⁷. Закончив сольную карьеру, он занялся преподава-

---

³³ В капелле с 11 лет, с 31 октября 1845 г. по 31 октября 1852 г., а с 18 лет в музыкантах.

³⁴ В капелле с 10 лет, с 30 октября 1845 г. по 29 июля 1852 г., а с 17 лет в музыкантах.

³⁵ В капелле с 12 лет, с 29 июня 1845 г. по 1852 г., а с 19 лет в музыкантах.

³⁶ В капелле с 12 лет, с 1847 г. по январь 1855 г., а с 20 лет в музыкантах.

³⁷ Настоящее имя Шарпантье Леон (1813–1872). Артист оперы (тенор) и педагог. Обладал красивым звучным голосом мягкого тембра. Один из критиков писал, что Леонов был «актер с чувством и увлечением; он с равным успехом пел партии итальянских, немецких и французских опер и сочинения русских композиторов» [Пружанский, 2000, с. 278].

тельской деятельностью. Условия, предложенные войсковой администрацией настолько удовлетворили артиста, что он не побоялся приехать в город, где за шесть лет до этого провалился его сольный концерт³⁸. Вероятно, предъявленные им рекомендации в замечательных преподавательских талантах были более чем удовлетворительны, так как Войсковая администрация вряд ли могла пригласить для Войсковых певчих недостойного учителя-вокалиста. Продолжая практику профессиональных русских хоров – выдвигать регентов из лучших хористов – руководителем певческой капеллы назначен урядник и басист Иван Константинович Жидков, принятый в капеллу «дискантистом» в возрасте 9 лет и прошедший в ней вокально-хоровую и музыкально-теоретическую подготовку. К войсковой музыке приставлен коллежский секретарь, чиновник 14-го класса Иван Францевич Галашек, прибывший из хора Кубанского казачьего войска с отличными рекомендациями [Кияшко, 1911, с. 55]. Усилиями этих руководителей войсковые музыкантский и певческий хоры «доведены до весьма хорошего состояния, лучше которого нельзя и требовать...» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 14].

Государственные реформы 60–70 гг. XIX в., стремящиеся преобразовать многие стороны жизни казачества, как всегда «пробуксовывали» в донском крае. Историки отмечают противоречивость состоявшихся преобразований, и как следствие не улучшение, а ухудшение жизни казаков. Стремление разделить военную и гражданскую ветви власти вызвало необходимость уточнения принадлежности Войсковых хоров. Наказной атаман Донского войска генерал-адъютант А. Л. Потапов в рапорте военному министру от 28 января 1864 г. за № 57 находит, что подчинение войсковых хоров неправильно и ходатайствует о передаче войсковой капеллы из ведения войскового правления в военное.

---

³⁸ Давая не лестные отзывы о его выступлении, А. Филонов среди причин провала указывал отсутствие голоса «был когда-то тенор, но теперь спал», невнятное произношение на французском, итальянском и русском языках «ни то, ни се», и «расчетливость», не позволившую пригласить Войсковой оркестр, без которого «одолела всех страшная сучка» [ДВВ, 1858, № 42].

В марте 1868 г. это ходатайство было удовлетворено [ПСЗРИ, т. 63, № 45615]. Кроме смены названия (Войсковая капелла Войска Донского) и разделения ее на два самостоятельных – Войсковой певческий и Войсковой музыкантский хоры, произошел еще ряд изменений. В штате Донского казачьего учебного полка, при котором числились коллективы, установлена должность заведующего этими хорами для наблюдения за дисциплиной и управления ими – обер-офицера в чине сотника. Состоявшийся в 1868 г. перевод капеллы в ведение Военного управления не только поменял ее статус и подчинение, но в корне разрушил отлаженную систему оплаты труда певчих. Теперь из трех видов довольствия, которые составляли годовое жалованье, хористы лишились кормовых и казенного обмундирования, при этом в сумму жалованья стал входить наем квартиры. Это вскоре повлекло за собой серьезные проблемы в художественной части.

Со второй трети XIX в. на Дону разворачивается массовое хоровое движение. В это время появляется значительное число церковных хоров, частных капелл, привлекающих к руководству профессиональных регентов. Войсковому хору становится все сложнее подтверждать звание «лучшего» в конкуренции с многочисленными коллективами, соперничавшими в переманивании войсковых хористов. Войсковые певчие – желанные участники любого хора – увольнялись по окончании службы из капеллы под разными благовидными предложениями. Продолжать службу в хоре сверх срока соглашались лишь при жалованьи до 500 руб. серебром в год. В ряде случаев войсковая администрация соглашалась «для правильного, стройного и более рационального поддержания хоров».

Освоивший несколько специальностей (нотное пение, основы управления хором, скрипку, а часто и духовой инструмент), каждый из певчих по окончании срока службы мог заниматься преподавательской деятельностью в учебных заведениях Войска, создавать новые хоры в своих станицах, поступать на службу в частные капеллы или продолжать деятельность на церковном поприще. Свидетельства о продолжении творче-

ского пути бывших участников Войскового хора певчих достаточно часто встречаются в документах³⁹.

После изменения подчинения капеллы ее дела стали серьезно расстраиваться. Заступивший в управление Войском Донским войсковой атаман генерал-адъютант М. И. Чертков предпринял ряд мер для улучшения положения: сократил хор певчих до 30 человек, пытаясь задержать «лучших и необходимых людей из состоящих в настоящее время на службе, и по окончании оной добавить им содержание, а остальных до полного штата заменить людьми вольнонаемными», оплачивая их труд их сэкономленных от уменьшения штата денег [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 6 об.].

Тяжелое материальное положение хора вызвало необходимость обратиться к широкой общественности. Благотворительность в Области войска Донского в XIX в. получила значительный размах. Каждый житель области считал своим долгом жертвовать деньги нуждающимся, в том числе за пределами России. Войсковые хоры и сами очень часто поддерживали почин всевозможных фондов, давая благотворительные концерты [ДВВ, 1875, № 6; ДЕВ, 1891, № 21, с. 899]. Теперь сам хор нуждался в помощи. Не оставшись равнодушными к проблемам лучшего хора Донского края, 2 апреля 1867 г., во время поста, любители дали благотворительный концерт в пользу «тружеников-певчих» [Донской вестник, 1867, № 40]. Такие акции не были единичными и нередко выводили хор «из крайне затруднительного положения».

Нельзя сказать, что войсковая администрация в это время совершенно не интересовалась проблемами хора. Однако слишком многое в Войске находилось на ее обеспечении без государственных дотаций, а материальные ресурсы войсковой казны были хотя не маленькими, но и не безразмерными. В ряде случаев необходимая помощь капелле оказывалась из личного атаманского фонда. Документы атаманской канцелярии свидетельствуют о заинтересованности войскового атамана

---

³⁹ Например, певчий Иван Быкадоров (с 1872–1877гг.) после увольнения из войскового хора, «где приобрел малейшие знания и порядок», служил в частной капелле; после очередного майского лагерного сбора был зачислен в л.-гв. сводно-казачий полк причетником [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 2806, л. 1].

в поддержании капеллы на должном уровне и привлечении профессиональных кадров в ее состав.

В 1868 г. назрела необходимость пригласить к руководству Войсковым хором способного деятельного регента, получившего специальное образование. Николай Арсеньевич Лебедев⁴⁰ (выпускник регентского класса Придворной певческой капеллы, чьи умения были отмечены большой серебряной и золотой медалями за отличие) становится руководителем певческого хора [ДЕВ, 1894, № 1, с. 19]. Во время его управления войсковым хором последний отличался высоким исполнительским уровнем, лишь время от времени ухудшавшимся по независящим от регента причинам. Благодаря его и капельмейстера постоянной работе состояние хоров улучшилось настолько, что из полков и конно-артиллерийских батарей присылают певчих и музыкантов в Новочеркасск для обучения.

Н. А. Лебедев поддержал мнение войскового атамана М. И. Черткова о необходимости приглашения вольнонаемных в хор. Это временно стабилизировало работу, о чем узнаем из докладной записки командира Донского учебного полка: «Пять человек из комплектного числа певчих уволены по изменению голоса, а на содержание их были приняты в хор по условию два вольнонаемных баса Василий Можевитин и Афанасий Садовников. Кроме того, в настоящее время певчий Александр Коханов по окончании срока службы в хоре из одного исключен, а между тем, по отзыву регента Лебедева он для хора необходим, как лучший из теноров, но оставаться он соглашается не иначе, как с платою ему в год двухсот рублей серебром. Остаточные в хоре на правах вольнонаемных требуют прибавления жалования. Выход из хора лучших людей повлечет за собой упадок и расстройство хора. Уменьшить же численность людей в хорах и тем увеличить содержание оставшихся более нет возможности, так как хор певчих в настоящее время делится на две половины: для пения в соборе и во дворце, а хор музыкантов исполняет два рода музыки: бальную-скрипичную

---

⁴⁰ Н. А. Лебедев – выпускник Новочеркасского духовного училища. Преподавательская деятельность связана с Новочеркасским духовным училищем, Войсковой гимназией, Маринским Донским институтом, Донской духовной семинарией, Таганрогской гимназией, где хоровое дело поставил на должную высоту.

и духовую-медную» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 32]. Деньги певчим Можевитину, Садовникову и Коханову были выданы из фонда Атаманской канцелярии по личному приказу войскового атамана М. И. Черткова, который как мог пытался изменить сложившееся положение.

В 1870 г. в рапорте военному министру он докладывал: «Я не нахожу иного средства поддержания достоинства войсковых хоров как увеличить их содержание, ... так как при настоящей обстановке наших войсковых хоров и при радикальном выполнении всех их обязанностей действительно содержание их весьма ограничено... Поэтому каждый при окончании срока своей службы старается оставить хор и искать места в частных оркестрах и хорах⁴¹, где содержание гораздо большее и обеспечивает их существование. Между тем войсковые хоры теряют через это много способных и талантливых людей, не имея способности их удержать...» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 28–32].

В ответном письме военного министра за № 726 указано: «Музыкальной и певческой капелле Войска Донского в прилагаемом у сего списке поименованным производить сверх окладного жалования еще полугодовые оклады из Войсковых сумм в виде временного пособия впредь до составления и утверждения новых штатов вообще по Управлению Войска Донского» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 13–16].

В то же время ежегодный ремонт инструментов и нот рекомендовалось производить на деньги, выручаемые хорами от частных занятий, и так называемые «запетые деньги», то есть получаемые ими за пение по найму. Оставшаяся часть этих денег, теперь заметно уменьшившаяся из-за дополнительных расходов на инструменты и ноты, распределялась между певчими и музыкантами.

Понимая, что разовые меры не обеспечат желаемого результата, военное министерство требует представить Положение и штаты хоров. Проект разрабатывался в течение двух лет, по прошествии которых в 1872 г. вышло «Положение и штаты о Войсковых музыкантском и певческом хорах в Войске Донском»,

---

⁴¹ Например, в частной капелле годовое жалование солиста составляло от 300 до 500 руб. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 3 об.].

утвержденное императором [СПРКВ, 1873 т. 8, ч. 1]. «Положение и штаты войсковых хоров» 1872 г. сохранило существующую практику материального поощрения «сообразно усердию каждого». Почти в два раза увеличившаяся сумма жалованья, по сравнению с предыдущим десятилетием, немного улучшила ситуацию. Первому разряду соответствовали шесть лучших певцов, которые соответственно получали: солист бас – 300 руб. в год, двое солистов теноров – по 250 рублей, один – 200, один – 160 рублей. Второй разряд объединял 16 человек, четверо из которых получали по 120 руб. в год, трое по 100, трое по 90, трое по 80 рублей. Третий разряд, состоящий чаще всего из «малолетков», насчитывал восемнадцать певчих. Из них четверо получали по 75 руб., шестеро по 70, четверо по 40 и столько же по 30 руб. серебром.

Материальные затруднения оказывали и некоторое положительное действие. Они побуждали хор чаще давать сольные концерты в свою пользу.

Привлечение профессионального регента со временем позволило хору повысить исполнительский уровень. Хор исполнял сложные многоголосные партитуры: в его репертуаре были духовная музыка, народные песни, фрагменты классических произведений, исполняемые сольно и с сопровождением Войскового оркестра. Уже не удовлетворяясь только прикладной функцией «озвучивания» всевозможных мероприятий, проводимых в ОВД, хор, расширивший границы мастерства, стал концертным коллективом. Его самостоятельные публичные выступления с духовной программой во время поста [ДОВ, 1873, № 10], и светской – на вечерах, балах, в офицерском собрании и дворянском клубе – не всегда вызывали однозначную оценку. В одной из рецензий этого периода на концерт отмечалось: «Особенно хороши басы, голоса у них могучие и хорошо поставленные», а «тенор-запевала довольно слаб. Болен ли он, слабо ли подготовлен, или труслив не в меру, а его партия провалилась совсем». Были нарекания и в отношении регента: «Если мы так бедны музыкальными голосами, что не можем выбрать подходящего тенора, если средства отпускаемые войском на содержание хора настолько скудны, что не позволяют иметь тенора-вольнонаемного, – лучше уж вовсе не поме-

щать в программу таких пьес, в которых неизбежно выделяется тенор, чем оставить их и исполнить кое-как» [ДОВ, 1877, № 46]. К сожалению, рецензия не подписана и мы не можем сделать вывод, насколько ей можно доверять. Как бы там ни было, доля правды в ней есть – как и любой хоровой коллектив, войсковой хор переживал взлеты и падения, а проблемы чаще всего были одинаковыми: смена состава и отсутствие хороших солистов.

В любом случае, коллектив находился в творческом поиске. Программы духовных концертов формировались из произведений, разрешенных Певческой капеллой. Среди них хоры и концерты Д. Бортнянского, М. Березовского, С. Дегтярева, Г. Ломакина, А. Львова.

В соответствии с доброй издательской традицией того времени, каждый автор по выходе музыкального нотного сборника присылал исполнителям экземпляр для ознакомления. Не обходили издатели своим вниманием и Донскую епархию. В 1862 г. из Москвы почтой высланы «Духовно-музыкальные сочинения и переложения протоиерея Петра Ивановича Турчанинова в двух книгах с аккомпанементом фортепиано и партиями голосов» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 5259]. «Для опубликования по епархии» Консистория закупила 30 экземпляров издания. Известно, что переложения Турчанинова были рассчитаны на большие по составу хоры «с хорошими смешанными голосами (детскими и мужскими), – а это... не дает возможности труд его сделать общедоступным» [Карпенко, 1887, с. 9]. В репертуаре Войскового хора этому композитору было отведено не последнее место, так как хоры П. И. Турчанинова славились тем, что гармонизованы «просто, красиво и мелодия у него не затмевается». В конце XIX – начале XX в. духовные программы хора включали произведения Е. С. Азеева, Д. В. Аллеманова, А. А. Архангельского, А. Т. Гречанинова, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Смоленского, П. Г. Чеснокова и др.

Если Придворная певческая капелла зависела от моды и вкусов двора, то Войсковой певческий хор, в первую очередь, от вкусов публики военного края, с ориентиром на последние российские тенденции. За время управления регентом Н. А. Лебедевым уровень исполнительского мастерства хора

значительно возрос, а в его деятельности возобладало концертное направление. Репертуар наряду с духовными, составляли светские сочинения русских и зарубежных композиторов, в частности «В бурю во грозу» и «Славься» из «Жизни за царя» М. Глинки, хоры из опер «Аскольдова могила» А. Верстовского, «Рогнеда» А. Серова, «Нижегородцы» Э. Направника, хор тирольцев из оперы Дж. Россини «Вильгельм Телль», «Прощание» Ф. Мендельсона и др. Обращает на себя внимание пристрастие исполнителей к операм на историческую тему. Хор пел *a cappella* и в сопровождении Войскового оркестра. Некоторые произведения, такие как хоры М. Глинки, закрепились в программах на много лет [Празднование на Дону 300-летия Дома Романовых, 1913].

Первоначально круг интересов капеллы ограничивался церковной службой, и в этом смысле она полностью оправдывала свое название – соборная певческая капелла. Со временем капелла стала многофункциональным концертным хором, исполняющим сложную духовную, классическую и народную музыку в лучших традициях русской хоровой школы.

1872 г. ознаменовался для капеллы выходом нового «Положения о штатах Войскового музыкантского и певческого хоров». Оно состояло из 13 параграфов, регламентирующих их службу. В сравнении с Определительными правилами 1839 г. документ имел ряд существенных дополнений. Главные из них заключались в сокращении срока службы нижним чинам войсковых хоров до десяти лет с выходом в отставку со всеми установленными правами и преимуществами; служба «малолетков» до их присяги засчитывалась в счет действительной из расчета каждые два года за один.

Наряду с некоторыми продублированными позициями, в этом документе были и новшества. При обсуждении проекта «Положения о штатах Войскового музыкантского и певческого хоров» в 1870-м году предполагалось изменение состава участников капеллы. Общее их число должно было составлять: 38 человек – хор музыкантов, 37 человек – хор певчих. Однако в утвержденном в 1872 г. Положении штаты хоров урезаются до 30 певчих и 30 музыкантов, то есть в соотношении с Определительными правилами 1839 г. хор уменьшался,

а оркестр увеличивался на 6 человек. По утверждению регента такое число певчих и музыкантов не отвечало предъявляемым требованиям к исполнительскому уровню хоров, и уже в 1875 г. в «Положении о прохождении нижними чинами Войска Донского воинской повинности» пересмотрен раздел о штатах Войскового музыкантского и певческого хоров. В графе «Число чинов» указывается: «музыкантов – по потребности, певчих – по потребности» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1656, л. 35–40].

Положение меняло требования к одежде певчих и музыкантов. Если до сих пор форма одежды еще не выделяла участников капеллы из среды казаков, поскольку «во всех торжественных случаях певчие являлись в обыкновенной своей одежде казачьего покроя» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1423, л. 18], то теперь музыкантам присваивалась форма обмундирования трубачей донских полевых полков, а певчим – общая форма нижних чинов Войска Донского. Участники обоих хоров формально повышались в звании – «музыканты и певчие казачьего звания должны были иметь на воротнике и обшлагах мундиров галун, присваиваемый урядникам» (даже если они таковыми не являлись). Совместное пение двух хоров Войскового и Архиерейского случалось довольно часто. Встречаясь на общих праздничных мероприятиях, исполняя общий репертуар, они, тем не менее, отличались друг от друга в одежде, что не всегда соответствовало торжественности церемоний. Теперь был устранен и этот недостаток. Войсковые певчие получили второй – парадный комплект одеяния: для пения в церкви вводился польский кафтан – кунтуш, «положенный для певчих, состоящих в Архиереях»⁴². Простая форма одежды хориста производилась за собственные деньги, парадный кафтан «построен и ремонтируется на счет войсковых сумм» [ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 1423, л. 51].

Со временем функция обслуживания Войскового собора, с которого собственно начиналась биография Войскового певческого хора (преемника Черкасской соборной капеллы) вышла из его компетенции, фактически оставив Воскресенский храм Новочеркаска без «благославного» пения. 20 апре-

---

⁴² Певческие костюмы польского образца были введены во время Николая I по указу 1831 г.

ля 1884 г. по приказанию начальника штаба ВД служители войскового собора были уведомлены, что «певчие Войскового хора будут петь в Соборе только в Высочоторжественные дни, когда будет в Соборе войсковой наказной атаман и во все дни, когда будет в Соборе Архиерейская служба» [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 15]. Однако на деле оказалось, что певчие зачастую не были на службе даже по таким дням. В 1885 г. их отсутствие было довольно продолжительным – с января по май. Явились они в собор лишь 15 мая, в день празднования коронавания их императорских величеств [ДЕВ, 1885, № 7–8; 12; 15; 17]. Собор стал терять своих прихожан, так как «неимение при соборе постоянного певческого хора тем более неприятно бросается в глаза, что и приходские... градские церкви, как-то Александровская, Михайло-Архангельская и Николаевская имеют таковые хоры, тем более порождает недовольство и нареkanie со стороны прихожан собора, что в настоящее время во всех концах все стараются обзавестись певческими хорами...».

Новочеркасский комендант, объясняя свой приказ, указывал: «Неопределенное отношение певческого войскового хора к собору требует окончательного решения вопроса. Цена важность *дела*, мы решили предпочесть соборному пению все другие...» [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 24]. Какое именно *дело* отвлекло Войсковой певческий хор от традиционных обязанностей остается в области предположений.

Вероятно, главная причина была весьма прозаичной. К этому времени содержание Войскового хора, находившегося в подчинении Новочеркасской местной команды, давно не пересматривалось. По положению 1872 г. надо было зарабатывать деньги частным образом, прежде всего на обновление нотной библиотеки, заинтересовывать вольнонаемных хористов повышенным жалованием, поощрять помощника регента и лучших музыкантов. «Запетые» деньги должны были употребляться и на доплату оставшимся в хоре на сверхсрочную службу. Таким образом, хор фактически был поставлен в условия самокупаемости, что вызывало необходимость постоянно заниматься поисками платных выступлений.

Частые концертные выступления требовали систематических полноценных репетиций, многочасовая же ежедневная служба в соборе утомляла певцов и отнимала много времени у хористов. Отказ от пения в кафедральном храме высвобождал часть времени хористов для пения по найму. Так, причт богатой Николаевской церкви «перекупал» Войсковой хор для пения в своем храме, о чем было сообщено соборному протоиерею «разговор наш... относительно перевода войсковых певчих из Николаевской церкви в Собор... должен быть приостановлен на некоторое время...» [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 19]. Несмотря на изменившиеся условия жизни, войсковые певчие по-традиции служили в соборе бесплатно.

Ситуация зашла в тупик: войсковой храм вернулся к положению середины XVIII века, когда в нем пела божественную литургию соборная братия. В 1886 г. все вышеуказанное вынудило кафедрального протоиерея о. Григория Прозоровского заключить с Войсковым хором контракт, в котором обговаривалось несколько условий:

«1. Войсковой хор обязался петь в Новочеркасском кафедральном соборе Всенощное бдение и поздние литургии в течение года, начиная с 1 августа 1886 г. и кончая 1 же августа 1887 г... Хор обязан петь во все воскресные дни, двенадцатые праздники, Высокоторжественные дни; кроме того литургии Преждеосвященных даров в течение Великого поста, канон на Великом повечерии первой недели поста, службы страстной седмицы и по два дня в праздник Рождества Христова и Святой Пасхи; 2. Заведующий хором должен ставить в Собор лучшую партию певчих; 3. За труды хора из сумм Собора уплачивается ему ежемесячно по 125 руб. по истечении месяца, а в год 1500 руб.». Соборная братия изыскала возможность ежемесячно доплачивать хору по 25 руб. за пение при воскресных вечерних богослужениях.

Состоявшийся переход на коммерческие отношения хора и его alma mater не принес ожидаемого результата. В течение года обе стороны были недовольны друг другом. Регент Федор Лосев жаловался на причт собора, будто бы они вербуют певчих в псаломщики и дьяконы, из чего мы можем заключить, что действительно условия работы в Войсковом хоре

оставляли желать лучшего. Соборная братия пеняла регенту на то, что «он постоянно ставит в собор худшую и слабейшую партию певчих», из чего они сделали вывод, «что он не хочет или не может петь в соборе» [Там же, л. 26]. Справедливости ради следует отметить, что подобные конфликты происходили не только в Новочеркасске, они были знакомы многим городским хорам и церквям [Вальченко, 2004]. В итоге заведующий хорами, полковник Николай Александрович Слюсарев отказал кафедральному протоиерею в продлении контракта на следующий год, заявив, что «Войсковой хор не в состоянии надлежащим образом выполнять его условия». Показательно, что немногим ранее такого рода конфликт не миновал бы Войсковую канцелярию и даже Войскового атамана. После перевода Войскового хора под юрисдикцию военного ведомства ситуация не пошла дальше начальника Новочеркасской местной команды и разбиралась в частном порядке.

Как оказалось, в это время хор испытывал не только материальные затруднения. Его плачевное положение объяснялось тяжелой болезнью регента Н. А. Лебедева. До «приискания» другого достойного кандидата регентом и его помощником («подрегентом») временно были назначены певчие Федор Лосев и Василий Серезжников. Смена руководителей вызвала обычную в таких случаях ситуацию «распада» коллектива. Значительное сокращение певчих стало следствием прежнего акцента руководства хора на вольнонаемных. Теноровая партия была слабым местом состава еще с 1877 г., так и не была укомплектована хорошими певцами. Помощник регента Василий Серезжников жаловался начальнику местной команды и на «недостаточность» детских голосов, поиском которых теперь некому было заниматься. По его словам хор не в состоянии «в настоящее время выделять из состава своего части для пения в Соборе», поэтому по праздникам это делали все войсковые певчие [Там же, л. 28]⁴³.

Все эти обстоятельства ускорили поиски нового регента к Войсковому хору. В 1889 году начальником местной команды

---

⁴³ При праздновании 900-летия крещения Руси (1888) Войсковой хор вместе с Архиерейским при богослужении во время крестного хода поют молебное пение в честь Святого Владимира [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 8971].

Кандыбой приглашен войсковым регентом Павел Акимович Степанов (см. Приложение 2). Немногие факты его биографии не позволяют с уверенностью говорить, почему при выборе регента он получил преимущества⁴⁴, наверное, начальнику Новочеркасской местной команды был известен его талант на регентском поприще. Это назначение совсем скоро оправдало себя. Во время руководства П. А. Степанова хор восстановил свою репутацию: газетные рецензии дают самые лестные отзывы на его концертные выступления. Благодаря регенту Степанову, совмещающему работу в хоре с преподавательской деятельностью в Мариинском донском институте, эталонный хор Войска Донского в качестве шефской помощи часто выступает в Марие-Магдалинской церкви. Служба П. А. Степанова была долгой и плодотворной. Во время его руководства мастерство хора было совершенным, что подтверждают и многочисленные критики и воспоминания современников. Он оставил должность из-за болезни.

Войсковой регент Виктор Иванович Нечаев приглашен к руководству певческим хором в 1903 г. Чтобы по достоинству оценить его профессиональные качества, следует обратить особое внимание на свидетельство 2 разряда, полученное им 23 декабря 1898 г. и подписанное исполняющим должность управляющего Придворной капеллой А. Аренским: «Управление Придворной капеллы сим свидетельствует, что отставной губернский секретарь В. И. Нечаев, не обучавшийся в регентском классе капеллы, выдержал испытание по всем установленным программю для получения звания регента теоретическим, вспомогательным и дополнительным предметам: элементарной теории музыки, гармонии, сольфеджио и церковному пению среднего курса, игре на скрипке и фортепиано, управлению церковным хором, чтению партитур и церковному уставу, с окончательною отметкою по главному предмету.

---

⁴⁴ Сын регента, урядника Горнозаводского ведомства. Воспитание получил в горнозаводской школе, по окончании которой определен на службу в чертежное отделение горного завода, с зачислением канцеляристом служителем в 1872 г. В 1882 поступил на службу в дворянскую опеку, уволился по прошению в 1889 г., в этом же году приглашен в Войсковой певческий хор регентом.

Церковное пение и регентское дело – «достаточно».

Сверх того окончил курс в Тамбовской духовной семинарии.

Вследствие сего на основании § 4 и 11 Высочайше утвержденного положения о регентском классе при Придворной капелле выдано ему сие свидетельство на звание регента...» [ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 42, л. 8]. Он очень быстро вник в особенности руководства Войсковым хором, и уже в 1901 г. отправился по станицам для подбора хороших голосов в ученики при хоре [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 10593, л. 112].

В. М. Нечаев был достойным продолжателем лучших традиций русского хорового искусства на донской земле. Его талант сочетался с требовательностью и настойчивостью. В новом веке хор не уступил своего звания «лучшего», разделив его лишь с Архиерейским. Через 100 лет после закладки войскового храма, при освящении главного алтаря Вознесенского кафедрального собора (1905) в г. Новочеркасске во время вечернего богослужения «пели два лучших хора певчих – Архиерейский и Войсковой – антифонно, а некоторые песнопения – совместно... На всю жизнь запомнятся впечатления вечерней службы – это торжественное по своему содержанию и стройному чинному исполнению песнопение... После шестого часа пения была совершена первая Божественная Литургия и благодарственный Богу молебен» [ДЦС, 1906, с. 117].

Замечательные качества войскового регента были отмечены начальством, и в 1908 г. он переведен регентом к хору Александро-Невской церкви г. Ростова-на-Дону.

Место В. И. Нечаева почти сразу занял представитель другой, Московской хоровой школы – Павел Михайлович Копосов. В качестве свидетельства своей компетентности, он предложил два письма⁴⁵, правда, датированные 1907 г. и адресованные епископу Таврическому и Симферопольскому, где до этого служил П. М. Копосов. Первое, регента Московского Синодального хора, директора училища церковного пения

---

⁴⁵ При переезде из Керчи, где он работал, в Новочеркасск «было похищено восемь мест багажа, между прочим, масса моих нот, бумаг, а между ними и свидетельство об образовании... хотя могу представить свидетельство о моем бытии преподавателем пения в Подольской духовной семинарии» [ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 42, л. 21].

Василия Орлова, сообщало: «Павел Михайлович Копосов давно известен мне, как человек в высшей степени способный к должной постановке и развитию дела церковного пения, как даровитый композитор и организатор Всероссийского Союза церковных регентов. В настоящее время, вследствие слабости его здоровья, доктора советуют ему избрать род деятельности где-либо на юге, в условиях, более благоприятных для сохранения его сил. От всей души желая поддержать этого русского труженика на пользу святого дела церкви, позволяю себе почтительно ходатайствовать... не изволите ли признать возможным предоставить Копосову какие-либо занятия... соответствующие его призванию и знаниям...» [Там же, л. 18]. Другая рекомендация, Прокурора Московской Синодальной конторы Филиппа Степанова, характеризовала общественную деятельность будущего регента Войскового хора: «Как председатель общества взаимопомощи регентов церковных хоров в России, я позволяю себе беспокоить [Вас]... с нижеследующей просьбой: некто Павел Копосов, регент церковного хора на Брянском заводе, хорошо известный правлению общества и мне лично, главный инициатор организации этого общества и достойнейшая личность во всех отношениях, заболел сильным кровохарканьем и врачи советуют ему немедленно уехать на юг. Не можете ли Вы... оказать содействие сему ревностному служителю церкви, живущему исключительно своим трудом на клиросе, пристроив его регентом...».

О службе Копосова в качестве войскового регента не осталось подробных сведений, кроме похвальных отзывов: хор стал петь «мягче и проникновеннее». В 1909 г. и регент, и певчие были вознаграждены за свое мастерство. «Свод штатов, военно-сухопутного ведомства», куда входили все казачьи войска, в том числе и Войско Донское, изданный в 1909 г. значительно улучшил вознаграждение за службу в хоре регенту и певчим. Однако в остальном не привнес особых дополнений к Положению 1872 г., лишь подтвердив в новом столетии следующие права: из 36 штатных певчих разрешалось десять иметь на сверхсрочной службе. Допускались в состав двенадцать учеников (на полном обеспечении войска), которые обучались в специальной школе хоровому

мастерству, а при необходимости грамоте. Не ограничивался хор в количестве частных концертов. Оставались прежними и требования к форме одежды.

Между тем, служба регента Копосова оказалась недолгой из-за слабого здоровья. Уже в 1910 г. его место занял коллежский асессор Василий Федорович Владимирский.

Общественность Новочеркаска взывала к войсковому начальству с просьбой восстановить пение Войскового хора в новом монументальном кафедральном храме: в лучшем храме должен служить лучший хор. По распоряжению Войскового наказного атамана В. И. Покотило 14 ноября 1913 г. были изменены сделанные ранее распоряжения относительно пения хора в соборе [Приказы по ВД, 1913, № 457]. Теперь он сопровождал богослужение во все двенадцатые праздники, высокаторжественные и воскресные дни, в первую неделю великого поста, в четверг, пятницу и субботу страстной недели, 29 августа и 22 октября пел не только во время литургии, но и всенощные накануне [Приказы по ВД, 1913].

16 января 1914 г. Войсковой хор певчих в числе 104 человек с новым регентом М. В. Мищенко выехал в Петербург для участия в полковом празднике Л.-гв. Казачьего е. и. в. полка и предстоящих юбилейных торжествах в ознаменование Лейпцигской битвы. К поездке готовились задолго, хор был в лучшей своей форме. Такое значительное событие в его жизни не прошло незамеченным для донских обывателей. Генеральная репетиция-концерт прошла за день до отъезда, 14 января, в Донском военном собрании. Программа состояла «из тех казачьих песен, которые будут исполняться хором на Лейпцигских торжествах Л.-гв. Казачьего е. и. в. полка». Половина вырученных денег поступила в пользу певчих, другая – в благотворительный фонд для пособий бедным офицерским семьям [ДОВ, 1914, № 9, 10]. Войсковая столица провожала свой хор торжественно: 15 января в соборе преосвященный Гермоген служил напутственный молебен отъезжающим в Петербург.

Частая смена регентов не сказалась на творческой биографии хора начала XX века. По отзыву современников «прекрасно пел Войсковой хор, наполняя красивыми звуками боже-

ственных молитв своды огромного собора» [ДЕВ, 1914, № 14]. По воспоминаниям современников, на похоронах Войскового атамана генерала А. М. Каледина «впереди серебряного катафалка с гробом, шел войсковой хор в голубых кунтушах с серебром» [НМИДК, ф. Сладкова, п-мо 4]. Во время следования певчие пели «Святый Боже» и канон 1-й седмицы Великого поста [ДЕВ, 1911, № 25, с. 426, 790]. В отличие от исследователей истории Кубанского войскового хора, установивших точную дату его расформирования (1920) [Жадан, 2001, с. 18], документы, содержащие информацию о прекращении деятельности Донского войскового хора не обнаружены.

Трудно переоценить роль Войсковой певческой капеллы – Войскового певческого хора в деле становления хорового искусства на Донской земле. Первоначально круг интересов капеллы ограничивался церковной службой, и в этом смысле она полностью оправдывала свое название – соборная певческая капелла. Со временем она стала многофункциональным концертным хором, исполняющим сложную духовную, классическую и народную музыку в лучших традициях русской хоровой школы. Репертуарная палитра хора была многогранна. Войсковая капелла без труда исполняла в одном концерте духовные сочинения, оперные произведения, традиционные казачьи песни, что позволяет говорить и о глубокой взаимосвязи всех ветвей хоровой певческой традиции Дона. Со временем капелла выработала своеобразный эталонный стиль донского хорового пения, который был широко известен, и о котором казаки впоследствии вспоминали в эмиграции, создавая за пределами России многочисленные казачьи хоры и пытаясь подражать ему.

2.3. Придворная певческая капелла в Таганроге (1825–1862)

Немногочисленные исследования о музыкальной жизни дореволюционного Таганрога позволяют с уверенностью сказать, что «творческая биография» города включает замечательные страницы. Однако приходится признать, что эти работы далеко не полностью воссоздают

культурный облик южного портового города начала XIX в. Именно поэтому такой необычайный факт его истории, как существование придворной певческой капеллы остался незамеченным современными историками.

Общеизвестно, что императорский дом благоволил к Таганрогу со времени его основания, чему способствовали объективные причины политического и экономического характера. Время же правления Александра I позволило городу не только подняться на новую ступень во всех сферах жизни, но и запомниться потомкам в качестве резиденции российского государя.

Обустройством своего дворца в Таганроге император занимался лично и с удовольствием⁴⁶. Дом отличали простота и уют. Двор, привезенный из столицы, состоял всего из нескольких фрейлин. Содержание царской резиденции исполнялось гражданами Таганрога.

Первоначально небольшая церковь была устроена императором Александром I в одной из центральных комнат дворца [Александра I дворец, 1998, с. 161]. Убранство домового храма было скромным, как и жизнь венценосной четы в Таганроге. Богослужение в ней совершали церковнослужители и певчие Успенского собора, даже царским духовником был протоиерей того же храма о. Алексей Федотов [Филевский, 1996, с. 139]. По приглашению императорской семьи домовую церковь посещали некоторые уважаемые граждане города [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 13, л. 60]. В ней отпевали Александра I до перенесения останков в Греческий монастырь. Здесь же, до своего отъезда из города, находила утешение вдовствующая императрица. Со временем, по ее желанию церковь была переведена в рабочий кабинет Александра I, где стояла кровать на которой скончался государь, а в октябре 1826 г. из Санкт-Петербурга фельдшером Миллером была доставлена в Таганрог «придворная походная церковь со всею принадлежностью». Все вещи по описи приняли градоначальник, смотритель дворца М. И. Лугавский и теперь уже *придворный* протоиерей о. Алексей Федотов. 14 октября 1826 г. церковь освятили во имя Воздвижения св. Креста, и с этого же времени в ней начато священнодействие [Там же, д. 1, л. 21].

---

⁴⁶ Подробно об этом: [Филевский, 1996; Коноплева, Цымбал, 1998, с. 62–72].

Разнообразные документы этого периода – справки, рапорты, финансовые отчеты (о жалованных смотрителю и трем низшим служителям деньгах, о текущем ремонте дворца, отоплении, освещении и др.) указывают на то, что смерть царской четы не оборвала заботы об императорской резиденции со стороны правительства. Более того, солидный архивный фонд Александровского (в то время – Елизаветинского) дворца позволяет утверждать, что отношение власти к последнему местопребыванию покойного царя было серьезным.

Таганрогский высочайший дворец, так же как придворное духовенство, певческая капелла и вся собственность царской семьи, находились в ведении Министерства императорского двора. Смотрителю – титулярному советнику Максиму Ивановичу Лугавскому – было предписано «сколь возможно сохранить Дворец императорский... в таком виде, как я его принял на весьма долгое время» [Там же, д. 7, л. 149]. Министр двора князь П. М. Волконский требовал доносить о его благосостоянии 4 раза в год (поквартально) [Там же, д. 1, л. 7]. В случае ремонта дворца или замены вещей требовалось «чтобы исправление было произведено совершенно по-прежнему» [Там же, д. 129, л. 50, 50 об.]. Поддержание должной чистоты вокруг императорской резиденции возлагалась «под личную ответственность смотрителя» [Там же, д. 148, л. 24]. Дворец как резиденцию императора охранял почетный караул Лейб-гвардии Казачьего его императорского величества полка, который не был снят ни после смерти Александра I, ни после отъезда императрицы из города.

Осмелимся предположить, что история Придворной певческой капеллы г. Таганрога также ведет отсчет с 1825 г. Отсутствие документальных подтверждений объясняется, прежде всего, тем, что первоначально церковь состояла в ведении Екатеринославской епархии, причем «приходом и расходом занимался дворцовой церкви протоиерей Федотов, каковой отчетности... не отдавал никому... начиная с 1826 г. по 1 сентября 1838 г., ибо с сего числа расход, как прежде певческий, а ныне и церковный, по распоряжению г. Министра Императорского двора возглавил я [М. И. Лугавский]» [Там же, д. 14, л. 19, 19 об.].

Первое документальное свидетельство о существовании хора певчих при Дворцовой церкви обнаруживаем в делах 1827 г. [Там же, д. 9, л. 18]. Численность хора колебалась от 8 до 13 человек, переходивших частью из ремонтировавшегося в то время Успенского собора [Филевский, 1996, с. 253]. Сведений об их денежном вознаграждении не обнаружено; возможно, певчие содержались за счет церковных сумм.

Все дела певческого хора до 1837 г. находились в компетенции протоиерея Федотова⁴⁷. Он как особа, отмеченная императорским званием, пользовался авторитетом у таганрогской знати и у многих из них был духовником. Вместе с псаломщиками дворцовой церкви часто выполнял требы в городе [ГАРО, ф. 578, д. 7, л. 23 об.], ему поэтому не составляло труда находить певчих в церковный хор. Он же увольнял малолетних хористов «по спадении их с голоса», а также взрослых «за нерадение своей обязанности... и за неспособностью» [Там же, д. 11, л. 13]. Занятия с певчими были не регулярными, проводил их либо сам протоиерей, либо псаломщик Степан Левицкий. Репертуар придворного хора, скорее всего, соответствовал принятому в то время в городских церквях.

Надо отметить, что культура церковного пения в Таганроге имела свои традиции. Так как значительную часть населения города составляли греки (как и итальянцы), то по их приглашению для служения приезжали священники и дьяки из Константинополя. В некоторых храмах богослужения совершались на греческом и русском языках. В греческой церкви Святых царей Константина и Елены «некогда была певческая школа, помещавшаяся в соседнем имении, принадлежащем церкви... многие певчие и регенты таганрогских церковных хоров обучались там церковному пению» [Филевский, 1996, с. 258].

Свидетельства современников указывают на участие дворцовых певчих 11 октября 1831 г. в церемониале открытия

---

⁴⁷ Протоиерей Федотов замечательная фигура Александровского дворца. Будучи духовником императора, отличался неуживчивым, независимым и скандальным характером, резкостью суждений; в любое время мог оставить службу, отказаться от причастия или крещения. Его побаивались и священно- и церковнослужители других городских церквей. В документах упоминается об открытой войне между ним и смотрителем дворца, есть упоминания о притеснении певчих. В 1862 г. он конфликтует, правда, справедливо, даже с градоначальником Таганрога.

памятника Александру I в Таганроге [Там же, с. 150]. Вероятно, одяние хористов не удовлетворяло высоким требованиям, предъявляемым к служащим придворного храма, поэтому по личному приказанию градоначальника от 1832 г. за № 3754, черное траурное сукно дворцовой залы «раздать часть... на одяние... для платья: на сюртуки и брюки 12 певчим всего 64 $\frac{1}{4}$ аршина» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 7, л. 13].

Нужно отдать должное Таганрогскому градоначальнику Отто Романовичу Пфейлицер-Франку. Сохранность императорской резиденции он воспринял как личную обязанность; благодаря его непосредственному контролю и сам дворец, и придворная церковь содержались в хорошем состоянии. Барон Франк был не только исполнителем распоряжений министра двора, а зачастую сам принимал безотлагательные решения по разным вопросам, касающимся улучшения дворцовой жизни. Так, с разрешения протоиерея Федотова дворцовую церковь начали посещать люди разных сословий «без разбора», на что 16 августа 1832 г. последовало предписание градоначальника за № 3190 «наблюдсти впредь, чтобы одни только почтеннейшие здешние граждане имели свободный ход в дворцовую церковь во время отправления богослужения» [Там же, д. 7, л. 43]⁴⁸.

Заботы правительства не только о дворце, но и о придворных певчих высочайшей церкви стали регулярными начиная с 1833 г. С этого времени по велению императора Николая I предписано выделять 660 руб. на их одежду и обувь (на три года), а от казны назначено было 2920 руб. в год на содержание хора [Филевский, 1996, с. 150]. Все певчие «по части благочиния» подчинялись смотрителю дворца, а жалованье получали непосредственно в кабинете градоначальника [Ф. 578, оп. 1, д. 9, л. 59].

Такие перемены оказали положительное влияние на хор таганрогского высочайшего дворца. Судя по документам, первый комплект обязательной формы состоял из сюртука – «платья ... по образцу и на манер черкесского одяния», а также жилета, шинели и брюк [Там же, д. 9, л. 29, 29 об.].

---

⁴⁸ Эта вынужденная мера была принята на основании донесения архитектора Македонского о непрочности полов в Дворцовой зале и самой церкви.

Одежда изготовлялась из темно-зеленого фабричного сукна, покупавшегося смотрителем в Новочеркасске [Там же, д. 12, л. 18]. Части костюма были украшены желтой шелковой тесьмой «окрашенной орлами», указывающей на принадлежность к государственной службе, или галуном. Костюмы обновлялись каждые три года, покрой соответствовал «образцу высочайшего двора», в дополнение к жилетам шились галстуки и манишки. Цвет одежды певчих не был постоянным: в разное время костюмы были темно-зелеными, темно-синими, черными [Там же, д. 129, л. 53]⁴⁹. Придворная певческая капелла в Санкт-Петербурге имела другое парадное одеяние для особо торжественных случаев – кафтан темно-вишневого бархата с золотым шитьем, а для повседневной службы кафтан и штаны зеленого сукна [Чудинова, 1998, с. 446]. Певчим выдавали на три года по две пары лаковых сапог немецкого образца. По истечении срока ношения костюма, в поощрение за службу, каждый певчий забирал костюм себе в пользование⁵⁰. Сначала одежда шилась лишь для восьми штатных певчих, но со временем (при регенте П. Федотове) в костюм одевали 12–13 человек, в том числе кандидатов. Во всяком случае, внешний вид певчих таганрогского высочайшего дворца соответствовал их статусу.

Таганрогского градоначальника заботили не только хозяйственные вопросы, внутреннее убранство дворца; он старался поставить на высоту и пение в придворном храме. В первую очередь была приведена в порядок певческая комната для репетиций, которая находилась в нижнем полуэтаже дворца близ караульного помещения казаков. В ней были оштукатурены и окрашены стены и рамы, заменены стекла, отремонтирована печь, сделаны новые двери и мебель [Ф. 578, оп. 1, д. 9, л. 30]. Ассигновались дополнительные средства на ее освещение и отопление в зимнее время.

Хлопоты смотрителя распространялись теперь и на материальные затруднения хористов: по случаю неурожая 1833 г. и дороговизны на необходимые продукты питания, многие

---

⁴⁹ Любопытно, что заказ на костюмы и сапоги для хористов в 1851 г. выполняли сами певчие – Алексей Прянишников и Григорий Добрановский.

⁵⁰ Такая же форма поощрения певчих была и в Придворной певческой капелле в Петербурге.

жители Таганрога переживали сложные времена. Певчие капеллы в большинстве своем «семейные и бедные люди» [Там же, д. 124, л. 65], испытывали такие же затруднения. М. И. Лугавский, зная о «крайней нужде в содержании себя» участников придворного хора просил градоначальника разрешить выдать им «третье (за три месяца – А. В.) жалованье в пособие» [Там же, д. 9, л. 27]. Предполагалось, что государственное обеспечение певчих должно было естественно отразиться и на профессиональном уровне капеллы.

Однако, несмотря на положительные изменения в быту певчих, заведование художественной частью до 1837 г. все также оставалось делом придворного протоиерея Федотова. Состав хора был непостоянным и по объективным причинам из-за «спадения с голосов» малых певчих, и из-за конфликтов взрослых хористов с протоиереем. Частая смена участников отражалась в первую очередь на художественной стороне. Поэтому существенных преобразований в певческой части не произошло: в это время хор особо не выделялся среди других.

Как известно, посещение провинции высочайшими особами оказывает на нее положительное воздействие. Подготовка к встрече наследника российского престола Александра II в 1837 г. в Таганроге, привнесла необходимое обновление в художественную жизнь придворной капеллы. 11 апреля 1837 г. по велению императора «хор певчих церкви Таганрогского высочайшего Дворца поручен заведыванию местному гражданскому начальству с предоставлением оному приискать регента для обучения певчих». Значительно повлиял на улучшение придворного хора контракт, заключенный 15 июня 1837 г. с таганрогским греческим мещанином Федором Леонтьевичем Рениери (Риньери) «о поручении ему должности регента в хоре певчих церкви Таганрогского высочайшего Дворца» [Там же, д. 12, л. 25].

По условиям контракта, регент работал в течение четырех лет «ни в коем случае не оставляя должности самопроизвольно в продолжение помянутого срока». Его же могли уволить без объяснения причин. Хор певчих должен был всегда состоять не менее чем из восьми человек (не считая регента), и сверх того в комплекте всегда следует быть одному или двум кандида-

там-мальчикам, «которые на случай спадения голосов штатных дискантов и альтов, могли бы тотчас заменить их». Насколько позволяла должность в хоре участвовали и оба псаломщика придворной церкви. «Каковой хор я обязываюсь сформировать в самом непродолжительном времени из лучших голосов, совершенно обученных нотному церковному пению, установленному правительством для придворных церквей» [Там же, л. 25 об.]. Регент собирал для «учения» пению хористов и псаломщиков еженедельно по средам, пятницам и субботам.

Как известно, в придворной церкви службы проходили в дни, так или иначе связанные с жизнью членов императорской семьи: дни рождений, тезоименитств, коронаций, кончин. По словам протоиерея Федотова «особенных об этом распоряжений я ни от кого не имел; но все это совершал сам собою, в убеждении и сознании долга моего молиться неусыпно о душах царей, отошедших в вечность, и в храме, который устроен по воле императрицы Елисаветы Алексеевны, на том самом месте, на котором скончался благословенный монарх» [Там же, д. 214, л. 39, 39 об.]. Кроме того, были отмечаемы и все православные праздники, во время которых дворец по-особому празднично иллюминировали⁵¹. По требованию министра императорского двора, для службы в церкви покупали все самое лучшее (на ее нужды выделялось 2000 руб. в год), так как «благолепие Дворцовой церкви не требует излишней экономии... Следует расходовать деньги собственно для церкви и не так, как оно делалось до сего» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 13, л. 52]. Убранство церкви, праздничная одежда певчих и торжественность службы постепенно приводились в соответствие с высочайшими требованиями к придворным церквам.

В дни службы надевалось «присвоенное придворным певчим особое одеяние», хранящееся у смотрителя дворца, сам регент был в точно такой же одежде, которую, правда, «строил» за собственный счет. Певчие являлись «к обеду в праздничные и торжественные дни ровно в 9 часов утра, а в прочие дни –

---

⁵¹ Освещали наружными и внутренними фонарями с конопляным маслом и бумажными фитилями; покупали специальные плашки от 40 до 250 шт. с говяжьим салом, белые восковые свечи.

в 8 часов утра же, к вечерне же накануне каждого праздника ровно в 5 часов пополудни». Псаломщики заранее предупреждали регента о том, что следует по церковному уставу петь на заутрене и обедне каждого праздника и прочих служебных дней «для неупустительности со стороны хора всего того исполнения» [Там же, д. 12, л. 27 об.]. Репертуар был составлен в соответствии с придворной службой и на основе «нотных книг, высланных из придворной певческой капеллы» [Там же, л. 124 об.].

До появления регента, начиная с 1833 г., все певчие, и малолетние, и взрослые получали одинаковое жалованье, независимо от их участия в хоре. Эта практика не соответствовала принятой в придворных хорах и не могла мотивировать певчих к трудолюбию, качественному разучиванию и исполнению произведения. Ориентация хора таганрогской церкви на придворный сказалась и на распределении средств. Теперь, не выходя за рамки указанного размера окладов, регенту рекомендовалось распределять годовое жалованье «смотря по усердию каждого». Соответственно, двум басам и двум тенорам полагалось от 300 до 350 руб., четырем мальчикам – до 150 руб. каждому, «о каковом назначении поименно кому, должен я ... представить именной регистр» [Там же, л. 26 об.]. Была заведена шнуровая книга, в которой каждый певчий расписывался в его получении. Жалованье регента составляло 800 руб. в год.

С 1839 г. певчих в хор набирали по контракту. В нем оговаривалось, что отказать от должности каждому могли в случаях потери голоса, за непримерное поведение и нестарание в должности.

Участниками хора в разное время состояли казаки, мещане (в том числе греческие), крестьяне, солдатские дети, лица духовного звания. Они были выходцами из южных губерний России и Украины – Воронежа, Орла, Полтавы, Ростова, Харькова, самого Таганрога и его предместий (с. Троицкое, ст-ца Ново-Николаевская и др.). Условия контракта указывают на обязательное требование к хористам: в совершенстве знать нотную церковную грамоту и иметь прекрасные вокальные данные. Благодаря шнуровым книгам мы видим, что все певчие, за редким исключением, были грамотными. Эти обстоятельства подчеркивают, что далеко не каждый мог

попасть в придворный хор. Понятным в связи с этим становится длительная переписка таганрогского градоначальника с думой губернского г. Орла об орловском мещанине Матвее Иевлеве сыне Плотникове, состоящем певчим при таганрогской высочайшей церкви. «Как оный при дворце ныне нужен, я осмеливаюсь просить... выслать годовой паспорт, с тем, что если за Плотниковым состоят какие казенные недоимки, то из жалованья будут высланы» [Там же, д. 13, л. 7]. Как видим сословие не имело определяющего значения при приеме певчих в капеллу, а отсутствие вида на жительство в Таганроге не могло помешать заинтересованным лицам решить проблему паспорта для нужных капелле голосов. Обязательным было наличие таланта, вокально-хоровых навыков, а также примерное поведение, сведения о котором предоставлялись, при необходимости, полицейским ведомством.

Так как регент теперь был заинтересован в благолепии праздничной службы, которую зачастую посещали высочайшие особы, то к хористам он относился с большим вниманием. Это видно из рапорта за № 5731 от 24 декабря 1839 г., в котором имеется просьба «мальчиков-дишкантов и альтов – не употреблять на службу в простые дни в продолжение нынешней зимы, снежной и холодной, дабы предохранить их от расстройства здоровья, т. е. чтобы не более *четырёх* голосов (курсив мой – А. В.) в будничные дни служили» [Там же, д. 14, л. 22, 22 об.]⁵².

Несмотря на старания регента Федора Рениери, по истечении контракта, 16 июня 1841 г. он был уволен таганрогским градоначальником с формулировкой «не считаю нужным более иметь его в этой должности» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 18, л. 2.]. Вероятнее всего, одной из причин увольнения было невыполнение условий пункта контракта о малолетних певчих (выбывших из хора мальчиков зачастую неким было заменить).

На образовавшуюся вакансию 1 июля был принят Воронежского губернского г. Богучара 3-й гильдии острогожский купец Петр Леонтьев Кривонос. Условия контракта дополнились некоторыми уточнениями, не меняя его сути в целом.

---

⁵² Такой вопрос не был в ведении даже министра императорского двора, а лишь духовника и обер-священника Николая Васильевича Музовского.

Регент П. Кривоносов сразу пересмотрел штатное расписание хора. В первую очередь постарался решить проблему вынужденного поиска новых альтов и дискантов вследствие «упадения с голосов». Дополнительно к основному штату «дабы не расстроилась придворная певческая» разыскал и «допустил к учению» в хор певчих троих мальчиков, «приготовляя на случай могущих испортиться голосов, с тем, чтобы они могли заменить штатные вакансии в хоре» [Там же, д. 18. л. 9, 9 об.]. Такое нововведение было одобрено начальством, мальчиков определили в штатный состав с выплатой зарплаты по 75 руб. ассигнациями в год. Стремлением удержать исполнителей ведущих партий была вызвана прибавка к жалованью по 25 руб. в год «одному басу и одному тенору при Дворцовой капелле».

Прослушиваться в хор приходило довольно много людей, однако требования к певчим были высоки. Зачастую кандидаты отвергались с формулировкой «совершенно не способен к пению в хоре», или «не имеет голоса и слуха» [Там же, д. 21, л. 7]. Придирчивость регента к хористам приводила к тому, что массовые увольнения стали правилом. В 1843 г. он просит заменить «оказавшихся неспособными к пению по случаю спадения с голосов и лишения слуха» новыми приисканными для хора. Лишь несколько человек из бывших певчих осталось в хоре, остальные были уволены. Таким образом, к 9 июня 1843 г. капелла состояла из 11 новых певчих: Федора Даценко, Василия Науменко, Ильи Домеева, Дмитрия Плужникова, Михаила Шафранова, Марка Мельникова, Михаила Шапошникова, Ивана Колесникова и кандидатов Александра Федосеева, Василия Негодина, Семена Чурина, которые были утверждены таганрогским градоначальником. В это же время для поступления в капеллу ожидал формулярного списка о службе из харьковского земского суда Григорий Васильковский.

Звание регента предполагало коренную перестройку не только штата, но и качества хорового исполнения. Постоянная же смена состава не благоприятствовала красоте пения придворной капеллы. Скорее всего, растрочены были и достигнутые предшественником результаты. Несмотря на уверения П. Кривоносова в длительной и успешной деятельности

у донских помещиков в качестве регента и капельмейстера⁵³, он не справился со своими обязанностями. По всей видимости, работа с крепостными музыкантами существенно отличалась от руководства придворным хором. Барон Франк, внимательно следивший за успехами капеллы, уволил регента Кривоносова почти на год ранее окончания срока контракта⁵⁴. Смотрителя обяжали «озаботиться приисканием на место Кривоносова другого, желающего и способного к занятию должности регента дворцовой церкви» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 49, л. 13].

Как видим, требования к регенту капеллы у градоначальника были весьма высоки. Критериям барона О. Франка мог удовлетворять только получивший серьезное образование: имеющий хорошую вокально-хоровую подготовку, навыки управления хором и владеющий методикой обучения пению. Именно поэтому выбор пал на выпускника Екатеринославской духовной семинарии Петра Львова сына Федотова, который 21 ноября 1843 г. заступил в должность регента придворной певческой капеллы г. Таганрога [Там же, л. 17].

Работа предыдущих руководителей была настолько неудовлетворительной, что срок действия нового контракта был сокращен до двух лет. Как и прежде, регент и хор подчинялись смотрителю дворца⁵⁵. В новом контракте заметно возросли права регента: оговаривалось, что в случае болезни или домашних обстоятельств он по желанию мог уволиться сам, найдя себе замену в течение двух месяцев со дня подачи просьбы. Состав хора – восемь человек – оставался прежним, но теперь наличие двух-трех кандидатов-мальчиков при хоре вменялось в обязанность регента. Жалованье оставалось таким же – 228 руб. 57 коп. серебром в год.

Таганрогский градоначальник очень надеялся, что молодой, образованный и энергичный регент приведет в порядок

---

⁵³ Подробнее о нем: [Кияшко, 1911, с. 37–38].

⁵⁴ Любопытно, что П. Кривоносов не растерялся, а в том же году предложил свою кандидатуру на должность капельмейстера Кубанского войскового музыкантского хора.

⁵⁵ Согласно высочайшему его императорского величества повелению, объявленному господином министром императорского двора 11 апреля 1837 г.

хор придворной церкви: он лично просил Петра Федотова «об усовершенствовании здешней придворной певческой капеллы» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 67, л. 10].

Регент Федотов возглавил капеллу не в самое лучшее время: нотная библиотека изнашивалась и не имела достаточного количества наименований для успешной работы; многие хорошие певчие покинули капеллу из-за придирчивого П. Кривоносова; не была подготовлена смена малым певчим.

Новый регент – единственный, кто сразу понял, что таганрогский хор высочайшего дворца не просто хор домово́й церкви, а именно *придворная* певческая капелла. На этом строилась его дальнейшая политика руководства коллективом. С первых шагов Петр Федотов занялся приведением в порядок библиотеки. Забота об ее пополнении необходимыми нотами и пособиями отличала руководителя капеллы во все время нахождения в должности. Приняв просьбу градоначальника об улучшении капеллы как руководство к действию и заручившись его поддержкой, уже в январе он выписал из Московского магазина Юлия Грессера 35 четырехголосных концертов Бортнянского, «как употребительнейших при Дворцовых церквах и нужнейших для практики не совсем еще опытных певчих» [Там же]. Из описи видно, какие произведения помимо концертов Бортнянского интересовали регента. Это «мелкие пьесы Бортнянского в 16 номерах, переложения протоиерея Турчанинова – две книги – вторая и третья, и литургия Давыдова; употребительные при дворе также четыре Херувимские песни новейшего сочинения» [Там же, д. 73, л. 10]. В дополнение к заказанным, были присланы три Херувимские Варламова. Любопытно, что регент Петр Федотов и сам имел склонность к сочинительству и зачастую посылал свои собственные сочинения издателю, для напечатания⁵⁶.

Общение с частным издательством не всегда было удобным: переписка затягивалась, ноты шли долго, каталоги доходили до Таганрога с опозданием. Разобравшись с ситуацией и поняв

---

⁵⁶ Музыкальный магазин Ю. Грессера на Кузнецком мосту, в доме Суровщикова в Москве. Бортнянского концерты 10 номеров (32 руб. 50 коп); Бортнянского концерты 35 номеров (50 руб.); Варламова 3-и Херувимские (14 руб.); Турчанинова 2-е книги (18 руб.); Федотова Херувимские (4 руб.)

свою ошибку, регент списался с Петербургской Придворной капеллой о высылке нот. Теперь Петербургская Придворная певческая капелла регулярно обновляла библиотеку дворца в Таганроге, ежегодно присылая вновь изданные ноты. Так, в 1848 г. для пения в Таганрогской дворцовой церкви были присланы духовно-музыкальные сочинения⁵⁷. Так как все императорские придворные певческие капеллы находились в одном ведении, библиотекарь Петербургской капеллы Рыбаков напрямую сообщался со своими подшефными. Высылая ноты обязательных для придворной церкви песнопений, он всегда прилагал обстоятельный каталог «духовным пьесам, употребляемым при высочайшем дворе»⁵⁸, добавляя при этом, что «остальные ноты по требованию Вашему по получении от Вас денег немедленно будут высланы». Полученные «партитурные книги» расписывались на четыре голоса «порознь» уже в Таганроге, местными переписчиками. Например, в 1851 г. «бессрочноотпускным квартирмейстером» Петром Мальцовым были расписаны «Литургия со всеми принадлежностями на весь круглый год, положенными по церковному уставу, и каноны: как осьмигласников, так и на все двенадцатые праздники» за 9 руб. 50 коп. серебром [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 143, л. 46; д. 99, л. 23].

Совершая знания, приобретенные в семинарии, регент изучал издаваемую литературу по пению, интересовался современным состоянием и проблемами хоровых коллективов. Среди выписываемых им нот встречаем и работы методического характера⁵⁹.

---

⁵⁷ Обиход (10 руб. серебром); Ирмологий (5 руб. серебром); партитура мелких пьес и партии их (12 руб.); партии 4-х голосных концертов (10 руб.); восемь трио (2 руб. 30 коп.).

⁵⁸ В 1853 году были присланы: партии Обихода (8 руб.); Греческие Воскресные ирмосы (5 руб.); Воскресные утренние антифоны (2 руб.); Ирмологий Знаменного напева (

⁵⁹ В мае 1857 г. из Придворной певческой капеллы выписаны «Октоих» (6 руб.); Ломакин «Метода пения с аккомпанементом фортепиано» (3 руб.); «Благослови, душе моя, Господа» для хора (50 коп.); «Благослови, душе моя, Господа» для басов и теноров (50 коп.); «Хвалите имя господне» (50 коп.); «Тебе одеющагося светом» (50 коп.); «Свете тихий» (30 коп.); «Ныне отпускаеши» (30 коп.); «Свыше пророцы» и «Да возрадуется душа твоя» для полного хора (1 руб.); то же для басов, теноров и Архидиаконское служение (1 руб.); книжка «О церковных певческих хорах» (1 руб.).

Молодой регент занимался поисками «приличных» голосов в хор «и приучал к Дворцовому церковному пению неопытные голоса» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 98, л. 8 об.]. Предвидя скорую надобность в альтах, регент подыскивал достойных кандидатов на смену, а, отыскав усиленно занимался с вновь прибывшими, «имеющими порядочный голос альт». Занятия П. Федотова с хористами не ограничивались лишь разучиванием партий произведений, необходимых для службы в церкви. Каждая репетиция, особенно с младшими певчими, начиналась специальными упражнениями, ноты которых выписывались из Петербурга. Это «Партии на разных ключах, принадлежащих к методу Ломакина», «Упражнения хорные для дискантов и альты или двух теноров и баса» и др. [Там же, д. 176, л. 17]. Для уроков были сделаны четыре пюпитра, «черная доска на треножнике для объяснения певчим музыкальных знаков», выписан из магазина Бернарда метроном [Там же, д. 176, л. 70 об.].

К сожалению, не всегда усилия руководителя приводили к желаемым результатам. Зачастую поучившись некоторое время, мальчик, еще не поступив в штат, по различным причинам уходил. Однако интересные занятия, профессионализм регента скоро принесли свои плоды. Количество желающих попасть в капеллу постоянно увеличивалось. Со временем стремление к совершенствованию пения, заставило П. Федотова не только заниматься подбором на место терявших голоса мальчиков новых, но и заменять взрослых певчих более способными. Так, уволив тенора капеллы Лазаря Ищенко, он «приискал способнейшего Алексея Прянишникова». Между тем, дело Алексея Прянишникова прошло несколько инстанций⁶⁰, прежде чем ему разрешили поступить в штат [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 72, л. 5.]. В конце концов, вмешалась бывшая владелица Прянишниковых, помещица Войска Донского Янова, сообщившая о нахождении их документов в сенате.

В 1846 г. контракт, заключенный с П. Федотовым продлили на следующие три года, добавив лишь одно предложение о внешнем виде хористов: «Волосы на голове [должны

---

⁶⁰ Это было связано с отсутствием документов в городском магистрате, думе и полиции «к какому сословию граждан принадлежит Яков Прянишников [отец Алексея – А. В.] и какого поведения сын его Алексей».

быть] выстрижены и причесаны прилично» [Там же, д. 82, л. 11, 11 об.]. Из этого следует, что всем другим требованиям, предъявляемым к регенту придворного хора, он удовлетворял. В 1847 году позволено было для устранения волокиты и излишней переписки «договаривать и удалять людей для придворной певческой» смотрителю дворца [Там же, д. 98, л. 1, 1 об.].

Хорошая хоровая подготовка певчих была замечена жителями города и неожиданно принесла проблемы не только регенту П. Федотову, но и смотрителю таганрогского дворца. Благодаря стараниям старосты купца Гавриила Яншина, главный храм города – Успенский собор – переживал свой расцвет [Филевский, 1996, с. 255]. Как следствие, жалование соборных певчих и условия их работы были намного выгоднее. Документы указывают, что именно эти причины вызвали проблемы в дворцовой капелле, означенные смотрителем дворца как «беспорядки». Некоторые певчие капеллы официально увольнялись, мотивируя уход личными обстоятельствами, другие «не давая знать о своем намерении» поступали в соборную церковь. За время с августа по октябрь 1847 г. из придворного хора перешли в хор соборной церкви четыре человека.

Для немногочисленного состава придворной капеллы это была настоящая трагедия. Сам регент уже не мог справиться с ситуацией, поэтому он докладывал исполняющему должность градоначальника Броневскому, что «подобные обстоятельства ведут хор к расстройству, улучшение которого особенно зависит от постоянства певчих» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 98, л. 7]. По его требованию приказано уходящим «приискивать» на свое место замену, либо «выслуживать в хоре дворцовых певчих полный срок, назначенный в контракте, чтобы тем временем удобнее можно было приготовить на место» новых.

Конфликт между смотрителем дворца, регентом придворных певчих и старостой собора вышел на высочайший уровень. П. Федотов требует обязать старосту собора «обратить по-прежнему в придворный певческий хор» ушедших певчих и «воспретить на будущее время таковых без обоюдных соглашений принимать с одного места на другое, а тем более переманивать в свой хор». Для наведения порядка предлагалось принять ряд мер. Во-первых, «предписать

старосте соборной церкви возратить [певчих] в придворную певческую капеллу, с отдачею их регенту на руки и впредь не принимать без особенного разрешения» самого градоначальника [Там же, л. 4]. Рапортом от 13 октября 1847 г. таганрогский градоначальник обязал старосту собора «прекратить подобное самовольство». Во-вторых, смотрителем высочайшего дворца было высказано предложение «каждого певчего обязать подпискою на трехлетнее служение, буде не будет особой веской причины для увольнения» [Там же, д. 97, л. 9 об.]. В-третьих, сам регент написал отношение к старосте Успенского собора, в котором разъяснял причины «расстраивающие наш певческий хор».

П. Федотов лично следил за «перебежчиками», являясь на службу в собор, и докладывал о таковых начальству, которое принимало действенные меры. Любопытно, что ссора между церковью и дворцом решалась на официальном уровне не только на бумаге. Страсти накалились до такой степени, что смотритель Таганрогского императорского дворца подполковник Гришков, проверяя службы дворца, и не обнаружив некоторых певчих капеллы на месте, не разбираясь в причинах их отсутствия, в ярости явился в соборную церковь и «изволили в алтаре разность наших [Успенского собора] певчих» [Там же, д. 109, л. 9]. Перепуганный староста срочно написал записку: «Я вас уведомляю, что в меня их [певчих] нет, я им отказал. Соборная церковь и без них обойдется, и не знаю наверно, певчих – сколько их у нас». Этот эпизод завершил конфликтную ситуацию между двумя церквами, и подобные случаи переманивания придворных певчих больше не повторялись.

Регент Федотов содержал хор в полном порядке. В отличие от предыдущих руководителей, он подошел к материальному поощрению участников капеллы дифференцированно. Документы дают основание утверждать, что отмечались даже малейшие заслуги хористов. Небольшие «премии», от 50 копеек до нескольких рублей в месяц постоянно фигурируют в ведомостях; бывали и случаи «наказания» за нерадивость, что тут же отражалось на жалованье. Решая творческие проблемы, руководитель хора, не забывал и о нуждах певчих, что позволяет судить о нем как об отзывчивом человеке [Там же, д. 124, л. 65].

Во время его руководства придворной капеллой стали редкими увольнения певчих; хористы выбывали лишь при утрате голоса, по болезни или смерти. Кандидатов в придворную капеллу было всегда больше, чем полагалось по штату, поэтому замена выбывших из хора другими «способными» не составляла труда. Нисколько не умаляя заслуги регента, это можно объяснить и тем, что в городе выросло число учебных заведений, в которых пение было одним из основных предметов. Работа регента П. Федотова была по достоинству оценена начальством и в 1849 г. он получает чин Губернского секретаря.

Поиск малых певчих для капеллы, регулярные занятия с хористами, разучивание новых партий, решение текущих вопросов требовали больших усилий регента. Заменить же его во время вынужденных отлучек и вовсе было нечем. В помощь себе он назначает авторитетного, грамотного и толкового участника хора. Исполняя певческую должность в капелле в качестве тенора, Евстафий Бевенко оказался незаменимым и в роли помощника регента в течение ряда лет. Со временем, после расформирования капеллы в 1862 г., за 13-летнюю усердную службу Е. Бевенко был произведен в первый класный чин «дабы по потере голоса иметь право вступить в гражданскую службу и тем продолжить свое существование» [Там же, д. 214, л. 40]. Такая форма поощрения была обычной для певчих петербургской капеллы, а в практике таганрогской этот случай остался исключением.

Внутренняя жизнь капеллы приняла нужное русло, обрела стабильность и упорядоченность. Печальное «разнообразие» внесли лишь военные действия, связанные с Крымской кампанией. Прекрасный вид на море – гордость Греческой улицы в мирное время, делал ее совершенно беззащитной перед английской флотилией во время войны. Особняки таганрогской элиты, а вместе с ними и Александровский дворец, наиболее пострадали при обстреле 1855 г. Вошедший в историю факт продолжения службы во время попадания снаряда в Успенский собор, мог иметь место в любом храме города. Во всяком случае, служители высочайшего дворца «сохраняемого как драгоценная память о Благословенном императоре» не оставляли своих мест во время обстре-

лов и всеми силами пытались защищать императорскую резиденцию. Не прекращали своей деятельности в это время ни церковь дворца, ни его певческая капелла. По окончании войны некоторые служащие были представлены к наградам⁶¹. Регент П. Федотов «за полезную и усердную службу» при дворце был отмечен солидной денежной премией [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 171, л. 8.].

В 1857 г. приходят новые штаты, которые заметно увеличивают жалованье и регента, и певчих [ГАРО, ф. 578, д. 178, л. 6 об.], в связи с чем, расширился круг обязанностей П. Федотова. Теперь он заведует всеми казенными денежными суммами, находящимися во дворце. Вероятнее всего, творческая натура и отсутствие опыта в ведении денежных дел сыграли с регентом злую шутку. Проводимая в 1858 г. во дворце ревизия не обнаружила необходимых записей «на приход искупленных материалов и вещей... на сумму 5 руб. 54 коп. серебром», рекомендуя «на будущее время не допускать подобных беспорядков» [Там же, д. 191, л. 3]. Обида регента, много лет «беспорочно» служившего во дворце и обвиненного в краже дворцового имущества, не позволила ему продолжить работу в капелле. Однако этот факт убеждает в высоких профессиональных и человеческих качествах П. Федотова. Беспокоясь о судьбе покидаемой им капеллы, он последний раз заказывает в Петербурге партию новых нот [Там же, д. 191, л. 22].

По случаю увольнения «вовсе от службы и предполагаемого им выезда из г. Таганрога» на должность регента Дворцовой церкви временно назначен псаломщик Степан Левицкий. Новый регент был старейшим опытным участником хора: он служил во дворце с 1825 г. Особых проблем с певчими капеллы в это время не могло возникнуть: бывший регент оставил «в наследство» хорошо обученных, «припетых» хористов, владеющих обширным репертуаром. Поэтому свою главную задачу – сохранить капеллу в таком же состоянии, как принял, – С. Левицкий исполнял успешно.

---

⁶¹ Генерал-лейтенант Краснов ходатайствовал о награждении «некоторых лиц, в том числе и состоящих при Таганрогском высочайшем дворце, за оказанное ими усердие при защите в 1855 г. Таганрога от неприятельского нападения» [ГАРО, ф. 578, оп. 1, д. 176, л. 11, 11 об.].

После окончания Крымской кампании и к исходу Кавказской войны императорский двор возобновляет постройку и реставрацию загородных дворцов и резиденций. В 1862 г. на архитектора Высочайшего двора Моничетти возлагается перестройка крымских дворцов. К этому времени Таганрог как царская резиденция окончательно утрачивает свое значение; на первый план выдвигается Ливадия. Для осмотра состояния таганрогского дворца и возможности «его сохранения как памятника» в город прибывает Моничетти. Из его доклада следует, что внутренняя жизнь дворца должна быть прекращена.

По императорскому распоряжению от 19 октября 1862 г. причт, состоящий при дворцовой церкви, был упразднен. Церковь дворца была приписана к Успенскому собору. Богослужения в храме разрешалось проводить его священникам и причту лишь в дни поминовения Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны [Там же, д. 214, л. 36]. Хор певчих высочайшего дворца был расформирован. Певчие капеллы разошлись по другим храмам Таганрога, но большая часть принята в Успенский собор.

Однако высочайший дворец и домовая Крестовоздвиженская церковь так и остались для горожан значимым местом в Таганроге, святыней, позволявшей прикоснуться к личности «благословенного монарха», почувствовать свою причастность к русской истории. Л.-гв. Казачий его императорского величества полк продолжал нести службу в почетном карауле при дворце-музее, совершенно также как и при императоре. Учащиеся таганрогских, как и других учебных заведений (Области войска Донского), многочисленные частные лица были постоянными посетителями музея. Церковь дворца вскоре приобрела новых певчих в лице гимназистов. Епископом Екатеринославским от 11 ноября 1866 г. протоиерей Федор Покровский – законоучитель гимназии – определен к ней «для беспрепятственного совершения богослужения наставникам и учащимся гимназии» [Там же, д. 233, л. 16, 16 об.].

На основании изученного можно сделать вывод о том, что таганрогская капелла оправдывала свое звание *придворной*, назначение которой «быть домашней капеллой государя и исполнять богослужбное пение» [Финдейзен, 1928, с. 308].

В том, что образцом в деятельности таганрогской капеллы была ее «старшая сестра» Придворная певческая капелла в Петербурге, убеждает общность репертуара, принципов формирования штата (посредством «отыскания» лучших певческих голосов на юге России), распределения жалованья, форма одежды.

Творческий облик любого хорового коллектива зависит, прежде всего, от руководителя. Таганрогская капелла возглавлялась пятью регентами (протоиереем о. Алексеем Федотовым, Федором Рениери, Петром Кривоносовым, Петром Федотовым, Степаном Левицким), каждый из которых в меру своих способностей и представлений приближал ее к придворным стандартам хорового пения.

Нами изучено лишь одно явление в богатой культурной жизни города Таганрога начала XIX столетия. Безусловно, со временем, когда будет воссоздана ее панорама, появится возможность более точно определить место и оценить значение придворной певческой капеллы высочайшего дворца в культурном пространстве города и всего региона.

2.4. Архиерейский хор (1829–1918)

Учреждение в столице донского казачества 1829 г. архиерейской кафедры имело важные благотворные последствия для развития духовной жизни и хоровой певческой культуры. Архиерейский дом, среди прочего, должен был иметь собственный хор, за устройством которого лично следил новый архипастырь Афанасий – «любитель величественного торжественного богослужения» [ДЕВ, 1878, № 9, с. 285]. Сложности обустройства кафедры не позволили быстро организовать хор. Отсутствие у консистории какой бы то ни было материальной базы⁶² не позволяло обеспечить иногородних певчих жильем в Новочеркасске и найти помещение для систематических занятий. В течение некоторого времени архиерейское служение обходилось лишь Войсковыми певчими.

---

⁶² Войско Донское не спешило отводить архиерейскому дому «ни земли, ни рыбных ловель, ни мельницы», и в течение двух лет преосвященный Афанасий содержал себя и архиерейский дом на собственные средства [ДЕВ, 1878, № 9, с. 285].

Несмотря на возникшие трудности, духовное правление сразу занялось поисками достойного регента, на должность которого в 1829 г. был назначен диакон Гавриил Иванович Донецкий 39 лет от роду, духовного происхождения. Первый регент архиерейского хора получил образование в Воронежской семинарии, закончив ее в 1817 г. и успел зарекомендовать себя с лучшей стороны в должности дьякона Покровской церкви сл. Андреево-Ребриковой. Характеризуя профессиональные качества регента, протоиерей Новочеркасского кафедрального собора докладывал консистории, что Г. И. Донецкий «в чтении и пении исправен, учение знает хорошо» [ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 2023, л. 18 об.].

В соответствии с традициями того времени в устройстве архиерейских хоров ориентировались на синодальный, т. е. в структуре хора соблюдалось деление на станицы [Парфентьев, 1986, с. 100]. Архиерейские хоры отличались лишь численностью: штатом к хору определялись певчие трех станиц по восемь человек в каждой [СОВДСК, 1901, с. 119].

Дальнейшее комплектование хора было поручено регенту, но непосредственное участие в этом деле принимал и сам донской архипастырь, отбирая певчих во время ревизий по новообразованной епархии. Не найдя среди священно- и церковнослужителей достаточного количества достойных кандидатов для хора, преосвященный Афанасий обратился в другие епархии с приглашением на службу выпускников училищ и семинарий в архиерейские певчие Новочеркасской и Георгиевской епархий.

Конечно, основными критериями отбора певчих были талант и исключительные вокальные данные, но не последнюю роль играло социальное происхождение и моральный облик кандидатов.

Документы свидетельствуют, что первый штат хора составляли лица исключительно духовного звания; при этом, среди взрослых певчих жителей Дона почти не было. Трое – Алексей Васильевич Руднев, Григорий Косминович Олейников и Иван Иванович Якиновский закончили Воронежскую духовную семинарию; четверо – выпускники училищ: Стефан Сергеевич Минервин (из Астраханского духовного училища),

Иван Егорович Щекин (из Воронежского уездного училища), Василий Андреевич Китайский (из Новочеркасского духовного училища) и Иван Семенович Краснов (из Ставропольского уездного училища); Семен Стефанович Добровольский (переехал на службу из Воронежа) «в школах не обучался». Некоторые певчие до принятия в хор состояли на службе в церквях, исполняя разные должности от пономаря до диакона. Обычай набирать в штат церковных хоров клириков тоже был традицией, обусловленной практической целесообразностью. Разумовский указывал, что «естественное дарование... имело в певце второстепенное значение. Достоинство певца главным образом определялось знанием того, что, когда и как надлежало петь или исполнять» [Разумовский, 2002, с. 25]. Немаловажное значение играл и образовательный уровень, так как первый донской архиепископ Афанасий считал главным недостатком духовенства «отсутствие научного образования».

Меньше проблем возникало с поиском малолетних певцов: мальчиков набрали из разных отделений новочеркасского духовного училища. Все малые певчие были детьми священно- и церковнослужителей, «дабы с малолетства знали церковную науку». При приеме обращалось внимание на поведение, градации которого были весьма разнообразны («добронравного», «хорошего», «честного», «изрядного», «добропорядочного» поведения); и успехи в церковном пении, обязательно входившем в расписание занятий в училищах. Альтисты Иван Кирилов, Иван Попов, Анфим Попка, Александр Байздренков, Александр Мишин, Николай Трофимов поступили в хор в течение 1832–1833 гг. в возрасте 14–15 лет.

Известны имена «дискантистов», зачисленных в последнюю очередь: Семен Добротковский, Петр Греков, Василий Никольский, Иаков Кибалка, Василий и Григорий Байздренковы, Епифаний Пашинский.

В связи с проходившим в 1831 г. по всей империи «разбором священнослужительским детям и причетникам с целью очищения церковного ведомства от лиц, недостойных оставаться в духовном звании», пристальное внимание уделялось их репутации.

Только к 1834 г. штат Архиерейского хора был полностью укомплектован и в составе упомянутых лиц приступил к ежедневным занятиям. Некоторое время репетиции («спевки») проходили на базе духовного училища. В 1834 г. с завершением строительства зданий Духовной консистории, в Архиерейском доме были выделены особые комнаты для взрослых и малых певчих и хранения нот [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 7].

Авторитет Придворной певческой капеллы в церковно-певческом деле был непререкаемым. Поэтому репертуар хора состоял из принятых в ней напевов, обязательных для всех хоров России, которых «архиерейские певчие держались непременно» [Металлов, 2002, с. 86]. По указу Святейшего Синода от 1835 г. нотами придворного церковного четырехголосного пения были снабжены соборные церкви, монастыри в обязательном порядке, а остальные «смотря по надобности и по имеющимся способам» [Металлов, 2002, с. 87].

Из средств Вознесенского кафедрального собора архиерейским певчим были сшиты «парадные мундиры», обновлявшиеся по мере необходимости [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 7]. Во внеслужебное время носили одеяние, положенное лицам духовного звания, коими они и являлись.

В 1834 г. Новочеркасск пополнился еще одним храмом – Крестовой церковью⁶³ во имя Казанской Божьей матери с приделом Преображения Господня, организованной при Архиерейском доме. В ней архиепископ совершал ежедневное служение. Местом торжественных служб оставался Вознесенский кафедральный собор. Основная деятельность хора состояла в участии в соборных службах⁶⁴. Если архиерейское служение осуществлялось силами одного архиерейского хора, то певчие делились поровну для пения на двух клиросах. Мастерство хора при совершении службы «глубоко трогало» молящихся, заставляло «сбросив все до одной суетные мысли о мире и о себе, жи[ть] уже другою жизнью; кажется, сей час

---

⁶³ Так называются церкви, устраиваемые при митрополичьих, архиерейских и частных домах. В них могло изменяться время и варьироваться состав служб.

⁶⁴ Например, в течение 1885 г. в Донской епархии совершено архиерейских служб: литургий – 147, всенощных бдений – 28, молебнов – 37, панихид – 6, погребений – 8 и т. д.; в 1887 году – 146 архиерейских служений [ДЕВ, 1886, № 2, с. 60].

бы поднялся с земли и улетел, куда несется мысль, окрыленный молитвою и пламенным огнем ее <...> Особенно памятен будет мне концерт „Единою просих от господа, то възыщу», петый в соборе, где с таким чувством пел первый тенор на архиерейском хоре“» [Филонов, 1859, с. 12].

С этого времени творческие судьбы профессиональных коллективов тесно переплетаются. С одной стороны появление Архиерейского хора облегчило положение войскового, так как теперь выполнение церковно-певческих обязанностей в Войсковом соборе распределялось между певчими обеих хором⁶⁵. Они поделили сферы деятельности: во многих церковных праздниках (на торжествах закладки и освящения городских зданий) участвовал только Архиерейский хор, в военных пел Войсковой, и на церковно-военных торжествах присутствовали «соединенные» хоры Войсковой и Архиерейский. Сначала такое деление было достаточно строгим, но со временем Архиерейский хор принял на себя часть функций Войсковой капеллы. Для совместных выступлений «в высоко-торжественные дни» назначались «общие спевки» для двух хором. Это давало высокие результаты. Не только жители, но и гости Войска Донского, раз услышав пение сводного хора в кафедральном соборе, навсегда становились его поклонниками: «где я ни был, везде расхваливал певчих и их согласное пение» [Филонов, 1859, с. 12].

Отсутствие документов не дает возможности уяснить, каким образом производилось обеспечение жильем; строились ли или покупались для певчих дома, как это делалось в Синодальном хоре, неизвестно. Скорее всего, иногородние в Новочеркасске проживали в съемных квартирах, которые оплачивались из епархиальной казны.

Новочеркасский Вознесенский кафедральный собор не имел собственных певчих, пение в нем осуществлялось Войсковым хором, а с 1829 г. архиерейские певчие фактически входили в состав его причта. Поэтому положенное по штату жало-

---

⁶⁵ В 1885 г. в традиционном обзоре церквей и монастырей Донской епархии архиепископа Митрофана сопровождал Войсковой хор, так как Архиерейский на время прекратил существование: «Свиту владыки составляли... 11 человек певчих Войскового хора, в т. ч. пять больших и шесть мальчиков» [ДЕВ, 1885, № 1, с. 12].

ванье 2400 руб. в год, они получали из его средств [ДЦС, 1909, с. 13]. Дополнительным источником доходов были так называемые «могорычи» – пение по найму (на свадьбах, при отпевании покойников), размер которых был непостоянным, но значительным – достигал иногда нескольких рублей серебром [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 5587, л. 1]. Добавлялись к доходам «славленные деньги», которые давались певчим за пение при встречах высокопоставленных особ. Так, встречая в г. Новочеркаске преосвященного Флавиана, епископа Аксайского в 1885 г. у него на квартире, певчие «при входе в приемную комнату пропели входное „Достойно есть“ и „Ис полла эти деспота“». Затем новоприбывший Владыка ...прошел по всем другим комнатам, при чем ... пели в это время церковные песни, а именно: при входе в зал „Благодарни сущи недостойнии раби Твои, господи“, при входе в спальную комнату – „К Богородице прилежно ныне притецем“, при входе в столовую и прочие комнаты – „Спаси, Господи, люди Твоя“». В таких случаях певчие получали серебряные рубли «на булки» [ДЕВ, 1885, № 6, с. 222; 1886 № 15, с. 619]. Малолетние певчие также получали небольшое жалованье [Позднеев, 1997, с. 259].

Певчие и регенты Архиерейского хора были тесно связаны с новочеркасскими церквями, зачастую совмещая службу в них с певческими обязанностями. Особенными были отношения с церковью Александра Невского. Она являлась своеобразной практической базой хора; ее штат обновлялся почти исключительно его певчими или регентами [Петров, 1909, с. 17–26]. Александро-Невская церковь далеко не единственный храм, который стремился иметь в составе причта архиерейских певчих.

Художественные успехи хора в большой мере зависят от таланта и квалификации регента. Регентское образование руководителей многих хоров начала XIX века ограничивалось навыками, полученными в духовных учебных заведениях и певческой или регентской практикой. До середины XIX века должность регента чаще всего замещали лучшие певчие Архиерейского хора. Так, после смерти Г. И. Донецкого, его сменил один из певчих Василий Китайский; священнический сын духовного происхождения, которому при вступлении

в хор было 22 года, и который выбыл из него в сане священника «слободы Синявки» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 2]. Подобным образом получили назначение диаконы Оболенский Петр Афанасьевич⁶⁶ и Иоанн Петров⁶⁷. Регентовал в духовном хоре и певчий Войскового хора Лавров Константин Федорович⁶⁸, назначенный по протекции Войсковой канцелярии. Его замечательный бас сослужил хору «плохую» службу: К. Ф. Лавров не смог остаться в должности регента более двух лет, так как был посвящен в чин дьякона Александро-Невской церкви.

Практиковалось замещение вакансии регента священниками епархии, имевшими явные способности к регентскому делу и отличившимися в практической деятельности по созданию хоров в донских храмах. По рекомендации благочинного Миусского округа В. Китайского⁶⁹ в 1844 г. в должность регента Донского архиерейского хора был принят Богородицкой церкви сл. Дмитриевки священник Иоанн Миусский. По-видимому, он обладал необходимыми качествами руководителя, так как в своей церкви поставил церковное пение на должную высоту: в сл. Дмитриевке при богослужении исполнялись «*четырёхголосные* (курсив мой – А. В.) нотные *пизсы* неизвестных сочинителей» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 21]. По утверждению Донской Духовной консистории и В. Китайский и И. Миусский «имеют хорошее знание в церковном пении» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 2].

Случалось, что назначаемые на Дон священники имели практику работы в хорах соседних епархий, что давало им привилегии при получении должности регента Донского хора. Так, Василий Ефимович Беневоленский⁷⁰ служил подрегентом

---

⁶⁶ Из низшего отделения Воронежской семинарии, с 26 лет служил архиерейским певчим. С 1853–1864 гг. был регентом Донского Архиерейского хора. С 1855–1875 гг. диакон Александро-Невской церкви г. Новочеркаска [Петров, 1909, с. 83].

⁶⁷ И. о. регента с 1865 г. по 1866 г.

⁶⁸ 46 лет, певчий Войскового хора, с 1842 г. урядник. С 1866 по 1868 г. – регент Архиерейского хора. В 1868–1881 гг. – дьякон Александро-Невской церкви г. Новочеркаска [Там же].

⁶⁹ Бывшего регента Архиерейского хора.

⁷⁰ Закончил Рязанскую семинарию по 2 разряду. С 1842 г. служил в хоре рязанского архиепископа подрегентом. В 1847 г. рукоположен в священники к Александро-Невской церкви г. Новочеркаска, где пробыл до 1874 г. В 1847 г., 27 лет от

в хоре рязанского архиепископа. Несмотря на сравнительно недолгое пребывание в должности регента новочеркасского хора, его профессиональные качества были по достоинству оценены современниками: он был приглашаем к руководству хором дважды. Таким же образом получил назначение в хор в 1898 г. и один из лучших регентов Михаил Дмитриевич Ерхан⁷¹. Благодаря его руководству хор стал концертным коллективом высокого класса. «Несущественною, но важной» особенностью этого регента современники считали его управление хором во время духовных концертов: «Он, вопреки принятому почему-то обычаю, располагал свой хор так, что сам стоял лицом к публике, благодаря чему не только певчие, но и слушатели могли читать на лице дирижера чувства, соответствовавшие данному песнопению» [ДЕВ, 1908, № 11, с. 322]. Удивительно то, что лишь один из регентов – Василий Семенович Костенко⁷², – руководивший хором в течение десяти лет (предположительно с 1887 г.), имел специальное образование. Его незаурядный регентский талант и композиторское дарование снискали ему заслуженную славу в Новочеркасске.

Деятельность Донского Архиерейского хора была достаточно широкой и не ограничивалась лишь службами в новочеркасских церквях. Современники отмечали: «Любит наш православный русский народ разные церковные торжества, не менее того любит их и православный Дон, почему всегда с охотою спешит принять в них участие» [ДЕВ, 1886, № 11, с. 454].

роду, определен в Архиерейский хор регентом. 15 мая 1851 г. уволен от должности по болезни. В 1865 г. вторично назначен был регентом, 14 августа 1866 г. уволен по болезни.

⁷¹ Сын псаломщика Бессарабской губернии, 1860 г.р. Обучался в Кишиневской духовной семинарии, закончил в 1879 г. В 1885 г. определен штатным псаломщиком к Николаевской церкви г. Ахтырки Харьковской епархии. С 1890 г. – учитель церковного пения в Тамбовской ДС. С 1893 г. – регент Тамбовского Архиерейского хора. Рукоположен в священники в 1896 г. Состоял руководителем курсов церковного пения и дидактики для учителей ЦПШ Тамбовской епархии, за «усердную и полезную деятельность» награжден набедренником в 1897 г. с 1898 г. по 1920 г. – регент Донского Архиерейского хора [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 1083, л. 4–6].

⁷² Закончил регентские классы Петербургской певческой капеллы [ДЕВ, 1893, № 20, с. 933]. Рукоположен в священники к церкви хутора Мишкина 14 марта 1893 г. [ДЕВ, 1893, № 9, с. 536], скончался 14 января 1898 г. от чахотки [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 1083, л. 1].

Архиерейские певчие «озвучивали» молебствия на площади перед собором о ниспослании дождя в Новочеркасске [ДЕВ, 1886, № 11, с. 461]; пели в больших торжествах, сопровождавших перенесения икон в кафедральный собор и крестовую церковь [ДЕВ, 1911, № 36, с. 1014]; непременно участвовали во всех военно-церковных праздниках [ДЕВ, 1911, № 3, с. 48; там же 1914, № 1, с. 2].

В обязанности певчих входило сопровождение архиереев во время поездок по епархии с целью обзора церквей и приходов. В таких случаях составлялся график отправки в командировку лучших хористов для проверки состояния певческого дела в приходах [ДЕВ, 1882, № 21, с. 802; ДЕВ, 1916, № 20, с. 288]. По пути следования в некоторых церквях запланированы были архиерейские служения, в них на правом клиросе пел Архиерейский хор, а на левом – сводный хор певчих близлежащих станиц и хуторов. Совместные службы приносили неоценимую пользу хорам епархии в деле улучшения церковного пения, обогащения репертуара, совершенствования мастерства певчих и регентов. Нельзя отрицать практическую пользу от таких встреч и для самого Архиерейского хора. По заданию консистории певчие в таких поездках выявляли будущих участников хора из местных клирошан.

Архиерейским служением и, соответственно, пением архиерейского хора сопровождалась освящения храмов не только в самой казачьей столице, но и в станицах и хуторах Области войска Донского. «Торжественно и уставно отправляющийся „чин освящения храма от архиерея творимого“» случался нечасто в жизни донской провинции, поэтому становился настоящим праздником, собирающим большое число молящихся, «произв[одившим] высокорадостное впечатление на всех присутствующих». Особенно восторгались в таком случае донские обыватели пением замечательного духовного хора Донской епархии «вливавшего в сердца молившихся отраду, истинное религиозное успокоение, и уносившего мысль за пределы тленного мира» [ДЕВ, 1901, № 14, с. 294].

Такие службы не только увеличивали число поклонников хора, но и вызывали стремление повышать мастерство церковных хоров в обустраиваемых храмах. Именно эту цель и пресле-

довали мудрые архипастыри епархии, всячески поддерживая Архиерейский хор в лучшем виде. Новые храмы пополнялись священнослужителями из певчих хора, приобретая в их лице приверженцев торжественного служения, «радетелей о красоте церковного пения» и замечательных учителей-вокалистов.

Отсутствие специальной вокальной школы в Области войска Донского компенсировалось существованием расширенной сети церковных хоров. Регентами в них зачастую были выходцы из Архиерейского хора, неутомимо занимавшиеся обучением детей донского края церковному пению, выявлявшие и поддерживавшие таланты из народа. Благодаря их стараниям стали знаменитыми Степан Васильевич Брыкин⁷³, С. Г. Власов⁷⁴, Иван Васильевич Ершов⁷⁵, Владимир Федорович Любченко⁷⁶, Петр Яковлевич Павлов⁷⁷, Сергей Иванович Преображенский⁷⁸ и многие другие. Архиерейский хор воспитывал не только певцов, но и будущих музыкантов, среди которых известный скрипач Петр Павлович Ильченко⁷⁹.

⁷³ Артист оперы (лирический баритон), режиссер, антрепренер, педагог. Родился в ст-це Раздорской а 1861 г., пел в церковном хоре. Окончил юридический факультет Московского университета, одновременно пел в хоре оперетты М. Лентовского (1887). д. Леонова, услышав молодого певца, в течение двух лет давала ему бесплатные уроки пения [Пружанский, 2000, с. 72].

⁷⁴ Артист императорских оперных театров, уроженец Гундоровской ст-цы священнический сын казачьего происхождения. Брат – солист Архиерейского хора, протодьякон кафедрального собора г. Новочеркаска [ДЕВ 1908, № 11, с. 323; там же 1911, № 27, с. 685].

⁷⁵ Артист оперы (драматический тенор), камерный певец, режиссер, педагог. Родился в 1868 г. в хут. Малый Несветай (дед был скрипачом и регентом капеллы донских помещиков Иловайских), пел в церковном хоре. Народный артист СССР (1938). Доктор искусствоведения (1941) [Пружанский, 2000, с. 175; Акимова-Ершова 1966, с. 8].

⁷⁶ Артист оперы (лирико-драматический баритон), педагог. Родился в 1886 г. в сл. Исаевке ОВД. Окончил гимназию в Ростове н/Д. С 10 до 16 лет работал в хоре, с 18 до 20 лет служил актером в украинской труппе [Пружанский, 2000, с. 295].

⁷⁷ Артист оперы (бас). Родился в 1871 г. в ОВД. Выступал на оперной сцене Москвы: в театре Солодовникова (1906), Большом театре (1916); Петербурга: в Мариинском театре; Баку, Харькова [Пружанский 2000, с. 385].

⁷⁸ Артист оперы (бас-профундо), камерный певец. Родился в ст-це Урюпинской в семье священника в 1874 г. В 1896–98 гг. Брал уроки пения у К. Кржижановской. Одновременно пел сначала в Синодальном хоре в Москве, затем в качестве солиста в Московском церковном хоре купца В. Перлова п/у Ф. Иванова. В 1898 г. поступил в хор петербургского Мариинского театра [Пружанский, 2000, с. 408].

⁷⁹ Концертмейстер и солист Московского Художественного театра с 1906 г. Родился в г. Новочеркасске в 1888 г. в семье казака. Был принят в Архиерейский

Хор был неофициальным покровителем духовно-учебных заведений Новочеркаска. Помимо оказываемой материальной помощи (в их фонды нередко перечислялись деньги от концертов), при его непосредственном участии проходило освящение зданий школ, училищ, семинарии [ДЕВ, 1869, № 1, с. 14; там же 1900, № 14, с. 319].

Многие хористы, будучи учителями духовных училищ, руководителями школьных хоров, делились своим опытом и знаниями в деле церковного пения с подопечными. И обучение пению, и руководство хором Донской духовной семинарии поручалось, как правило, регенту Архиерейского хора.

Прививаемая с детства любовь к православному хоровому искусству, знакомство с его лучшими традициями способствовали стремлению школьников к занятиям хоровым пением и делали поступление в ряды певчих заветным желанием для многих мальчиков. Девочки не могли об этом даже мечтать, но в их памяти оставались светлые воспоминания о совместных выступлениях с маститым Донским хором. Общее пение школьников и архиерейских певчих – нередкое явление для Новочеркаска [ДЕВ, 1885, № 7–8, с. 265–268]. Так, в 1901 г. на освящении нового здания ЦПШ при Дмитриевской кладбищенской церкви «Многая лета» Архиерейский хор пел с хором учениц под управлением учителя пения А. Мухина: «Стройно и мелодично исполнил... кондак из акафиста св. Дмитрию Солунскому „Дивный воевода града Солуня“, положенный на три голоса регентом хора М. Ерханом» [ДЕВ, 1901, № 27, с. 668].

В силу того, что из состава хора в самостоятельную жизнь уходили талантливые певчие, он постоянно нуждался в пополнении и обновлении. Постепенно сложились принципы отбора певчих в Архиерейский хор. Возраст участников не превышал 25 лет. Его вокально-хоровая структура оставалась неизменной: четыре баса, четыре тенора, шесть альтов и пять дискантов. Все певчие имели духовное образование или

хор в раннем детстве. В 1902 г. принят в Московскую консерваторию. С 1910 совершил концертную поездку по России с Ф. И. Шаляпиным. В 1913 г. на конкурсе скрипачей в Москве занял I место. С 1916 г. служил в симфоническом оркестре Л.-гв. Преображенского полка. В 1917–1918 – дирижер симфонического оркестра в Новочеркасске [Новочеркасск и Платовская гимназия, 1997, с. 259–260].

учились в училищах, многие замещали должности священно- или церковнослужителей при храмах г. Новочеркаска. Характеризуя певческие таланты, регенты неизменно сообщают, что участники хора «успехов в певческой должности... весьма хороших, очень хороших, довольно хороших, рачительных, благонадежных». Принимали певчих «поведения кроткого, скромного, хорошего, весьма и очень хорошего» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, л. 4029, л. 3, 3 об, 4].

Военная администрация на Дону, невзирая на многочисленные законодательные акты, направленные на ограничение ее влияния, принимала активное участие в церковных делах [Римский, 1998, с. 284]. В силу этого лишь некоторые сферы церковной жизни находились в ведении архипастырей, нередко в Архиерейский хор певчие назначались по распоряжению войскового правительства. Если в первом составе Архиерейского хора было лишь несколько певчих казачьего сословия, то в 1850 г. из 19 участников 11 были «священнические и дьяконские сыновья казачьего происхождения». Это басы Митрофан Попов и Руф Гаврилов, альты Петр Смоленский, Михаил Колпаков, Григорий Рыковский, Алексей Попов, Иосиф Емельянов, Стефан Попов, дисканты Петр Рыковский, Николай Кравченков, Михаил Алексеев.

Их перевод в духовное звание был связан со многими трудностями, так как по постановлению военного министра от 1835 г. «принадлежащие по общему составу войска зависят от войскового начальства и поступают в духовное звание не иначе как по согласию епархиального начальства с Войсковым правлением и только при определении их в священно-церковнослужительские должности» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 878, л. 1]. Такое положение дел сохранялось и позднее. В 1868 г. дети священно- и церковнослужителей казачьего происхождения могли исполнять должности в духовном ведомстве без причисления их к духовному званию. Исключение из казачьего сословия следовало «испрашивать только в тех случаях, когда они усердным служением церкви и поведением в продолжение нескольких лет докажут, что они достойны сего звания, или же при предоставлении им священнослужительских мест» [Там же, л. 4].

Во многих областях жизни Российского государства 60–70-е годы XX века ознаменовались рядом реформ. Изменения в структуре, управлении, организации службы и обустройстве Войска Донского накладывали отпечаток на многие стороны жизни донского края, включая и культуру [Казачий Дон, 1995, ч. 1, с. 105]. Реформой 1863 г. были разделены функции военного и гражданского правительства Дона. Положение церкви и ее служителей на Дону и без того не лучшее в России, оказалось неопределенным по отношению к обеим ветвям власти. Просьбы архиереев о помощи, адресованные Областному войску Донского правлению, остались «гласом вопиющего в пустыне» [Римский, 1998, с. 284–285].

Очередная реформа Войска происходила на неблагоприятном фоне кризисных явлений в экономике, прогрессирующей инфляции, ведомственной разобщенности [Римский, 1999, с. 564–565]. Кроме того, ввиду несостоявшегося отвода духовенству земель из запасного войскового фонда, не ликвидированного различия донского духовенства по происхождению и ограничения его в правах [Римский, 1998, с. 287], обострились отношения духовной и военной властей на Дону.

Все это вытеснило из сферы внимания администрации деятельность учреждений образования и культуры. Именно в это «переходное» время оба профессиональных хора – Войсковой и Архиерейский – переживают, наверное, самые худшие времена.

Реальные причины упадка хоров в 70-х годах XIX века из документов неясны, завуалированы и объяснены весьма прозаично «настоящей дороговизной на все жизненные потребности». Войсковой хор местная власть поддержала от распада путем серьезных материальных вливаний; Архиерейский же хор не имел такого покровителя: Донская епархия обеднела и была не в состоянии его содержать⁸⁰. 80-е годы оказались настолько тяжелыми в материальном плане, что хор прекратил свое существование. Архиерейское служение в это

---

⁸⁰ Только через 30 лет, в 1895 г. было утверждено положение «Об отводе земельных участков приходским церквам, находящимся на владельческих землях Области войска Донского». И через два года после принятия оно вступило в силу на Дону [Римский 1998, с. 286–287].

время сопровождалось лишь братией архиерейского дома. Несколько лет хор не мог выбраться из создавшейся ситуации, когда певчие были вынуждены заниматься поиском других средств существования. Руководивший в этот момент регент В. А. Одноралов⁸¹, пытаясь исправить ситуацию, неоднократно докладывал в Консисторию, что «для поддержания его необходимо увеличить жалованье певчим» [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695, л. 1].

Обозначенные проблемы не могли быть решены одномоментно, и на протяжении нескольких лет велась переписка «о понуждении братии Новочеркасского кафедрального собора с старостою взнестъ [деньги] в управление архиерейского дома на содержание певчих Архиерейского хора» [Там же, л. 13]. Только 1 марта 1885 г. появляется сообщение в ДЕВ о «вновь составленном архиерейском певческом хоре под управлением В. А. Одноралова». Возрождению коллектива неожиданно помог его давний «партнер» по службам в соборе – Войсковой хор, который в апреле 1884 г. по приказанию начальника штаба ВД был освобожден от пения в храме. Кафедральный собор, оставленный без войсковых певчих, не имея своего хора, теперь соглашался доплачивать необходимую сумму на содержание архиерейских.

На основании многих свидетельств современников мы можем утверждать, что профессиональный уровень Донского Архиерейского хора не уступал в свои лучшие годы именитым столичным коллективам. «Стройное, гармоничное пение, несомненно прекрасно поставленного, хотя и не обладающего слишком большими голосовыми средствами хора, производило весьма приятное впечатление на слушателей» – такие характеристики давали придирчивые критики исполнению хора. История сохранила некоторые имена певцов – его выходцев, мастерство и талант которых завоевали Донскому Архиерейскому хору заслуженную славу и занесены в летопись русской вокальной школы, в их числе Алексей Григорьевич Борисенко⁸².

---

⁸¹ Преподаватель ДДС, регент хора Старочеркасского Ефремовского женского монастыря.

⁸² Артист оперы (лирико-драматический тенор), режиссер и педагог. Родился в 1868 г. в г. Новочеркасске. С 10 лет пел в Архиерейском, затем в любительском

Хор неустанно воспитывал вкусы жителей Дона, знакомил с новой церковной музыкой и пропагандировал лучшие образцы богослужебных распевок. По свидетельству современников «служба совершалась неспешно, так благоговейно, что присутствующие проникались молитвенным настроением. Редкое впечатление испытывали мы в храме и от совершения службы архиереями и от прекрасного, проникающего в душу пения Архиерейского хора. Мягкий, мелодичный бас солиста Власова чарует слушателя. „Взбранной Воеводе“ припев „Радуйся, Невесто неневестная“ хором исполнялся по Киевскому распеву, а первое также и в переложении о. Старорусского. Отрадно было слышать пение ирмосов канона „Отверзу уста моя“ по напеву, употребляемому во внутренних губерниях России, в переложении, как мы слышали, о. регента Архиерейского хора священника М. Ерхана. Нам лично хотелось бы выразить пожелание, чтобы этот напев не только сохранился и привился в Новочеркасске, но по возможности распространился по всей нашей епархии» [ДЕВ, 1901, № 9, с. 198].

По указу Св. Синода от 1853 г. при выполнении ряда условий, разрешалось проводить в городах духовные концерты. Самостоятельные концерты хора появились несколько позднее вышедшего указа, до тех пор прихожане наслаждались торжественным архиерейским служением в храме: «Особенно памятен будет мне концерт „Единою просих от господя, то взыщу“», петый в соборе, где с таким чувством пел первый тенор на архиерейском хоре» [Филонов, 1859, с. 12]. Хоровое пение в донском крае было одним из любимейших видов искусства, поэтому указ Синода стимулировал подготовку сольной духовной программы Архиерейского хора и заставил расширить репертуар Войсковой певческой капеллы, позволив коллективам попробовать себя в новом качестве.

Программы концертов, состоявшихся в это время, не известны. Вряд ли нарушался указ Св. Синода, запрещающий петь в духовных концертах «псалмы и молитвы, в православ-

---

хоре. С 1887 г. выступал в труппе М. Кропивницкого сначала хористом, затем солистом. Гастролировал в ее составе в Петербурге, Москве, провинции. В 1889 г. по рекомендации М. Балакирева и Римского-Корсакова был принят солистом в ПШК, одновременно брал уроки у профессора К. Брагина [Пружанский, 2000, с. 66].

ном богослужении употребляемые, а только других вероисповеданий, но и те отнюдь не в русском переводе» [Рахманова, 2000, с. 250]⁸³.

В Новочеркасске духовные концерты давали в Великом посту оба хора – Войсковой [ДОВ, 1874, № 20] и Архиерейский – в залах Дворянского или Военного (офицерского) собраний, Новочеркасской мужской гимназии. Непременным условием выступлений было согласование программ между военной и церковной властями и благословение архиерея. Концерты проводились под эгидой благотворительности, половина сбора перечислялась в различные общества, другая часть оставалась на поддержание хоров. Духовные программы обоих коллективов строились на основе одних и тех песнопений и сочинений, входивших в список разрешенных к употреблению монастырскими, кафедральными и другими хорами. Каждый хор имел собственный творческий почерк и соответственно, поклонников.

С 1880 г. происходит изменение государственной политики в отношении церковного пения, поощрявшее обращения к исконно русским традициям. Донские любители приветствовали такую перемену. Взгляды передовых людей того времени на духовную музыку и церковное искусство в целом совпадали. Так, член-корреспондент церковного попечительства г. Новочеркаска И. Голуб в аннотации одного из концертов размышляя о сочинениях М. Березовского, Д. Бортнянского, А. Веделя, С. Дегтярева, А. Львова, отмечает, что «манера письма и формы, в которых выразились их сочинения, всецело напоминают манеру и форму итальянцев-учителей». По его утверждению «всеми образованными музыкантами чувствовалось, что знаменный, греческий, киевский и другие церковные распевы искажаются при гармонизации их по теории итальянского мажора и минора, с хроматическими изменениями. Одни из композиторов изменяли мелодии при гармонизации до неузнаваемости; другие, более слабые, предпочитали сочинять свою музыку на церковные песнопения. Только гений „творца

---

⁸³ Известно, что на протяжении XIX века только Придворная певческая капелла «имела, хоть и неписанную, монополию на концертное исполнение православных песнопений – так же, как на их издание» [Рахманова, 2000, с. 245].

русской музыки“ М. И. Глинки указал путь, на который должны вступить отечественные композиторы при гармонизации церковных распевов». При этом он отмечает, что в произведениях Чайковского, Римского-Корсакова, Кастальского, Компанейского, Гречанинова «уже нет слепого подражания итальянцам. В их сочинениях слышится родное, чисто русское творчество, основанное на народно-русских началах» [ДЕВ, 1908, № 9, с. 250–252].

После манифеста 1905 г.⁸⁴ православная церковь ищет новые способы привлечения в свои ряды верующих, справедливо отводя русскому церковному пению в этом деле не последнюю роль. Выступления Архиерейского хора стали регулярными, программы более разнообразными; анонсы нередко сообщали любителям церковного пения о «совершенно новой, впервые исполняемой программе». При подготовке концертных программ разучивались сочинения, охватывающие значительный исторический период (от М. Березовского, Д. Бортнянского и А. Веделя до А. Кастальского и А. Гречанинова) и отражающие развитие стилевых направлений русской музыки. Благодаря этому, частые выступления хора не утомляли слушателей, неизменно требовавших «чтобы подобные концерты устраивались в Новочеркаске возможно чаще» [ДЕВ, 1908, № 9, с. 250].

Духовные концерты собирали многочисленную публику. Их большими поклонниками были в основном представители местной интеллигенции. Среди любителей пения встречались военные, учащиеся школ, гимназий и училищ, немало представителей духовенства и других сословий. Нередко одну программу приходилось давать несколько раз подряд, так как залы не вмещали всех желающих.

Хор не разочаровывал публику: отдельные номера исполнялись «на бис». Рецензии на многочисленные выступления зачастую отличались лишь в характеристике отдельных концертных номеров и солистов, сохраняя восторженную эмоциональную окраску: «Особенно хорошо было исполнено прекрасное в музыкальном отношении „Благослови, душе моя, Господа“ А. Диатоловича. Сильное впечатление произвел также концерт

---

⁸⁴ Указ «О свободе вероисповедания» опубликован 17 апреля 1905 г. [Римский, 1998, с. 265].

„Не отвержи мене во время старости“ М. Березовского, этого талантливого, прославленного даже за границей, но, к сожалению, мало оцененного в России композитора. Но полный эффект произвело „Ныне отпускаеши“ А. Кастальского с solo-баритоном. По настоящему желанию публики оно было повторено. Успеху этого песнопения, несомненно, содействовал звучный и мелодичный баритон солиста о. диакона Головаченко, который превосходно исполнял свою партию» [ДЕВ, 1908, № 11, с. 322].

Духовные концерты не только удовлетворяли эстетическое чувство любителей церковного пения. Хор видел целью просвещение и образование, составляя программы концертов по тематическому принципу, стараясь «дать слушателям в наиболее ярких чертах историческую иллюстрацию развития церковного пения партесного периода в работах отечественных духовных композиторов»⁸⁵ [Там же, с. 251].

На донской земле значительную часть населения составляли старообрядцы. Их привлечение в лоно официальной православной церкви было делом первостепенной важности с начала появления раскольников на Дону. Наряду с предпринимаемыми на уровне государства попытками их присоединения к православию (посредством единоверия), хоровое пение играло в этом деле не последнюю роль [Вальченко, 2004].

Торжественное освящение единоверческого храма в ст-це Маньчской Черкасского округа совершалось в праздник Казанской иконы Божьей матери. Управляющий Донской епархией Аксайский епископ Гермоген «вышел из храма на приготовленную для него под церковной оградой кафедру и там, на открытом воздухе, началось всенощное бдение по единоверческому чину». Певчие Архиерейского хора под управлением регента М. Ерхана исполняли песнопения «по синодальному обиходу, мотивы которого почти точь в точь согласны с единоверческими» [ДЕВ, 1911, № 25, с. 622]. Единоверцы неоднократно отмечали, что церковное пение привлекает их на сторону православной церкви: «Прислушаешься, бывало к пению и на душе станет светло, хорошо» [ДЕВ, 1903, № 14, с. 381].

⁸⁵ Современники называли концерт «историческим – по выбору песнопений» [ДЕВ, 1908, № 11, с. 250].

Распространившиеся в области с 1893 г. народные чтения, по сложившейся традиции сопровождалась игрой оркестра, граммофоном, и пением любительских хоров, что, как показывает анализ документов, усиливало интерес к ним посетителей. Первое встретившееся упоминание о пении на чтениях Архиерейского хора относится к 1911 г. Это не были в собственном смысле духовные концерты: хор в перерывах лишь разнообразил религиозно-нравственные чтения и духовные беседы. Лекции для интеллигенции носили благотворительный характер и проводились лично архиереем во время постов в залах Союза русского народа, Донской духовной семинарии, Новочеркасской гимназии, реального училища. В 1915–1916 гг., в связи с тем, что все указанные залы были отданы под лазареты, архиепископ просил войсковую администрацию «об уступке офицерского собрания» [Донской православный вестник, 1915, № 1, с. 2].

Посещение мероприятий было правилом хорошего тона для «достойнейших» жителей города: слушал чтения цвет новочеркасского общества во главе с атаманом и его супругой. Газеты отмечали удачный выбор лекторов и тем для чтения, и наряду с этим сообщали, что «прекрасное истинно художественное пение архиерейского хора вызывает у интеллигентной публики глубокий интерес к этим чтениям, доставляет слушателям... духовное наслаждение <...> усиливает впечатление от чтений» [ДЕВ, 1913, № 12–13, с. 395].

Программа хора состояла из «соответствующих теме чтений песнопений» [ДЕВ 1913, № 33, с. 1011]. Например, сопровождая беседу «Духовный образ разбойника, распятого с Иисусом Христом и его покаяние», Архиерейский хор пел «Кресту твоему поклоняемся, Владыко», «Разбойника благоразумного», «Днесь Владыка твари», «Был у Христа-младенца сад» (муз. П. И. Чайковского). Смена предмета беседы автоматически меняла программу хора, и в другой раз присутствующие во время вечера могли услышать «художественное исполнение нескольких духовных песнопений («Свете тихий» и «Хвалите Господа с небес» П. Чайковского, «Во Иордане реке мы от грехов отмылись» А. Серова) и назидательную весьма музыкальную кантату „Житейское море“» [ДЕВ, 1913,

№ 31, с. 929]; или «патриотические гимны» [ДЕВ, 1911, № 7, с. 143] и концерты «Не имамамы иныя помощи», «Днесь благодать Св. Духа нас собра»; А. Веделя «На реках Вавилонских» [Позднеев, 1997, с. 116].

Исполнение такого рода хоров соответствовало сложившимся к этому времени традициям, запрещающим «смешение светской и духовной музыки... в одном и том же концерте... с исключением лишь в пользу гимнов отечественного и иностранных держав, а также песнопений, имеющих своим содержанием прославление родины...» [Рахманова, 2000, с. 252].

Начало XX века ознаменовалось многими потрясениями в социально-политической жизни страны, а также первой мировой и гражданской войнами. В 1915–1916 гг. хор еще выполняет все профессиональные обязанности [ДЕВ, 1916, № 20, с. 288]. С 1917 г. он практически прекращает свою деятельность, что объясняется не только отсутствием средств к существованию, но и более вескими причинами. При возникновении слухов о приближении отрядов Красной армии многие служители церкви покинули Новочеркасск, а оставшиеся подверглись репрессиям [Римский, 1998, с. 289; Казачий Дон, 1995, ч. 1, с. 115].

Судьба Архиерейского хора была неразрывно связана с судьбой духовенства Донской епархии и фактически ее повторила. Окончательно установившаяся на Дону в 1920 году Советская власть рассматривала духовенство как контрреволюционный элемент, не нуждалась в отпращивании богослужений и предала забвению само понятие «церковное пение» на долгие годы.

Профессиональные коллективы, существовавшие на территории Войска Донского и в Приазовье, не только выполняли свои прикладные функции, но были одновременно пропагандистами хорового искусства и творчества русских композиторов, знакомя широкие массы донских обывателей с сочинениями классического и современного репертуара.

В пору отсутствия специальных образовательных учреждений они, кроме того, взяли на себя их обязанности. Так в Войсковой певческой капелле, формировавшейся из

способных, но необученных певцов разных возрастов, приобретались вокально-хоровые и музыкально-теоретические навыки и знания. За время существования Войсковые хоры певчих и музыкантов дали музыкальную подготовку огромному числу казаков. Многие выходцы из хоров, закончив службу, находили места в частных оркестрах и капеллах, становились регентами в станичных церквах, обучали пению детей в церковно-приходских школах и окружных училищах, получая за свой труд вознаграждение.

Спектр деятельности Архиерейского хора был намного уже. Последний служил своеобразным «факультетом повышения квалификации» *церковнослужителей*. Поскольку при приеме певчих в Архиерейский хор учитывалась музыкальная грамотность церковнослужителей, получивших образование в средних и высших учебных заведениях (в процессе работы певчие лишь совершенствовали свое мастерство), хор стремился к охвату храмов ОВД своими выдвиженцами, распространяя торжественное «благолепное» служение. Выходцы из этого коллектива чаще всего оставались на церковном поприще до конца жизни. Поступая в хор в низшей должности – пономаря и дьячка, после некоторого времени за личные заслуги певчий посвящался в сан священника и получал приход. Таким образом Донская духовная консистория не только поощряла певчих за успехи, но и увеличивали число музыкально образованных руководителей приходов, прошедших бесценную практику служения при архиерее. Именно они на новом месте заводили в первую очередь «правильный церковный хор» или совершенствовали уже существующий, стремясь к эталонному звучанию Архиерейского хора.

3. Хоровое искусство в панораме общественной жизни ОВД

3.1. Хоровое пение в образовательных учреждениях

Вхождение в начале XVIII века Войска Донского в Российскую империю повлекло за собой постепенное и неизбежное сближение многих сфер жизни, включая образование. Школьное образование в России развивалось под покровительством Православной церкви. В это время она еще не обладала на территории Войска разветвленной системой приходов, а приходские священно- и церковнослужители не были достаточно образованными, чтобы обеспечить потребности обучения. В XVII веке «случалось, дьячков и пономарей совсем не существовало при церквах, обходились священники какими-либо случайными знатоками церковного чтения и пения из своих прихожан» [ДЦС, 1916, с. 39].

В актах начала XVIII столетия встречаются упоминания о том, что «для учения божественных книг» казачьих и священнических, дьяконских и остальных детей, у донских казаков имеются школы. Вероятно они были немногочисленны, существовали в тесной связи с церковью и под ее непосредственным руководством. Это косвенно подтверждают документы Ведомства православного исповедания Российской империи. В 1725 г. Войско отправляет к крещеным калмыкам «священника с походной церковью, со всею к ней церковною утварью и книгами [причетника], а также 10 человек школьников для... приготовления их впоследствии к должности священников...» [ПСПР ВПИ РИ, 1876, т. 4, с. 30].

В 70-х г. XVIII века воронежский епископ Тихон предпринимает ряд мер к обучению донского духовенства, так как являвшиеся к нему из Черкаска и некоторых донских станиц для рукоположения в священно- и церковнослужители «бывали в чтении книг и пении весьма не умеющие» [Кириллов, 1904, с. 5–7].

Стремлением увеличить число образованных служителей церкви объясняется распоряжение святителя завести во всех городках Воронежской епархии «славянские школы и учителями в них ... избрать добрых и честных священни-

ков и диаконов, знающих божественное писание и сведущих в церковном пении... и брать в те школы детей с 8 до 15 лет» [Там же]. Однако казаки постоянно требовали для себя каких-либо уступок в любых законодательных инициативах.

Правительство (в 1746 г.) считало возможным ослабить «силу закона, обязательную для других мест России по необыкновенности донских казаков» [Кириллов, 1902, с. 29]. Поэтому и предписание воронежского епископа Тихона утратило силу по истечении всего двух лет.

Следующая за ним войсковая грамота «О мерах к обучению грамоте старшинских и казачьих детей», датированная 1785 г., была воспринята иначе: «Всем Войска Донского верховым станицам ... велеть, если кто из войсковых, полковых старшин и казаков... захочет детей своих научить письму... тому позволяется... в находящиеся по Дону монастыри, как то: Мигулинской, Кременской и Усть-Медведицкой детей отдавать.. или отдавать детей своих священникам, дьяконам и церковникам честного поведения... обитающим в каждой станице, с должною оплатою, а особливо известно Войску, что в Клецкой станице священник Александр Дмитриев держит школу и хорошо детей учит» [СОВДСК, 1905, с. 135].

Немедленно приняли к сведению распоряжение войсковой власти станицы Арженовская: «Могущие (состоятельные) казаки желают своих детей отдавать в школы в своей станице священникам и церковнослужителям»; Усть-Бузулукская: «В станице нашей взялись содержать школу и обучать детей старшинских и казачьих... церковники: дьячок Иван Емельянов и звонарь Герасим Попов», и ряд других¹.

Одним из первых учебных заведений «для подготовки будущих пастырей», исследователи называют Войсковую латинскую семинарию, которая, правда, просуществовала недолго, всего 10 лет – с 1747 по 1757 [Королев, 1999, с. 105]. Семинария содержалась на войсковые средства и пользовалась поддержкой властей. Несмотря на это, она не была восстановлена после

---

¹ Обучение у лиц духовного звания настолько прижилось, что спустя почти сто лет, в 1862 г., при наличии войсковых училищ и гимназий, казаки станицы Есауловской докладывали: «В сей станице... дети, по распоряжению начальства, обучаются у приходских священников».

пожара. Документы не информируют ни о существовании в ней уроков пения, ни об их отсутствии.

В 1767 г. на средства духовенства Черкасского и Усть-Медведицкого духовных правлений открылась вторая семинария – Черкасская духовная, где дети обучались чтению, церковному пению и письму. Образование в ней получали дети священно- и церковнослужителей, выходцы из казаков. Просуществовав в течение 12 лет, она также прекратила свою деятельность. Тем не менее, в формулярных списках служителей Черкасского и Усть-Медведицкого приказов нередко встречаются ее выпускники, продолжавшие обучение в Киевской духовной академии.

Прототипом «правильно организованных» церковно-приходских школ на Дону можно считать школу, «заведенную» в 1770 г. священником Троицкой церкви Аксайской станицы Василием Петровым «на пристойном месте поблизости к церкви», где он учил детей наряду с грамотой «чтению книг и пению церковному... и обученных в церкви петь и читать заставляя» [ДЕВ, 1905, № 5, с. 114–115].

Начало светского образования на Дону историки обычно связывают с открытием в 1790 г. в Черкасске Главного народного училища (будущей Войсковой гимназии). Однако, вполне вероятно, что светские учебные заведения появились несколько ранее. В. Н. Королев обратил внимание на то, что в журналах Войсковой канцелярии имеются упоминания об учителях уже в начале XVIII века [Королев, 1999, с. 106].

С конца XVIII века начинается рост числа учебных заведений. В течение трети века на Дону появляется 13 учебных заведений (из них восемь начальных и пять приходских училищ)², содержащихся на станичные средства [ТОВДСК, 1867, с. 119]. Наряду с ними, существовали «партикулярные» школы. По сведению А. А. Кириллова в 1804 г. только в Черкасске «11 церковников, 1 казак, 1 обер-офицерская жена, 7 казачьих жен, и 1 девица учили в своих домах детей, из них мужеского пола было 210, женского 49. Протоиерей Оридовский давал уроки во многих частных домах как отличный учитель» [ДЕВ,

---

² Наименования учебных заведений в документах приводятся в соответствии с их видами, предусмотренными Уставом МНП 1801 г.

1905, № 11, с. 237]. Сложилась традиция поощрения войсковой властью «успешных в науках и благонравии» малолетков, стимулирующие стремление к знаниям [Там же, с. 238].

Но о формировании системы народного образования в Войске Донском правомерно вести речь с XIX века. В это время здесь развивается сеть учебных заведений, имевших разное подчинение: войсковые гимназии, училища Министерства народного просвещения и духовные семинарии, училища и церковно-приходские школы.

Между этими учебными заведениями существовала огромная разница в отношении к ним казаков и в их материальном положении. Первые были окружены заботой Войскового правительства, и содержались на средства Войска; оно же регламентировало их деятельность. В них училась молодежь казачьего и дворянского сословий, а также дети чиновников. Вторые находились под покровительством станичных казачьих обществ и служили для образования детей всех сословий. Наконец, последние, являясь детищем духовенства, и содержались на церковные средства. В семинарии и духовных училищах учились дети казачьего, дворянского и духовного сословий, лишь церковно-приходские школы служили для образования проживающих на территории Войска крестьянских детей.

Особенности социальной организации, роль, которая отводилась казакам, как военному сословию, определяли своеобразие задач воспитания подрастающего поколения. Это нашло отражение в создании войсковых школ, стоящих особняком в учебном и материальном отношении от других учебных заведений Российской империи.

Вплоть до 1836 г. войсковая власть, известная независимостью и самостоятельностью, проводила собственную образовательную политику, находя министерские учебные программы, «обремененными ненужными для Войска науками». Со временем МНП пришлось скорректировать учебные планы в соответствии с особенностями казачьей территории. Вследствие этого директивы МНП, совпадающие с интересами Войска, внедрялись быстрее, чем где-либо в России. Средства на нововведения выделяла войсковая казна и многочисленные благотворители.

«Положение об управлении Войском Донским» 1835 года внесло ряд изменений в структуру образовательного процесса на Дону. Войсковые учебные заведения, по сравнению с другими школами России, ставились в особые условия: было усилено военное воспитание [Вальченко, 2002, с. 41]. Это нашло отражение не только в войсковых школах, но и министерских, и духовного ведомства, в которых ученики в обязательном порядке в течение всего времени обучения изучали историю Войска Донского [ДЕВ, 1886, № 18, с. 750] и занимались военной гимнастикой и военным строем [ДЕВ, 1911, № 4, с. 69].

Поддерживая традиции военной и физической подготовки казаков, войсковая власть не оставляла без внимания религиозно-нравственное и эстетическое воспитание подрастающего поколения. Об интересующих нас уроках церковного пения в этот период, несмотря на недостаток сведений, можно получить достаточно ясное представление. «Церковное пение» как предмет не было введено в расписание занятий министерских и военных училищ и гимназий. В «Предварительных правилах» устройства учебных заведений 1803 г. оговаривалось лишь, что признается желательным ежедневно в свободное время (с 12 до 13 часов) и по субботам обучать школьников «церковному пению по нотам», потому что «стройное духовное пение делает учащихся восприимчивее к истинам христианской религии» [СПМНП, 1864, т. 2, с. 176]. Такой подход ставил его преподавание в зависимость от желания и возможностей школьной администрации.

Немалая заслуга в качественном музыкальном и хоровом образовании воспитанников войсковых учебных заведений принадлежала войсковой власти и рядовым гражданам, обеспечивавшим учебный процесс и поддерживавшим все начинания преподавателей. История сохранила имена некоторых покровителей просвещения и искусств. Особо следует отметить почетного попечителя Войсковой гимназии Николая Степановича Ефремова, в 1858 г. выделившего 550 рублей серебром «на заведение [в гимназии] певческой капеллы» [Артинский, 1907, с. 170], и одним из первых обратившего внимание на необходимость эстетического воспитания гимназистов. В 1876 г. почетный попечитель Усть-Медведиц-

кого духовного училища пожертвовал 76 наименований книг и в качестве пособия «при уроках пения, гармонiuм³, стоимость пожертвования 300 руб.» [ДЕВ, 1876, № 13, с. 394].

Со времени одного из наиболее ранних свидетельств о выступлении гимназического хора в 1804 г. [СОВДСК, 1902, с. 167] и до середины XIX столетия, когда в отчетах донских школ и в прессе упоминания о выступлениях хоровых коллективов стали более частыми, – обучение пению претерпело существенные изменения.

Его влияние на развитие личности учащихся было признано настолько важным, что занятия, первоначально проводимые в свободные от учения часы, в середине XIX в. были внесены в сетку учебного расписания.

Преподавание пения строилось в школах названных типов по-разному, в соответствии с их учебными программами. В министерских и военных – пением занимались не менее двух раз в неделю, с дополнительными репетициями сводного хора. В духовных школах, училищах, семинариях занятия проводились ежедневно, а зачастую и несколько раз в день.

Обучение пению в учебных заведениях при заметных различиях имело много общего. Это общее заключалось в самой политике школьных реформ XIX века, признающей усиление религиозного воспитания во всех типах школ «первейшей необходимостью». Иначе говоря, Закон божий становился главным предметом. Преподаванием его могли заниматься только священнослужители. Изучение предмета начиналось с «пения» церковных молитв и песнопений «Царю небесный», «Достойно есть яко воистину», «Отче наш», «Спаси, господи, люди твоя», которыми ежедневно начинались и заканчивались занятия. Религиозный опыт детей, таким образом, был тесно связан с певческим образованием.

Практические навыки воспитанники всех без исключения школ и училищ получали, участвуя в чтении, и прислуживая в алтаре при совершении богослужения. Такая форма приобщения детей к церкви закреплялась указами Св. Синода, которые оговаривали и качество исполнения: «Пение должно быть стройное и некрикливое». Учителям пения вменя-

---

³ Гармонiuмом названа фисгармония.

лось в обязанность проходить во время уроков предстоящие церковные службы, «приучая [учащихся] петь по церковным гласам тропари, кондаки, стихирь, Богородичные догматики, и таким образом еженедельно знакомить их практически с содержанием и последованием как воскресных, так и праздничных служб» [Указ Св. Синода 1881 г.].

Заинтересованность учителей в хорошем преподавании церковного пения объяснялась практическими соображениями: научив в школе «стройному» исполнению молитв и духовных песен, привлечь учащихся к церковной службе в качестве певцов и «правильным благозвучным пением... содействовать благолепию общественного богослужения». Это особенно важно было для станичных церквей, многие из которых вообще не имели певчих. Обязанностью учеников всех школ являлось посещение храма во все воскресные, праздничные и «высокоторжественные» дни.

Школы разных ведомств – светская и церковная – существовали параллельно и при некоторых общих задачах имели разные цели. Первая предназначалась для обеспечения населения «необходимыми первоначальными полезными знаниями», а вторая, в первую очередь, стремилась воспитать детей «в духе православной церкви».

Согласно классификации духовных учебных заведений, принятой Св. Синодом, в Войске Донском к середине XIX века имелись духовно-образовательные учреждения трех «степеней» – школы и училища приходские, уездные и Донская духовная семинария.

Церковно-приходская школа в казачьих поселениях не пользовалась авторитетом. Известное выражение казаков «наша школа» относилось к войсковой или министерской, и характеризовало их отношение к церковно-приходской. Финансирование ЦППШ осуществлялось из частных пожертвований или выручки от исполнения церковных треб, продажи свечей и т. п. Эти учебные заведения создавались при церкви или на дому у ее служителей, реже в служебном помещении.

Своеобразным девизом для церковно-приходских школ являлось следующее обращение Правления Донской епархии: «В интересах воспитания детей в том направлении, кото-

рое называется „церковностью“, крайне необходимо не только вообще приучать их к участию в церковном богослужении, но и заставить полюбить это дело... пусть они даже среди детских игр и невинных увеселений находят преимущественное наслаждение в предметах и действиях, напоминающих св. церковь, ея обряды и чиноположения» [ДЕВ, 1888, № 3, с. 83]. Закон божий, бывший главным школьным предметом, предполагал не только изучение богослужения православной церкви, особенно божественной литургии, но и выработку у учеников привычки ко всякому делу приступать с молитвой.

В июне 1847 г. вышел указ императора, узаконивший практику обучения детей церковному пению в Донской епархии. В нем говорилось: «Предписать всем епархиальным преосвященным обязать священников, занимающихся обучением детей поселян в приходских школах, обучать их в свободное и удобное время церковному пению, с тем, чтобы могли они впоследствии петь на клиросах во время богослужений в праздничные дни, так как через сие доставится им способ ближе знакомиться с уставами церкви и утверждаться в приверженности к православной вере» [ГАРО, ф, 226, оп. 2, д. 3639, л. 1].

Церковное пение в учебном расписании церковно-приходских школ занимало второе место после Закона божия. Донская духовная консистория усилила требования императорского указа: «Члены причта той церкви, при которой есть церковная школа, имеющая учителя, неспособного преподавать церковное пение, [должны] обязательно обучать школьников церковному пению хотя бы „по наслышке“, и что за неумение школьников петь особенно употребительные церковные песнопения ответственность должна падать на священно- и церковнослужителей» [ДЕВ, 1895, № 6].

Конечным результатом учения было пение и чтение на богослужениях в церкви. Лучшие воспитанники принимали участие в самом богослужении, а одним из наказаний учащих был запрет на служение в церкви: «Шаловливые ученики, в частности в школах Черкасского и Таганрогского округов, были лишены очереди читать молитвы в школе ... и права на исполнение обязанностей чтеца и церковника при богослу-

жении в храме» [Отчет Донского епархиального училищного совета, 1896, с. 67].

Продолжая традиции духовного образования в крае, соборный протоиерей Яков Мерхалев в 1819 г. в г. Новочеркасске «заводит» специальную школу для детей донского духовенства – «заштатное приходское училище». На его базе в 1821 г. открываются уездное и приходское духовные училища, дававшие добротное общее образование. Благодаря хорошей репутации училищ в Войске Донском, их часто предпочитали другим учебным заведениям⁴.

Несмотря на то, что по штату 1820 г. не полагалось специального учителя пения и не существовало особых программ преподавания, с первого класса в духовных училищах «упражняли учеников в церковном и нотном пении» [ДЕВ, 1897, № 8–9, с. 216]. Одним из первых учителей «нотного пения» в открывшиеся уездное и приходское духовные училища был назначен священник Андрей Михайлович Юганов. В низшем отделении (1 классе) требовалось изучить восемь гласов, начало всенощного бдения, праздничные кондаки и тропари, а в высшем, наряду с повторением пройденного, «„Задостойные“ и другие стихи, и пение божественной литургии». Обучение велось по изданному Московской синодальной типографией «Обиходу нотного пения», который присылали из Воронежской духовной семинарии, а позднее из комиссии духовных училищ.

Интересно, что хотя в училище преподавалось только церковное пение, будущие священнослужители сами расширяли кругозор в области других искусств и ликвидировали пробелы в образовании «по вечерам играя под гитару срамные песни» [ДЕВ, 1898, № 8–9, с. 161]. Не уменьшило популярности «светских срамных песен», исполнявшихся в училищном дворе, даже наказание «трехдневным стоянием на коленях» на том месте, где они исполнялись [ДЕВ, 1898, № 10, с. 63].

В 1828 г. смотритель докладывал семинарскому правлению, что «сверх обыкновенных классических упражнений в церковном чтении и пении учеников духовных училищ, он нахо-

---

⁴ К 1829 г. в уездном училище Новочеркаска обучалось детей духовного сословия – 48, дворян – 10, казачьего – 6; в приходском – духовного – 24, дворянского – 20, казачьего – 15, и крестьянского – 2 [ДЕВ, 1897, № 4, с. 118].

дит полезным, чтобы ученики высшего отделения в воскресные, праздничные и высокаторжественные дни по очереди ходили в Вознесенский собор для практического упражнения в церковном уставе, чтении и пении под руководством испытанного в знании церковного круга причетника и под непосредственным его (смотрителя) надзором» [ДЕВ, 1897, № 10, с. 283].

Обязательный для всех учебных заведений духовного ведомства экзамен по церковному пению проводился в конце каждого учебного года, что свидетельствует о месте и роли предмета среди других. «Публичный» экзамен, проводящийся в конце года, являлся в то же время своеобразным отчетом по хорошему пению: училищный хор «пел концерты». Например, на испытаниях в 1824 г. исполнены были концерт «Царю небесный» и канты «Славьте, поздые потомки» и «Россия во славу облечена».

С заведением при архиерейской кафедре хора, училища стали главными поставщиками малолетних певчих в его состав. Нередко училищный хор замещал на службе в кафедральном Вознесенском соборе архиерейских певчих или пел совместно с ними на правом клиросе.

Ответственно подходили к преподаванию пения и в Усть-Медведицком духовном училище. Посетивший Усть-Медведицкую станицу в 1900 г. военный министр, проверяя познания учеников в пении, «с нескрываемым удовольствием и восхищением слушали мелодичное пение прекрасно поставленного училищного хора», исполняющего некоторые церковные песнопения и песни патриотического содержания. В отчете он отметил «прекрасное, стройное, воодушевленное исполнение учащимися гимна, ирмосов Пасхального канона и Донской песни, сложенной в период так называемой Крымской кампании – „Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон“» [ДЕВ, 1900, № 17, с. 401].

Объяснение исполнения учащимися такого репертуара содержится в рекомендации Донского епархиального училищного совета усилить военное образование в училищах и школах духовного ведомства. Они оснащались книгами военно-исторического содержания «как необходимого пособия

при подготовке учащейся молодежи к предстоящей военной службе», циркулярами и пособиями по обучению военному строю и гимнастике, уставами. Учителям пения церковно-приходских школ вменялось в обязанность изучение военно-патриотических песен; в качестве необходимого пособия выступал «Сборник военных песен для школ», а позднее (с 1911 г.) сборник «Песни донских казаков» А. М. Листопадова и С. Я. Арефина [ГАРО, ф. 353, оп. 1, д. 666, л. 1–203; Песни донских казаков, 1911]. В последнем были напечатаны 107 песен, «положенных на ноты – исторических, бытовых, веснянок». В обращении Войскового атамана указывалось, что «помимо сохранения старинной казачьей песни, заметно исчезающей, этот сборник песен донских казаков, постепенно распространяясь среди населения, в воинских частях и народных школах, может способствовать постепенному вытеснению поющих ныне, чуждых по духу казачьему населению песен, отличающихся по большей части отсутствием художественности и музыкальности». 1200 экземпляров в приказном порядке были распространены атаманам станиц и хуторов, директорам народных училищ, командирам строевых частей.

Двойной смысл имело торжество открытия в 1868 г. Донской духовной семинарии, назначенное не в церковный праздник, как это было принято, а приуроченное к военному торжеству (по случаю пожалования ВД грамоты о сокращении сроков службы и подтверждения всех прав и привилегий, дарованных ему государями).

Обучение в Донской духовной семинарии основывалось на уставе, едином для такого рода учебных заведений. Между тем, ее нахождение на войсковой территории было отмечено необычными для Российской империи формами поощрения учащихся к учебе и совершенно традиционными для Войска Донского. Например, окончившие семинарию воспитанники казачьего происхождения имели льготу воинской повинности, по которой они не призывались в течение некоторого времени на военную службу.

Через год после реформы духовно-учебных заведений (1884) в семинарии открылись классы музыки и церковного пения [ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 8482, л. 1, 5]. Уроки пения проводились

ежедневно по часу, а музыкой занимались три раза в неделю в послеобеденное время с 16 до 18 часов вечера [ДЕВ, 1909, № 36, с. 631].

Правление духовной семинарии строго следило за успехами учеников по церковному пению и чтению и «тех из учеников, которые будут замечены в лености и небрежном отношении к занятиям по означенным предметам, подвергать дисциплинарным взысканиям» [ДЕВ, 1888, № 3, с. 81].

К преподавателям пения в семинарии предъявлялись высокие требования: «Весьма желательно иметь учителем сего предмета человека, по крайней мере, со средним образованием, опытно знакомого с устройством хоров и методикой обучения пению» [ГАРО, ф, 352, оп. 1, д. 1083, л. 7]. Это определило и последующий выбор учителей для предмета: чаще всего образовывали семинаристов в пении регенты Архиерейского хора. Однако в истории Донской семинарии случались и характерные в целом для Войска Донского исключения. В 80-х годах руководили занятиями по пению и семинарским хором регент Войскового хора Н. А. Лебедев, и сменивший его в 1888 г. учитель Донского кадетского корпуса надворный советник Иван Жихор [ДЕВ, 1888, № 20, с. 839].

Докладная записка регента Н. А. Лебедева, адресованная Правлению, характеризует основные задачи преподавания предмета. К концу обучения воспитанники должны были «знать простое, принятое у нас церковное пение, так называемое „пение по наслышке“, чтобы каждую церковную песнь они могли пропеть именно тем напевом, которым она обычно поется». В дополнение к пению «наслышкою» учитель выдвигал требование знать «так называемую обиходную ноту, чтобы могли петь те же церковные песни, которые обыкновенно поются по церковному обиходу». По мнению Н. А. Лебедева, «достижение этого должно составлять главнейшую задачу учителя церковного пения в духовной семинарии».

Литературно-музыкальные вечера и концерты «светских пьес (отрывков из опер)», собрания, «имеющие вид публичности», спектакли, «хотя и развивающие и облагораживающие эстетический вкус воспитанников» были запрещены в духовных учебных заведениях Синодальным обер-прокуро-

ром указом от 17 апреля 1871 г. Поэтому выступления хоро-вых коллективов духовных училищ и семинарий ограничива-лись церковной службой и духовно-нравственными чтениями, проводимыми в зале семинарии: «Стройно, мелодично пропе-ли они, перед началом собрания „Царю небесный“ – унисоном, знаменного распева. Особенно сильное впечатление произве-ло пение „Единородный сыне“ – тоже старинного знаменного распева; гармонизовано Гречаниновым. В конце пропето было „Достойно есть“, положенное на ноты Калинниковым» [ДЕВ, 1910, № 30, с. 738]. Приведенная цитата позволяет сделать опре-деленные выводы и об идеале церковного пения, являвшем-ся ориентиром для преподавателей и слушателей: «Во время перерывов пел хор из воспитанников Семинарии. К чести их нужно заметить, что пели они во время публичных чтений стройно и с воодушевлением. Конечно, любителям громких концертов мелодичное пение церковных песнопений знамен-ного распева могло не понравиться; но по нашему мнению... если где, то в Семинарии-то уже непременно следует приу-чать не к вычурным, бьющим на эффект, напевам, а к строгой церковности и досточтимой старине» [ДЕВ, 1889, № 22, с. 1018]. В XX веке хор совместно с симфоническим оркестром семина-рии давал духовные концерты.

О женском школьном образовании в Войске Донском заго-ворили сравнительно поздно – только к середине века, хотя многие девочки получали домашнее воспитание⁵. В 1853 г. в Новочеркасске основан Мариинский Донской институт. По уставу женских учебных заведений для занятий музыкой «назначаются часы из учебного и рекреационного времени». В расписании учебных заведений 1-го разряда определены «музыка, пение церковное и общее», причем пению могли обучаться лишь те ученицы, «кои имеют грудь крепкого сложения; о чем предварительно требуется заключение врача заведения, а музыке обучаются все девицы без исключения, в особенности в низших классах, когда еще могут развиться способности к сему искусству». В учебных заведениях 2-го и 3-го разрядов преподавалось только церковное пение [Устав

---

⁵ Скорее исключением из правила можно назвать блестящее образование дочерей атаманов Орлова и Карпова [Королев, 1999, с. 109].

женских учебных заведений, ведомства учреждений императрицы Марии, 1855, с. 106].

Православное образование девушек осуществлялось в епархиальных женских училищах⁶ Новочеркасском (1889) и Усть-Медведицком (1908).

Для поступления во второй класс училища необходимо было, в числе прочего, знать ноты и спеть некоторые молитвы. Для третьего класса экзамен состоял из пения тропарей двенадцатых праздников и письменного экзамена по элементарной теории музыки (построение простейших мажорных и минорных гамм, понятие о такте и размере его). Кроме церковного пения велось обучение музыке, правда, не обязательное для всех учениц.

Середина века отмечена интенсивным ростом числа министерских и военных школ и училищ, еще более увеличившимся с принятием Положения о начальных народных училищах (1874). Оно совпало с постановлениями Военного совета об открытии приходских училищ в ОВД с разрешения войскового наказного атамана, что существенно упростило их учреждение в Войске. При этом оговаривалось, что две трети всего расхода, необходимого для обеспечения училищ, будет отнесено на войсковые суммы, а одна треть – «на суммы той станицы, в которой с согласия общества, будет открыто училище» [Настольная книга по народному образованию 1904, с. 2171].

Несмотря на то, что в министерских школах церковное пение, школьный хор также были необходимой составляющей учебного процесса, участие в церковной службе не являлось обязанностью. Случалось, что в 90-х годах в некоторых поселениях служба совершалась без певчих. Распоряжение Донской консистории 1893 г. требовало принять меры к «возможно большому привлечению учащихся [министерских школ]... к участию в церковном чтении и пении». При этом обращалось внимание на усиление преподавания в светских училищах церковного пения, а в случае неподготовленности учителей

---

⁶ Отличались от гимназий и институтов сокращенным курсом физико-математических наук и отсутствием в программах новых языков, алгебры и истории. Особое внимание уделялось изучению Закона божьего, истории церкви и церковному пению в связи с чем, ученики не могли продолжить образование в высших школах.

к преподаванию, «обязать учащихся участвовать в церковном пении под руководством членов церковного причта и наемных регентов». В случае отказа от пения в церкви учащихся учителя обязаны были доносить директору народных училищ [ДЕВ, 1896, № 4, с. 77–78].

В середине – второй половине XIX в. церковное пение было обязательным во всех светских и военных учебных заведениях уже наряду с музыкой. Первые музыкальные впечатления детей многих казачьих семей связаны с пением и военной музыкой: родственники нередко были военными полковыми музыкантами или певчими. В городах в семьях донской интеллигенции мать традиционно владела фортепиано, а отец играл на скрипке: «Известно, что в Новочеркасске почти в каждом доме и домишке непременно найдется какой-либо инструмент, на котором по слуху или по нотам разыгрывают разные разности» [ДОВ, 1889, № 1].

Домашнее музицирование было одним из главных развлечений, поэтому большинство детей приобщалось к музыке с самого раннего возраста. Большой популярностью пользовались семейные музыкальные вечера, на которые собирались по интересам. Вечера проходили в играх, танцах, игре в четыре руки, пении хором народных песен, романсов, оперных сцен [Новочеркасск и Платовская гимназия 1997, с. 85].

Войсковая гимназия давала хорошее общее музыкальное образование. Музыкальные интересы воспитанников распространялись не только на школьные занятия. Учащиеся проявляли инициативу в создании сводных межучилищных симфонических оркестров для исполнения монументальных произведений, проводили выездные концерты в станицы.

С конца XIX века развитие получает светское направление хорового искусства. В репертуаре гимназического хора появляются произведения русских и зарубежных композиторов, в том числе хоры из опер, обработки народных песен, а также сочинения преподавателей и самих учащихся⁷. Подобный репертуар требовал определенного мастерства. Достаточно сказать, что силами гимназического оркестра и хора в нача-

---

⁷ Так, в заключение одного из праздников 1836 г., ученики гимназии исполнили гимн, сочиненный преподавателем российской словесности Г. Мафоровым.

ле XX в. была поставлена опера Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Ученический симфонический оркестр войсковой гимназии осваивал некоторые симфонии Гайдна, оперные увертюры русских и зарубежных композиторов. Конечно, войсковая гимназия по всем показателям лидировала среди других учебных заведений, но в постановке хорового дела значительных высот добивались все без исключения светские и военные школы и училища. Это было следствием материальной поддержки школьных хоров и определялось серьезным подходом к выбору в качестве регентов высококвалифицированных профессионалов.

Профессор Императорского Харьковского университета П. П. Сокальский в 1865 г. в отчете после посещения Новочеркасской гимназии сообщал: «Если дело просвещения пойдет на Дону теми же шагами, как оно идет теперь, то нам вовсе не придется ждать много времени, когда составит общее убеждение, что с Доном трудно соперничать по просвещению какой бы то ни было полосе нашей империи» [ТОВДСК, 1867, с. 136].

Сеть военных школ стала интенсивно расширяться в середине века, когда некоторые окружные гимназии были преобразованы в военно-ремесленные училища (военные прогимназии) [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 2604, л.1; там же, д. 2978, л. 1]. К 1905 г. в войске действовало 11 школ; среди них: Новочеркасское юнкерское училище (1869), Донской кадетский корпус им. Александра III (1883), Приготовительный пансион ВД при Новочеркасской гимназии (1888) [Памятная книжка ОВД, 1905, с. 21]. Великий князь Константин Константинович, возглавлявший военное образование в России, шеф военных училищ и кадетских корпусов составил «правила для учащихся». Среди положений о поведении, офицерской чести, отношении к рядовым, любопытно следующее: «Нужно знать не только практические науки (математику, физику), но и русскую литературу, историю, географию, музыку» [Военная быль, 1956, № 34, с. 11].

Донской кадетский корпус⁸ им. Александра III находился в подчинении военного министерства. Программы военно-

---

⁸ Учрежден 15 февраля 1883 г. на 600 учеников. Корпус подчинялся на общих основаниях Военному министру и Главному управлению военно-учебных заведе-

учебных заведений состояли из трех разделов, делящих процесс обучения по значимости предметов «на руководствующие к познанию, на полезные и художественные» (в художественных значились музыка и пение).

Занятиям музыкой и пением воспитанников руководители Донского кадетского корпуса уделяли особое внимание. Так, генерал-лейтенант К. Н. Анчутин (1891–1903), сам большой любитель музыки, «признавал за нею важное воспитательное значение для развития эстетического чувства». Директор лично следил за успешностью занятий, часто посещал общие репетиции оркестров (симфонического и балалаечного) и хоров (церковного и светского). Два раза в год в корпусе проводились музыкально-литературные вечера, где кадеты выступали с разнообразной программой. Известны два учителя пения Донского кадетского корпуса⁹ – Иван Яковлевич Жихор (1883–1903) и Федор Иванович Попов – «выпускники» Войскового певческого хора (1903–1908). Полученные в хоре навыки и знания были блестяще реализованы ими в преподавательской деятельности.

Войсковые учебные заведения не ограничивали занятия детей только пением в хоре и игрой в оркестре. В кадетском корпусе существовал музыкальный кружок, а в войсковой гимназии по воскресеньям собирался музыкально-литературный, где юные любители впервые исполняли собственные сочинения, прежде чем вынести их на суд широкой публики: «Допустив на сцену литературные чтения, живые картины, пение и музыку, кружок привлечет... большее число участников... станет разнообразить свои представления... За одно можно ручаться смело: кружок людей, более или менее образованных, отдающихся делу сцены из любви к искусству, всегда внесет... больше изящного вкуса, чем любой антрепренер, работающий из-за куска хлеба. Развитие же вкуса дело, как известно, далеко не лишнее» [ДОВ, 1877, № 27].

ний. Находился в непосредственном ведении ВНА. В корпус принимались сыновья офицеров и чиновников, принадлежащих к казачьему сословию ВД, в том числе из других казачьих войск [Вечеслов, 1908].

⁹ Жалованье учителей составляло 75 руб. в год за каждую группу учащихся.

Наряду со школами, акцентирующими внимание на военной подготовке, существовали и иные учебные заведения. В программах реальных и технических училищ предмет «церковное пение» отсутствовал, но на уроках Закона божия «ученики изучают, кроме общих понятий о богослужении:

– Всенощное бдение – общие понятия о вечернем и утреннем богослужении... соединение сих богослужений во Всенощном бдении. Начало Всенощного бдения. Предначинательный псалом. Ектению. Пение 1-го псалма и избранных стихов из других псалмов. Пение стихир на „Господи воззвах“ и Богородична. Вечерний вход. Песнь „Свете тихий“. Пение прокимна. Паремии. Ектении после Вечернего входа ...

– Пение „Бог Господь“ и тропарей воскресных и праздничных Кафизмы. Полиелей. Антифоны. Чтение Евангелия. Канон. Ирмосы воскресные и важнейших праздников ...

– Божественную литургию – ... псалмы изобразительные и антифоны. Песнь „Единородный сыне“... Пение „Трисвятого“ ... и Херувимскую песнь.

Воспитанники заучивают наизусть, кроме обычных песнопений, все тропари и кондаки двенадцатых праздников» [Программы, 1910, с. 7–9].

В реальных училищах Дона было учтено замечание к преподаванию Закона божьего о «приучении детей к церковному пению» [ДЕВ, 1881, № 1, с. 11]. Поэтому неудивительна информация, что «поздние литургии в учебное время до 1902 г. пели два ученических хора: духовного училища, под управлением учителя пения Валентина Михайловича Левицкого, и реального; после того поет хор одного реального училища. К поздней литургии в Александро-Невскую церковь приходят, кроме учеников реального училища, коих в настоящее время свыше 500, учащиеся еще следующих заведений: прогимназии А. Д. Дувакиной (100), двух четырехклассных женских училищ (по 200 в каждом), Пушкинского женского училища (100) и Александро-Невской церковно-приходской школы (70)» [Петров, 1911, с. 20].

Донские реальные училища значительное место отводили предметам эстетического цикла. «Историческая записка о Нижне-Чирском имени павших за освобождение родного края

реальном училище» сообщает, что «большое внимание уделялось всегда музыке, пению и физическому развитию; ежегодно устраивались ученические спектакли, концерты и литературно-музыкальные вечера» [ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241, л. 93 об.].

Учебные хоры, вышедшие из школ, училищ и гимназий, постепенно заняли главенствующее положение в исполнительстве. Непременным условием учебного процесса являлось вовлечение учеников в концертную жизнь Области войска Донского. Деятельность хоров, конечно, была во многом обусловлена жизнью образовательных учреждений, при которых они состояли, а также войсковыми и государственными праздниками. Поэтому в их репертуаре был значительный набор стандартных произведений, без которых не обходилась ни одна «высокоторжественная дата». Среди них можно назвать «Коль славен наш господь в Сионе» Д. С. Бортнянского, «народный гимн» «Боже, царя храни» А. Ф. Львова, «Славься, славься, наш русский царь» и «В бурю, во грозу» М. И. Глинки, многолетия царствующему дому. Благодаря общему для торжеств репертуару, школьные хоры объединялись в одном празднике с профессиональными коллективами – Войсковым и Архиерейским – и составляли один сводный хор. Это не было достижением только ОВД, о таком участии школьных хоров других регионов России в праздниках сообщают исследователи [Казанцева, 1993].

Государственными циркулярами регламентировалась проведение всевозможных торжеств, что неукоснительно выполнялось. Их организация на Дону и в других губерниях России, по воспоминаниям, немногим отличалась от столицы.

Событиями в жизни города являлись торжественные мероприятия, связанные с началом учебного года и выпускными экзаменами в учебных заведениях, о которых информируют отчеты гимназического и училищного начальства. Учащиеся школ готовились к военно-историческим датам, юбилеям русских писателей и композиторов. Программы праздников включали выступления оркестра, хора, чтецов и демонстрацию учениками старших классов успехов в фехтовании. Свое мастерство хористы демонстрировали и на музыкально-литературных вечерах, проводившихся несколько раз в году.

Нередки были совместные концерты ученических и профессиональных хоров и оркестров, сборы от которых перечислялись благотворительным организациям.

Концерты хоров Войсковой гимназии, Донского кадетского корпуса (церковного и светского), Донского Мариинского института и даже Александровского реального училища высоко оценивались проверяющими, регулярно инспектировавшими учебные заведения, почетными гостями и критиками донских газет. «Пение и музыка, рояли и оркестр, и хор свежих молодых голосов улаждали слух посетителей акта... Посетитель мог подумать, что он попал на концерт... или на пробу учащихся консерватории. Многие несомненно талантливы» [ДОВ, 1877, № 46]. Такая похвала не была завышенной, газеты старались достаточно объективно рецензировать выступления любительских хоров. Свидетельство тому и менее восторженные отзывы на концерты, например, «довольно сносно», «оставляет желать кое-чего», «хор хотя и немногочислен, но совершенно удовлетворителен для провинциального города», и даже такие: «Хор для табора самый подходящий, но для городской публики он не годится» (правда, с оговоркой, что указывают на недостатки в надежде на их исправление) [ДОВ, 1877, № 55].

Школьные хоры наряду с расширением музыкального кружозора учащихся, стали и хранителями песенной традиции донских казаков. Классические произведения не вытеснили столь любимых учениками казачьих песен. Выпускники гимназии вспоминали, что в старших классах их разучивали на уроках пения и в хоре [Новочеркасск и Платовская гимназия, 1997, с. 153].

В станичных училищах и школах концертно-музыкальная жизнь была менее интенсивной, чем в столице Войска Донского. Из документов явствует, что уроки пения проводились регулярно, а преподаватели имели соответствующее образование и относились к своему делу серьезно и ответственно.

Хоровое дело с начала XIX века развивалось столь успешно, что достигло высокого уровня уже к середине столетия. Показателем качества музыкального и певческого образования на Дону могут быть свидетельства поступления войсковых

стипендиатов в Петербургскую и Московскую консерватории уже в первые годы их деятельности. К началу XX века Новочеркасск был не только административной, духовной и образовательной столицей края: он являлся музыкальным центром Области войска Донского. Учебные заведения города имели нередко и церковный, и светский хор (Войсковая гимназия, Кадетский корпус, реальное училище); симфонические (Войсковая гимназия, Кадетский корпус, Донская духовная семинария), духовые и балалаечные оркестры (Кадетский корпус, Юнкерское училище), струнные ансамбли (в каждом учебном заведении).

Изменение социально-политической ситуации в начале XX века повлияло на школьное образование. Среди учащихся школ становятся популярными революционные песни, церковная служба становится «тяжелой повинностью». События 1905 г. по-разному отозвались на учебных заведениях Новочеркасска. Во многих из них были организованы забастовочные комитеты учащихся, выдвигающие различные требования правлениям школ, училищ, гимназий. Вследствие начавшихся забастовок в учебных заведениях 15–16 октября были отменены не только занятия, но даже и службы в городских церквях. После получения высочайшего Манифеста от 17 октября в Новочеркасске состоялась политическая демонстрация «с красными флагами и пением революционных песен: в этих манифестациях многие воспитанники семинарии, тогда уже забастовавшие, совершенно открыто принимали деятельное участие и пели „Дубинушку“».

Показательно, что наиболее действенным средством достижения своих требований школьные забастовочные комитеты признали отказ церковного хора совершать службу. Наиболее серьезным происшествием такого рода следует признать бойкот храма воспитанниками семинарии. Когда регенту хора, ученику 4 класса инспектор предложил подготовить певчих к церковной службе, то он, «посоветовавшись предварительно со своим забастовочным начальством, отказался исполнить требуемое, с заявлением, что ученики оскорблены отменой церковной службы 15–16 октября и впредь решили не бывать в семинарском храме». В срочном порядке был организован «особый хор» из воспитанников духовного училища [ДЕВ, 1906,

№ 1, с. 23]. Не справляясь с ситуацией, правление Донской духовной семинарии сочло необходимым ее вообще закрыть на время, а всех воспитанников уволить.

Однако участие школьников в политической жизни не ограничивалось выступлениями антиправительственного характера и пением революционных песен. Во время первой мировой войны школьные хоры совершали богослужения для раненых в госпиталях, а также устраивали праздники и религиозно-нравственные чтения для утешения больных [ДЭВ, 1915, № 10, с. 134].

Классные журналы школ и училищ за 1918 г. свидетельствуют о разрушении отлаженной системы образования. Расписание занятий в эти годы менялось фактически каждую неделю. Многие школы отказались от найма преподавателей пения, из-за отсутствия средств на их содержание. Нередко учителя и сами учащиеся покидали учебные заведения в связи с призывом на службу или по случаю вступления в ряды Добровольческой армии. В документах, датированных январем 1918 г., часты сообщения о нанесении материального ущерба учебным заведениям городов, станиц и хуторов ОВД: были разбиты музыкальные инструменты, разграблены библиотеки [ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241, л. 93 об.].

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод о том, что школьное образование в Области войска Донского соответствовало новейшим тенденциям своего времени, основывалось на достижениях российского просвещения. В то же время, вся идеология и содержание образования, набор дисциплин отвечали специфическим задачам сословного воспитания. Здесь хорошим подспорьем служили традиции военной общины. Разумеется, в условиях войсковой школы они выступали в ином качестве, приобретали другие формы, черты местного своеобразия. Природная гордость донских казаков заставляла их быть лучшими и в войне, и в науках.

Войсковая власть, материально поддерживая учебные заведения, предъявляла высокие требования к выпускникам школ, которые всегда выполнялись. К окончанию учебного заведения из стен училища или гимназии выходил разносторонне обра-

зованный человек, освоивший игру на одном или нескольких музыкальных инструментах, знающий нотную грамоту, имеющий навыки пения в хоре или игры в оркестре, обучившийся ораторскому искусству, и, во всяком случае, составивший достаточно полное представление о музыке, пении, танцах и театре. Многие ученики могли руководить хором любителей, так как во время учебы подменяли отсутствующих регентов на репетициях и концертах.

К началу XX века Новочеркасск был не только административной, духовной и образовательной столицей края: он являлся музыкальным центром Области войска Донского. Как было показано ряд учебных заведений города имел церковный и светский хоры, симфонические, духовые и балалаечные оркестры, струнные ансамбли. Хорошая практика и мастерство в игре на инструментах и пении многим выпускникам войсковых школ дали впоследствии в эмиграции средства к существованию.

3.2. Пение как учебная дисциплина

Администрация Войска контролировала многие сферы церковной жизни, но в музыкально-певческом образовании в начале XIX века ведущая роль принадлежала церкви. К этому времени еще не сложился штат светских преподавателей, поэтому даже в министерские и войсковые школы на должность учителя пения приглашались священно- и церковнослужители. Такая практика закреплялась нормативными актами: при каждом училище «должен быть законоучитель или в соседстве священник... весьма бы полезно было, если б приходские священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей» [СОВДСК, 1905, с. 138].

Даже беглый взгляд на формулярные списки позволяет сделать вывод, что обучение пению поручалось «порядочным самоучкам». В документах отмечены священники Троицко-Харцизской церкви Таганрогского округа (1805) Иаков Чернов «в школах не обучался, к чтению и пению способен»; Даниил Сербинов, из казачьих детей Войска Донского, определен в 1805 г. дьячком самим атаманом Платовым, а с 1815 г.

произведен в священники, «в школах не обучался, в чтении и пении исправен»; священник Александр-Невской церкви г. Новочеркаска (1822) Семен Кременецкий... в чтении и пении простым и партесном довольно знающ»; священник Преполовенской церкви станицы Гниловской (1832) Алексей Десятников «определен наставником нотного пения по благочинию протоиерея Василия Куфаева» [ДЦС, 1909, с. 76].

С 1830 г. требования архиереев Донской епархии к церковному клиру увеличиваются. Священниками становятся питомцы духовных семинарий, училищ и даже академий [ДЦС, 1909, с. 211], которых в Войске Донском находилось «довольно» [ГАРО, ф. 226, оп. 2, д. 3756, л. 17]. Они преимущественно и назначались учителями, в том числе церковного пения. Словесный портрет донского священника – разносторонне образованный, скромный, эрудированный, нередко «талантливый скрипач и знаток музыкальной теории», позволяет представить облик учителя-священнослужителя [ДЕВ, 1886, № 14, с. 577] (см. Приложение 2).

Эпоха Николая I заметно ограничила влияние духовенства на образование [Смолич, 1997, с. 100]. Министерство народного просвещения Уставом 1828 г. утвердило высокие критерии отбора учителей для гимназий, уездных и приходских училищ: «Объем испытания на должность уездного учителя есть самый большой... Отступление от сего правила только в случае совершенной неуспешности приискания на сем основании желающих занять открывшиеся вакансии» [СПМНП, 1864, т. 2, с. 612]. Будущих учителей предполагалось экзаменовывать в игре на инструменте и пении. Профессионализация учебного процесса привела к тому, что не каждый священник мог стать учителем в школе, а на первый план выдвигались светские учителя. Снять зависимость войсковых учебных заведений от Донской епархии в отношении преподавания пения помогла, главным образом, Войсковая капелла.

Среди первых музыкально-образовательных учреждений Войска Донского можно назвать базирующиеся в Новочеркасске хоры Войсковых и Архиерейских певчих, школы Войсковых и Атаманских музыкантов [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1909, л. 13]. Число их выходцев, получивших профессиональное музыкаль-

ное образование, неуклонно росло. Именно они стали первыми кандидатами на занятие учительских вакансий. Если в первые десятилетия XIX века светская школа начинала деятельность при участии учителя священнослужителя, то последние годы столетия в церковной школе уже значителен был процент светских учителей [ДЕВ, 1893, № 9, с. 15]. Наблюдатели указывали, что в течение 90-х гг. XIX в. учителями в церковно-приходских школах по большей части были «казацьи выростки» и лица разного звания [ДЕВ, 1910, № 8, с. 227].

Благодаря названным учреждениям уже к середине XIX века на Дону сформировался штат квалифицированных светских преподавателей, сменивших служителей церкви в войсковых, министерских, а нередко и духовных учебных заведениях, оставив на их попечении лишь воспитанников духовных школ.

В Положении Министерства народного просвещения об учителях пения сказано: «Учители искусств не считаются в государственной службе, но доколе остаются в должностях, пользуются преимуществами классных чиновников. Учители музыки состоят в 10-м классе, учителя пения – в 12-м классе». Плата учителям производилась из общих сумм учебных заведений, реже из средств родителей. Требования к профессиональным умениям определялись так: «Предметы сии такого рода, что испытания в них трудно подвести под какие-либо правила» [СП МНП, 1864, т. 2, с. 616], поэтому учителя музыки и пения назначались без предъявления специальных дипломов, «но по надлежащем в способности каждого удостоверении со стороны местного начальства» [Устав женских учебных заведений, 1855, с. 56].

Благодаря воспоминаниям выпускников учебных заведений, отчетам различных комиссий можно охарактеризовать профессиональные качества учителя пения того времени. Цель этих тружеников на поприще искусства состояла не столько в создании «правильно составленного» школьного хора, сколько в выявлении и развитии талантов в каждом учащемся. Воспитывая учеников на русском и зарубежном классическом репертуаре, регенты прививали вкус и любовь к хоровому пению, воспитывали патриотические чувства, давали детям музыкальную подготовку [Адищев, 2000, с. 35–42].

Светская школа, пользовавшаяся в начале века услугами учителей-священников, к 1890-м годам далеко опередила в кадровом и материальном положении церковную, возрождение которой началось лишь в 1884 г. с высочайше утвержденными Правилами о церковно-приходских школах¹⁰. Этими причинами можно, видимо, объяснить ситуацию, когда даже в средних духовно-учебных заведениях области церковное пение время от времени преподавали светские учителя: П. А. Степанов, Н. А. Лебедев, И. Я. Жихор, Н. В. Сорокин.

В объяснение причин, по которым церковное пение изучали не во всех школах, в отчете за 1884–1885 учебный год отмечалось «что не все учителя знают этот предмет и способны его преподавать» [ДЕВ, 1885, № 13, с. 523]. В школах, где законоучитель или учитель любили церковное пение, «последнее преподается особенно усердно, и ученики стройным хором поют на клиресе». Высоких результатов добились священники Николай Ястребов из Миллеровской ЦПШ и Иоанн Нечитайлов, создавшие из учеников школ «организованный правильный хор певчих, который по Обиходу, изданному Императорскою певческою капеллою, прекрасно поет и утреню и обедню и этим привлекает в церковь массы молящихся».

Отсутствие специальных учителей пения было предметом постоянной заботы епархиальной власти. Несмотря на совершенствование его преподавания во всех школах, Съезд наблюдателей церковно-приходских школ Донской епархии ежегодно констатировал, что постановка церковного пения требует улучшения и расширения. В качестве решения проблемы рекомендовалось привлекать к преподаванию пения в церковно-приходских школах диаконов, псаломщиков, регентов общественных хоров и других лиц, знакомых с церковным пением «с вознаграждением их из местных средств в размере хотя бы от 30 до 60 руб. в год. Такое же вознаграждение давать

---

¹⁰ Ко времени выхода Правил в Донской епархии существовало 9 школ этого типа, а уже к концу года их число достигло 36. Открытие школ в слободах и поселках с крестьянским населением, объяснялось тем, что «в станицах и хуторах церковно-приходских школ было открыто меньше, так как в них уже существуют школы гражданского ведомства» [ДЕВ, 1885, № 13, с. 524]. Из отчетов благочинных следовало, что из 382 приходов епархии только в 92 не было никаких образовательных заведений.

и учителям, преподающим этот предмет» [ДЕВ, 1915, № 10, с. 124]. Показательно, что внимание к нуждам регентов епархии обращено ранее, чем об этом заговорил Всероссийский съезд хороших деятелей, прошедший в 1909 г. [ДЕВ, 1909, № 20, с. 572].

Публикуемые ежегодно Отчеты о состоянии училищ позволяют составить представление об их кадровом составе. В середине XIX века нередко церковное пение преподавал светский учитель, а не священник, как это было ранее. Так, в Новочеркасском епархиальном женском училище занимался с воспитанницами регент войскового хора Павел Акимович Степанов. Его многолетняя педагогическая деятельность в этом качестве в женском Мариинском институте и женском Епархиальном училище была отмечена государственными наградами (орденом Св. Станислава 3 степени, Св. Анны 3 степени, серебряной медалью в память царствования Императора Александра III, вензельным знаком в память 100-летия Ведомства учреждений императрицы Марии) [ДЕВ, 1905, № 29, с. 22].

«Прекрасное пение училищного хора под управлением учителя П. А. Степанова и искусное выполнение пьес воспитанницами произвели на всех присутствующих глубокое впечатление и всеми вынесено отрадное чувство», – одна из многочисленных восторженных оценок хора [ДЕВ, 1900, № 9, с. 11]. Такие результаты достигались «вследствие усиленных занятий по пению». П. А. Степанов был достаточно строгим учителем. Из ведомостей видно, что средний балл (среди 7–10 предметов в каждом классе) по пению был самый низкий, и в редкие годы достигал «четверки». При этом сообщается, что «все положенное по пению легко усваивалось». Полуторачасовой урок вмещал изучение церковного богослужения, духовных и некоторых светских произведений, «русских и малороссийских национальных» песен. Домашние задания по пению ученицы тщательно готовили, для чего были введены вечерние занятия под руководством помощницы учителя – лучшей выпускницы училища. Воспитанницы трех старших классов, за исключением «не имеющих голосов», пели при богослужении. Сводный хор воспитанниц достигал нередко 120–150 человек. Из наиболее крупных произведений, встретившихся в отчетах, можно назвать прекрасное исполнение в 1910 г. на

религиозно-нравственных чтениях «наиболее трогательных мест из поэмы „Иоанн Дамаскин“» [ДЕВ, 1910, № 5, с. 139].

Оплата труда учителя пения была низкой (наряду с учителями рисования и чистописания), осуществлялась из средств училища и составляла 35 руб. за урок и 120 руб. за управление хором [ДЕВ, 1897, № 2, с. 59]. Ни один урок пения не пропал. Замещали учителя в его отсутствие наиболее способные ученицы Надежда Фесенкова, Надежда Туркина, Елена Яковлева и Мария Желтоножкина. Они же преподавали в училище музыку.

Принятое в мае 1874 г. Положение о начальных народных училищах, наряду со многими изменениями и дополнениями предыдущих Правил, внесло ясность и в обучение пению. Если до сих пор не существовало специальных документов, регламентирующих образовательный процесс, то теперь школы получили программное обеспечение предмета. В предисловии к проекту программы говорилось: «Пение, и в особенности пение церковное, должно занимать высокое место в народной школе, могущественно содействуя религиозному, нравственному и эстетическому развитию детей, пение... служит громкою и привлекательною вывескою школы» [ДЕВ, 1887, № 1, с. 26].

Помимо религиозно-нравственного воспитания учителя «пения» решали эстетические задачи. В школах было введено светское пение (вокал), которому в гармоничном развитии учащихся отводилась одна из ведущих ролей. Основная мысль программы заключалась в следующих положениях: «Всем нужно учиться пению для церкви, всем нужно петь в церкви» и «петь нужно для блага собственного, для блага людей».

Методика изучения простейших молитв по слуху уходила в прошлое. Церковное пение, на ранних этапах бывшее предметом религиозно-нравственным, вошло в круг общего религиозно-эстетического воспитания, наряду с музыкой и светским пением. На уроках предметов эстетического цикла предполагалось изучение элементарной теории музыки, сольфеджио, основ регентского дела. Подробно рассматривались вопросы певческой установки, дыхания, вокальной работы с солистами и хором. Репертуар, ранее включавший в основном церковные песнопения, значительно расширился народ-

ными песнями, хоровыми произведениями русских и зарубежных композиторов.

Формирование репертуара определялось учебными программами, уровнем мастерства ученического хора, хоровой школой и личными вкусами регента. В школах, училищах и институтах Новочеркаска преподавали регенты Войскового и Архиерейского хоров, чаще всего прошедшие школу в Придворной певческой капелле, позднее в Училище церковного пения. В связи с этим репертуар хоров учебных заведений войсковой столицы имел лишь незначительные расхождения в силу специфики каждого учебного заведения. Так, церковные хоры Войсковой гимназии, учительской семинарии, реального училища, Донского Мариинского института, кадетского корпуса, Донской духовной семинарии исполняли произведения Д. Бортнянского («Херувимские» № 1, 3, 6, 7; «Отче наш», «Тебе бога хвалим», «Да исправится молитва моя», «Ангел вопияше», «Светися», «Достойно есть»); М. Виноградова («Милость мира», «Тебе поем», «Хвалите имя господне», М. Георгиевского («Хвали душе моя господа»), С. Дегтярева («Свете тихий»), А. Львова («Достойно есть» № 3, «Ныне отпускаеши», «Хвалите имя господне», «Воскресные ирмосы 7 гласа»), Г. Ломакина («Тебе поем» фа-мажор), П. Потудова «Литургию Св. Иоанна Златоуста. Всенощное бдение, Четырнадцатую и Панихиду древне-киевского распева), Д. Соловьева («Разбойника благоразумного» – знаменного и киевского распева) и др. В учебных заведениях исполнение смешанных партитур было не всегда возможным, поэтому пелись чаще всего двух и трехголосные переложения. Среди рекомендаций к исполнению произведений однородным хором есть следующие: «Трехголосные изложения в однородном хоре должны быть исполняемы таким образом: первая партия – дискант или тенор, вторая – тоже, третья – альт или бас; в смешанном же хоре: все три партии могут быть удвоены соответствующими голосами (дискант тенорами и альты – басом); первую партию может петь дискант, вторую альт, третью бас; две первые партии (дискант и альт) могут быть удвоены тенорами, а бас поет третью партию... песнопения при исполнении детскими голосами, смотря по надобности, могут быть подни-

маемы на тон или полтора тона выше» [Церковно-певческий сборник, 2002, с. IX].

С введением светского пения и музыки в расписание занятий, расширился музыкальный кругозор учащихся. В их исполнении звучат инструментальные, хоровые и сольные произведения. Программы музыкально-литературных вечеров позволяют выявить наиболее популярных в донских школах зарубежных композиторов, среди которых И. Бах, Л. Бетховен, Ж. Бизе, К. Вебер, Дж. Мейербер, Ф. Мендельсон, С. Монюшко, В. Моцарт, Ф. Шопен Р. Шуман. Конечно, предпочтение отдавалось русской музыке. Произведения М. Глинки, А. Бородина, М. Балакирева, С. Василенко, А. Верстовского, П. Воротникова, А. Гречанинова, А. Даргомыжского, А. Лядова, М. Мусоргского, Э. Направника, Н. Римского-Корсакова, А. Рубинштейна, А. Серова, П. Чайковского, Н. Черепнина составляли основную часть репертуара хоров.

В конце XIX века для работы над значительными хоровыми произведениями, сценами из опер объединяются хоры и оркестры нескольких учебных заведений, например Войсковой гимназии и Мариинского донского института.

Для достойной постановки хорового дела в школу должны были прийти высококвалифицированные преподаватели. К концу XIX века в ОВД было немало получивших специальное образование в столичных консерваториях, Синодальном училище и Придворной певческой капелле. К примеру, Ф. И. Попов, около 20 лет посвятивший преподаванию пения в учебных заведениях Новочеркасска, имел диплом Придворной певческой капеллы, где учился у М. А. Балакирева. По воспоминаниям учеников, Ф. И. Попов дал хорошую профессиональную начальную подготовку многим гимназистам, кадетам, ученикам реального училища. В отчете о преподавании пения в Донском кадетском корпусе, он писал: «Я стремился к тому, чтобы поставить дело преподавания как церковного, так и светского пения на путь правильного развития художественных вкусов школьной молодежи». Преподаватель во главу угла ставил православные песнопения, русские народные песни, «притом только те из них, которые несомненно народного происхождения», сочинения

«гениальных церковных и светских композиторов как русских, так и иностранных» [Адищев, 2000, с. 89].

Многие учителя пения прошли серьезную хоровую школу в Войсковом и Архиерейском хорах. Среди них – регенты Войскового хора – коллежский регистратор урядник И. К. Жидков, работавший учителем церковного пения в Мариинском Донском институте и Мариинской женской гимназии, Донской духовной и Новочеркасской учительской семинариях. Позднее в женской гимназии также работали регенты Войскового хора – Л. И. Леонов; Н. А. Лебедев и П. А. Степанов, преподававшие церковное пение в Донской духовной семинарии и Донском епархиальном женском училище. Позднее учителем церковного пения в Духовной семинарии был В. П. Васильев, «окончивший курс Московского Синодального училища церковного пения» [Памятная книжка ОВД, 1904, с. 277].

Вокал и скрипку в войсковых учебных заведениях Новочеркаска преподавал Ф. А. Стаджи – выпускник Флорентийской академии музыки, выступавший в итальянской опере, как певец-тенор (см. Приложение 2).

Безусловно, учителя пения такого класса в силу ряда причин не были доступны огромному числу церковно-приходских школ ОВД конца XIX – начала XX века. Чаще всего, обучением пению занимались талантливые любители из прихожан или закончившие учительские классы при двухклассных церковно-приходских школах.

В числе мер, направленных на улучшение преподавания было открытие *курсов церковного пения*¹¹, проходивших ежегодно в течение полутора месяцев во время летних каникул. На них собиралось от 50 до 150 слушателей из числа учителей ЦППШ и школ грамоты, а преподавание поручалось лучшим регентам ОВД.

Преимущественное внимание и большая часть времени на курсах уделялось изучению церковного пения и музыки.

---

¹¹ Курсы церковного пения для учителей и учительниц народных училищ были учреждены и впервые состоялись в Киеве в сентябре 1886 г. Правила и программа Киевских курсов были напечатаны к сведению для всех епархий [ДЕВ, 1887, № 7, с. 232–233].

В зависимости от контингента участников, и на основании предварительных прослушиваний, составлялись группы, и распределялось количество часов по предметам. Из 29 уроков по 8 отводилось общей теории пения, 8 – обиходному и 5– хоровому пению. Традиция использования скрипки в изучении пения продолжала существовать, поэтому «чтобы предоставить слушателям курсов возможность положить прочное основание знакомству с этим инструментом», 8 уроков слушатели занимались скрипичной игрой.

Преподавание велось по высочайше утвержденной программе. По воскресеньям и праздникам курсисты в составе двух хоров пели всенощные и литургии в ближайших храмах. Курсы нередко проводились одновременно в нескольких округах на базе образцовых церковно-приходских школ, при которых ежедневно в присутствии всех слушателей давали показательные уроки пения. Особо запоминающимися были занятия учителей в столичном Новочеркаске.

Занятия со слушателями осуществлялись в два этапа – с 11 до 13 часов, затем с 17 до 19 часов 30 минут. Устраивались и общие репетиции перед богослужением. Практические навыки дополнялись сведениями об устройстве и управлении хорами, видах партитур, задавании тона, репертуаре (выбор песнопений и исполнение их в церкви), и «регентских приемах» [ДЕВ, 1900, № 31, с. 744]. Использовались в уроках Обиход Потудова и Бахметева. Осваивались гимны св. Владимиру и св. Кириллу и Мефодию, «Боже, царя храни» и «Коль славен наш господь в Сионе».

Окончание курсов предварял открытый экзамен (исполнение гамм, священных песнопений, теоретические вопросы), итогом которого было получение удостоверения на право «обучения церковному пению в начальной школе и управления церковным хором в младшей группе» [ДЕВ, 1900, № 35, с. 819–820].

Новочеркаск одним из первых подхватил идею создания летних *регентских курсов*. В 1890 г., через три года после их открытия в Киеве, был приглашен в город руководителем курсов учитель Пензенского городского училища, автор «весьма хороших руководств по пению для учеников и учителей

народных училищ, два года руководивший курсами пения в Киеве» А. Н. Карасев. Музыку преподавал И. Я. Жихор – учитель музыки и пения Донского кадетского корпуса. Инспектор народных училищ Донской области Ф. И. Кашменский читал лекции по истории церковного пения [ДЕВ, 1890, № 12, с. 510]. Нередко учителя ОВД вызывались в центр учебного округа – Харьков для прохождения подготовки по церковному пению.

Упорядочению методик, приведению к единообразию процесса преподавания в школах способствовали и распоряжения епархиальной власти, регулярно подтверждавшей или обновлявшей список наименований учебных книг; в соответствии с ним Аксайско-Богородичное братство и некоторые другие общества снабжали школьные библиотеки нотными сборниками, руководствами и пособиями.

Обучение церковному пению в школах до принятия Программ (1884) не носило системного характера и зависело, в большой степени от опыта преподавателя, его образования и хоровой школы, которую он усвоил.

Оценить качество преподавания и соотнести его с современными методиками можно на основе опубликованных данных [ДЕВ, 1886, №. 22, с. 908–910]. Пояснительная записка к программам сообщала, что церковное пение является необходимым дополнением к Закону божью. Оговаривалось, что в школах рекомендуется изучать распев богослужебного пения, принятый в данной местности.

Для изучения предмета не требовалось «особых способностей, кроме тех, какие нужны для обучения чтению». Школьники занимались пением каждый день по 30 мин после уроков, и два раза в неделю в течение часа по расписанию. Начиналось обучение с исполнения «наслышкою» простейших церковных песнопений (приготовительных голосовых упражнений) на одной, на двух, на трех нотах. Молитвы, читаемые регулярно всеми учащимися, выполняли не только свое прямое предназначение в деле духовного воспитания, но и давали определенные узко практические результаты. Повседневное чтение в тоне, даже у мало способных учеников, вырабатывало простейшие певческие навыки, развивало чувство ритма, звуковысотный

слух, чистоту интонации. Переходить к изучению мелодий начинали только тогда «когда достигнется согласие и точность в передаче звука».

Разнообразные методы работы вскоре приводили к желаемому результату. К освоению написания и названия нот квадратной системы переходили «когда в достаточной степени приобретается детьми верность голоса, слуха и такта». По мере закрепления приобретенных практических навыков, разученное с голоса исполнялось по нотам. Следующим этапом музыкального образования было освоение «круглой ноты». Программой закреплялись требования к сохранению детских голосов. Учебники церковного пения, построенные по принципу усложнения, позволяли, освоив весь круг Обихода, приступать к партитурам в трехголосном изложении: «Коль славен наш Господь в Сионе», «Боже, Царя храни» «Многая лета», «Славься, славься, наш русский Царь».

Теоретическая подготовка на втором и третьем году обучения заключалась в разного рода пояснениях и аналитических комментариях во время разучивания простейших песнопений литургии, всенощного бдения, стихир, богородичнов, ирмосов и т. п. Во всех учебных заведениях изучали старинную церковную квадратную и современную нотацию. На основе гласов разучивались гаммы, кварто-квинтовый круг, интервалы с обращениями, ритм, темп, синкопы, паузы, аккорды и др.

Военные учебные заведения имели программы отличные от гражданских и церковных. Эти различия проявлялись и в учебных курсах эстетического цикла. Наряду с обязательным в корпусах уроком «церковное пение» и наличием церковного хора на должную высоту было поставлено светское пение и музыка. В Казачьем юнкерском училище и Донском кадетском корпусе расписание занятий было составлено таким образом, что по вторникам и пятницам с 17.30 до 19.15 кадеты занимались музыкой, а по понедельникам и пятницам с 8.30 до 10 часов – пением. Способом поощрения кадетских музыкантов и певчих была специальная льгота, позволяющая возвращаться из увольнения на полтора часа позже остальных.

Корпусной хор был естественным продолжением уроков пения [Адищев, 2000, с. 38]. Каждый класс представлял собой

отдельный трех- четырехголосный хор, имеющий собственный репертуар. Ф. И. Попов, получив диплом регента в классах Придворной певческой капеллы, профессионально подходил к обучению подростков пению. При проверке знаний по предмету кадеты 2 класса «совершенно свободно» отвечали на вопросы инспектора ГВВУЗа по элементарной теории музыки. Не ограничиваясь изучением теории, учитель организовал в корпусе два хора – церковный (для пения в корпусном храме и на церковных торжествах) и светский (для пения на литературно-музыкальных вечерах, концертах).

По сведениям В. И. Адищева в церковном хоре пел каждый пятый воспитанник корпуса (в разные годы от 80 до 100 человек). Кроме положенных обиходных напевов, в репертуар входили и духовные сочинения русских композиторов Д. С. Бортнянского, А. Ф. Львова, А. Т. Гречанинова, П. Г. Чеснокова и др. С 1908 по 1911 гг. Ф. И. Попов подготовил с хором более 50 сочинений, указывая при этом, что «приходится ограничивать свой репертуар количественно, сосредоточивая внимание на его качестве». Церковный хор Донского кадетского корпуса «блестяще» пел в церкви при богослужениях и выступал в концертах с сольной программой.

Участие воспитанников в церковном хоре не делало их хоровое образование односторонним, так как в светский хор входили многие из певчих церковного, с приглашением к участию солистов корпуса. Наряду с богослужебными и духовными сочинениями кадеты осваивали обширный репертуар, состоящий из отдельных оригинальных хоровых сочинений, хоров из опер, переложений и обработок русских и казачьих песен. Многие обработки были выполнены самим регентом.

Палитра выразительных средств хора была многогранна, выучка певцов – безукоризненна; «хор звучал прекрасно» при исполнении «всех тонкостей Польского» (опера М. И. Глинки «Жизнь за царя»), в «Ноченьке» (опера А. Г. Рубинштейна «Демон») «кадеты блеснули своим пианиссимо». По свидетельству современников «мощные звуки кадетских голосов наполняли сборный зал и производили на слушателя чарующее впечатление».

В 1885 г. певческие хоры существовали при 59 низших учебных заведениях. В Черкасском округе было 9 хоров, в Таганрогском – 23, в которых общее число поющих составляло 560 чел., в том числе 83 девочки, по Донецкому округу – 9 хоров, общее число хористов – 98 человек. По 1-му Донскому округу – 10 хоров, 169 хористов, по 2-му Донскому округу – 5 хоров, 78 хористов, по Хоперскому округу – 3 хора, 57 человек. Число участников в хорах доходило от 8 до 30 человек. Но и в тех учебных заведениях, при которых не было самостоятельных хоров, «церковное пение преподавалось как обязательный предмет и с видимым успехом, так что ученики почти везде принимают участие в пении вместе с клиром и любителями при церковных богослужениях в храме». Не велось обучение церковному пению только в 8 учебных заведениях «по неспособности к тому преподавателей и нехватке средств для найма особых регентов».

Постепенно вырабатывались программы и методики обучения предмету, складывался репертуар. Учебные пособия, которыми пользовались на уроках пения в разных типах школ были чаще всего близкими по содержанию: методики обучения, разработанные учителями пения составлялись с учетом практического опыта, были доступны детскому восприятию, строились с учетом возрастных особенностей детского голоса. Однако некоторые различия существовали. Изучение каталогов некоторых училищных и школьных библиотек дает представление о примерном круге книг и нот, использовавшихся на уроках пения в различных учебных заведениях того времени.

Наполнение библиотек светских образовательных учреждений контролировало МНП, рассылавшее списки рекомендуемой литературы и каталоги для ее заказа в столице. В связи с тем, что предмет «пение» состоял из двух самостоятельных разделов – церковное и светское – среди книг были учебники по гармонии, истории музыки, пособия по постановке голоса, методике работы с хором. Нотные издания тоже были разнообразны – партитуры опер, оригинальные хоровые произведения. Так, в каталогах *Мариинского Донского* института значились пособия по теории музыки и гармонии (А. С. Фаминицына,

Л. И. Карпенко), истории церковного пения (А. Ф. Львова, И. Вознесенского), дополнявшиеся учебниками по методике работы с хором Гуммерта «Материалы для образования правильно поставленного хорового класса»; А. Н. Карасева «Методика пения: в 2 ч» и «Уроки пения»; «Руководство к первоначальному обучению церковному пению по квадратной ноте» Д. Н. Соловьева; книгами по истории музыки: Баскина «Биография Рубинштейна, Мусоргского и Серова»; Веймана «Биография Глинки»; Минаева «Биография Чайковского»; Финдейзена «Биография Даргомыжского»; Ястребцова «Биография Римского-Корсакова»; Маркса «Всеобщий учебник музыки»; Энгеля «Краткий музыкальный словарь». Это же учебное заведение выписывало книги по воспитанию голоса Джиральдони «Аналитический метод воспитания голоса»; Эпштейна «О вокальном воспитании юношества»; Успенского «Физиология голоса и пения». Книги по музыкальному искусству дополнялись значительной подборкой нот: церковные певческие книги (А. Ф. Львова, П. И. Турчанинова), разнообразными репертуарными сборниками светских произведений русских композиторов (Л. Б. Гольдмана, А. Ф. Львова), народных песен (Е. К. Альбрехта, Н. Х. Весселя).

Библиотеки школ *духовного ведомства* отличались от светских. Училищный совет при Св. Синоде рекомендовал к употреблению в ЦПШ и духовных училищах по церковному пению: «Обиход церковный нотного пения» 1860 г.; «Октоих нотного пения»; «Ирмологий нотного пения»; «Руководство к практическому изучению древнего богослужебного пения» и «Сборник церковных песнопений: в 3 выпусках» Н. М. Потулова; «Руководство к первоначальному изучению церковного пения по квадратной ноте» Д. Н. Соловьева; Азбуку нотного пения; «Уроки пения» А. Н. Карасева; «Приемы для первоначального обучения детей пению в школе и таблица всех восьми гласов, с показанием на оной образцовых стихир, тропарей, ирмосов и прокимнов»; «Молебное пение при учении отроков», «Литургия св. Иоанна Златоуста» С. Миропольского, а также переложения для детского хора священника Георгиевского: Вседневные молитвы; Тропари; Благодарственный молебен, одобренный Св. Синодом и МНП; Водосвятный моле-

бен; Панихиды; Великое повечерие; Последование ко святому причащению; Служба на Св. Пасху; Псалмы св. пророка Давида и некоторые другие. Среди них нотные брошюры М. Коневского «Всенощное бдение и Божественная литургия».

История церковного пения была представлена учебными пособиями М. Коневского «Краткая история церковного пения в церкви вселенской и мелодического пения в церкви русской», «История гармонического пения в русской церкви с прибавлением кратких сведений об организации певческих хоров», «Элементарный курс истории церковного партесного пения».

Конечно, не каждое из приведенных пособий могло иметься в рядовой церковно-приходской школе, но несколько учебников и нотных изданий обязательно составляли их фонд. Донские школы снабжались книгами своевременно и в достаточном количестве [ДЕВ, 1894, № 10, с. 191]. Приведенный перечень свидетельствует о значительном объеме пособий и руководств к изучению церковного пения.

Однако, несмотря на такое обилие литературы, учителя пения испытывали недостаток переложений для детских хоров: «Есть много произведений прекрасных как по духу церковному, так и по простой композиции, доступных незатейливому хору для выполнения, чарующих слушателя, вызывающих на неподдельную молитву – это Дегтярева, иеромонаха Виктора, архимандрита Феофана, Веделя, и других, но Придворная капелла не разрешает их петь в церквях и их нет в печати, кроме немногих, изданных недавно священником Георгиевским, а только в рукописях» [ДЦС, 1909, с. 157].

Высокое качество преподавания пения приводило к поразительным результатам. Воспитанники школ под руководством регентов разучивали сложнейшие партитуры. В 1908 г. имела успех в городе постановка оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» в исполнении гимназического хора и оркестра. В донской духовной семинарии оперный жанр не был распространен, поэтому воспитанники отличились, исполняя ораторию «Семь слов Спасителя на кресте» Гайдна и оратории «Stabat Mater», арию из которой исполнял ученик 5 класса А. Андреев [ДЕВ, 1911, № 35, с. 965].

К середине века выработались требования к профессионализму учителей пения: совмещение должности регента и преподавателя игры на духовых и струнных инструментах в школе было обычной практикой. Анализ документов показывает, что к руководству школьными хорами привлекались, за редким исключением, лучшие выходцы Войсковой капеллы. Каждый учитель пения использовал в работе с детьми индивидуальные приемы, основанные на традициях усвоенной им хоровой школы, его опыте и мастерстве. Совпадал лишь результат обучения – стройные, «согласные» хоры любителей украшали город. Школьное пение, сохраняя традиции, поднялось на новый, профессиональный уровень, столь высокий, что выпускники общеобразовательных школ могли поступить в столичные консерватории.

3.3. Любительское хоровое исполнительство

По воспоминаниям современников, в музыкальном отношении, Новочеркасск был «довольно тихим и пассивным» городом [Новочеркасск и Платовская гимназия, 1997, с. 21]. Это высказывание можно признать справедливым лишь отчасти. Газеты изобилуют анонсами выступлений любителей. Это и театральные постановки, и музыкальные вечера, и музыкальные собрания. Правда, на концерты именитых артистов чаще приходилось ездить в Ростов. В самом Новочеркасске тоже выступали гастролеры, но такие события в культурной жизни города случались намного реже.

Это обстоятельство объясняется тем, что Новочеркасск, как военная столица ОВД, был закрытым городом. Поэтому, чтобы провести какое-либо более-менее серьезное мероприятие, в том числе и концерт, необходимо было получить разрешение нескольких военных инстанций, последней из которых являлось Военное министерство в Петербурге. Такие организационные затруднения препятствовали развитию гастрольной жизни в городе и донским обывателям приходилось восполнять недостаток в развлечениях. Концерты любителей можно назвать основным времяпрепровождением самой разной публики; отсюда большое разнообразие форм любительства.

В ОВД первенство принадлежало театральному любительству, которое 80 г. XIX века заняло главенствующее положение даже в некоторых слободах [ДОВ, 1877, № 76]. Музыкальное оформление постановок осуществлялось силами дилетантов [ДОВ, 1874, № 84].

Если в отношении театра Новочеркасск был «достаточно избалованным» (более-менее хорошие театральные труппы постоянно функционировали в городе в системе антрепризного театра), то гастролирующие хоры были нечастыми гостями и не оказывали заметного влияния на развитие хорового исполнительства в ОВД. Выступления известных хоровых коллективов приурочивались к большим торжествам. Так, например, при праздновании 300-летия Войска Донского в 1870 году, в Александровском саду выступали четыре оркестра и четыре хора песенников, одним из которых был хор И. Молчанова, приглашенный на праздник, другим – Войсковой хор, а оставшиеся два – местные хоры любителей. В 1872 г. Новочеркасск посетили капелла Д. А. Агреева-Славянского; принимали жители области и хор Г. М. Давидовского, особенно артистов хора любили в окружной ст-це Каменской.

Хоровое пение было для казачьего населения ОВД привычной формой музицирования [Вальченко, 2000, с 146–155]. Любительское хоровое исполнительство предстает перед нами в формах общественных, масштабных: выступления в клубах, на ярмарках, участие в благотворительных концертах, в любительских театральных постановках. В меньшей степени мы можем судить о традиции ансамблевого или хорового пения в частных домах. Тем не менее, постепенно из разрозненных сведений складывается целостная картина развития любительского хорового пения в ОВД.

Об отношении к нему обывателей можно судить по некоторым делам жителей области – пожертвованиям в виде нот, музыкальных инструментов, необходимых для занятий, помещений; содержанию за счет личных и станичных средств учителей пения, регентов хоров и проведению бесплатных частных уроков для талантливых детей [Вальченко, 2000, с. 152; Позднеев, 1997, с. 259].

Учебные заведения, как и в Петербурге, стали распространителями музыкального образования в широких кругах. «Плодом вышеизображенного широкого насаждения музыкального „художества“ является музыкальный дилетантизм, наложивший свой отпечаток на историю нашей музыки... служивший хорошей подготовительной ступенью для более серьезных занятий искусством» [Россия, 1991, с. 678].

Результаты широкого «насаждения» певческого образования не замедлили сказаться на развитии хорового искусства и музыкальной культуры области в целом. При необходимости для участия в торжественных мероприятиях любительские хоры могли собираться в короткое время. Примером может служить «очень сносный хор», организованный в 1877 г. ко Дню коронации его императорского величества в новочеркасском госпитале, которым не без искусства управляла сестра милосердия монахиня Клавдия. Несмотря на то, что хор состоял из находившихся в нем на излечении раненых, это не помешало участникам совершить Всенощное бдение накануне и молебен в день коронации. Во время провозглашения многолетия православному воинству «больные возвысили голос и с особым воодушевлением пропели его» [ДОВ, 1877, № 69].

Вероятнее всего, условия госпиталя не позволили хору существовать долго. Однако сам факт его возникновения может говорить об уровне хоровой подготовки обывателей ОВД. Совершенно разные люди, какие обычно составляют контингент лечебного учреждения, не образовали бы хор для исполнения всенощной и молебна, не имея определенной хоровой культуры. Показательно, что свой досуг пациенты госпиталя не хотели ограничивать только чтением книг и газет, поэтому «в видах развлечения больных» предполагалось приобрести в госпитале рояли и фортепиано, но это доброе начинание не смогло осуществиться, так как встретилось одно препятствие – отсутствие помещений для музыкальных инструментов [Там же].

Об ушедшей эпохе, не оставившей «звучащих памятников», составить представление чрезвычайно сложно. Поэтому о вкусах музыкантов-любителей, их исполнительском мастерстве можно судить лишь на основании газетной критики, музыкальных каталогов и сохранившихся нотных сборников того времени.

Безусловно, новочеркасцы, как жители административного и культурного центра ОВД имели больше возможностей для реализации своего творческого потенциала. Однако, сведения из станиц, которыми пестрят страницы местных газет, содержат информацию о состоявшихся и будущих концертах любителей. Впечатления о культурной жизни в ОВД складываются в основном из газетных новостей.

Из публикуемых в прессе отчетов станичных и хуторских библиотек видим, что казацье население обладало весьма широким кругом интересов. Неудивительно, что среди 36 наименований газет и журналов, выписываемых станичниками в конце века, есть и «Музыкальный вестник», и «Развлечение», и «Воскресный досуг».

В Новочеркасске список выписываемых периодических изданий по разным видам искусства был несколько шире: это музыкальный журнал «Нувеллист», «Музыкально-театральная газета», «Суфлер» – газета театральная, музыкальная, художественная и литературная, журнал «Музыка и пение» [Позднеев, 1997, с. 112]. Те же, кто не выписывал специальных газет и журналов, узнавали новости о состоянии театрального и хорового дела в области и в отдаленных районах России из неофициальной части ДОВ. Интересна в этой связи перепечатка публикации из Вятских губернских ведомостей, в которой говорится об обучении хоровому пению при помощи духового фортепиано, «приготовленного в мастерской вятского арестантского исправительного отдела. Духовое фортепиано избрано потому, что ни один инструмент не может конкурировать с ним при обучении хоровому пению», так как оно способно «производить непрерывные льющияся звуки не одного только голоса, но всех четырех голосов хора вместе» [ДОВ, 1874, № 62].

Держатели книжных магазинов, как люди заинтересованные, следили за увлечениями публики, о чем говорят анонсы, помещенные в областных газетах¹². Среди наиболее

---

¹² «Общий друг веселья. Для любителей и любительниц пения, опер, опереток, водевилей, драм, комедий и пьес, комических куплетов, сатирических и юмористических стихотворений и романсов, песен малороссийских, хороводных, подблюдных, свадебных и народных, сцены и рассказы из народного, еврейского,

часто исполняемых композиторов газеты отмечают И. Баха, К. Вебера, П. Сарасате, В. Моцарта, Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Э. Направника, М. Глинку, А. Даргомыжского, П. Чайковского, А. Бородина, В. Калиникова, Н. Римского-Корсакова, А. Рубинштейна.

Как видим, репертуар любителей ОВД мало отличался от общероссийского. Популярными стали к последней трети века хоровые сцены из опер, хоры, песни и романсы русских и зарубежных композиторов. Это подтверждают и замечания современника, из которых узнаем о вокальных пристрастиях жителей станиц, например в Цимлянской в 1875 г.: «Уже реже и реже слышатся песни о Ермаке и тихом Доне, и местная молодежь поет... романсы».

Домашние музыкальные библиотеки формировались разными способами. Конкуренцию книжным магазинам Новочеркаска и Ростова, как и повсюду в России, составило распространение нот по каталогам российских и зарубежных издательств. Заметную роль в вопросах комплектования играло руководство школ и училищ. Лучшие воспитанники за хорошую успеваемость и участие в культурной жизни города на выпускных актах учебных заведений поощрялись подарками в виде нот.

Как отмечалось, Новочеркасск являлся студенческим городом, и, хотя в самой столице ОВД не было вузов, войсковые воспитанники получали образование в лучших военных и светских учебных заведениях страны. «Если счесть всех получивших образование в университетах Харьковском, Московском, Петербургском и Казанском лиц, принадлежащих по происхождению своему к Войску Донскому... и к этому прибавить еще число получивших образование в академи-

---

немецкого, малороссийского, бурлацкого и цыганского бытов, петых, игранных и рассказанных артистами Императорских Санкт-Петербургского и Московского театров». Иллюстрированное издание в 3 частях с хромом, литографическими картинками. М., 1875. Ц. 3 руб., весовых 3 фунта», «Репертуар В. А. Сабинина. Романсы и песни», «Романсы и песни М. И. Глинки», «Романсы и песни А. Л. Гурилева», «Романсы и песни Роберта Шумана», «Романсы и песни А. Е. Варламова», «Романсы и песни. Музыка И. Корнилова», «Руслан и Людмила. Волшебная опера в пяти действиях М. И. Глинки. Аранжированная для пения с фортепиано», «Русалка. Опера в четырех действиях. Музыка А. Даргомыжского для пения с фортепиано аранжированная самим композитором» и другие.

ях: медико-хирургической, военных и духовных, а также лиц, воспитывавшихся в разных высших специальных училищах, лицеях, институтах, гражданских и военных, лиц исключительно войскового происхождения, то едва ли какая из русских провинций и даже университетских городов, исключая столиц, могут представить в настоящую минуту такой обильный контингент людей, который привнес в родной Новочеркасск лучшие традиции со всех уголков России», – так восторженно приветствовали ДОВ в Татьянин день 1875 г. студентов, отмечавших «шумно и весело... с картинами студенческой жизни при участии любительского хора», праздник в зале Дворянского собрания [ДОВ, 1875, № 6]. И действительно, обучавшиеся в вузах других городов, возвращаясь домой, приносили новые музыкальные веяния.

Большое преимущество ОВД перед другими областями России состояло в том, что казаки несли службу в разных концах страны, на ее границах. Как справедливо замечали ДОВ, «есть еще в высшей степени хорошая сторона в занятиях музыкой, пением и т. п. Хороший певец, игрок на каком-либо инструменте – это такой человек, которого охотно принимают все, потому что он не только не служит никому в тягость, а... доставляет своим искусством удовольствие, внося свою долю в условие общественной жизни» [ДОВ, 1877, № 40]. Это обстоятельство делало офицеров Войска Донского желанными гостями в благородных обществах тех городов, куда казаки попадали по долгу службы.

Естественным путем репертуар любителей-музыкантов и певцов «кочевал» с донскими полками. Показательно в этом отношении письмо обывателя одного из провинциальных городов к старшему офицеру вышедшего на Дон полка: «Память о вас... хранится и живет в сердцах всех наших здешних знакомых. Все искренне сожалеют, что пребывание вашего благонравного полка в здешней местности было кратковременно. Такой тишины и спокойствия, какие сопровождали вашу стоянку у нас, от других мы не надеемся видеть. А ваше деятельное участие в составлении увеселительных собраний и танцевальных вечеров, теперь для нас незаменимо» [ДОВ, 1875, № 6]. Таким образом обогащался репертуар и попол-

нялись домашние библиотеки любителей музыки и пения. Б. Р. Хрещатицкий отмечал, что лейб-казаки являясь на Дону «живыми проводниками общения Донского казачества с Российской государыней, а в частности приносят с собою домой и различные петербургские новшества науки, культуры и общественного быта». Он сообщил полулегендарный случай обмена песенным репертуаром: «Услышав случайно в одну из прогулок в Царском Селе песню „Ах ты Волга ли, Волга-матушка“ в исполнении казаков Лейб-гвардейцев, императрица приказала записать ее начальнику Придворной певческой капеллы, отсюда будто бы и получился вариант этой песни под названием „Волга Екатерининская“» [История Л-гв. Казачьего полка, 1995, с. 37, 116].

Жители ОВД были в курсе столичной музыкально-театральной моды еще и потому, что донские гвардейские полки находились в Санкт-Петербурге, а многие высшие чины приглашались на императорские балы в Зимний дворец [Позднеев, 1997, с. 194–196]. Менее именитые казаки участвовали в театрализованных представлениях, проводившихся во время столичных праздников, «вызывая восторг в зрителях удалством, наездничеством, но и блистательным цирковым представлением в костюмах индейцев» [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 2783, л. 1–2].

Такие условия выводили Новочеркасск и Войско Донское на особое место среди других российских городов и губерний. И, конечно, эти обстоятельства нашли отражение в культурной жизни: публика предпочитает проводить свободное время «по-столичному» – бал-маскарады, любительские спектакли и концерты, шумные гуляния в саду «с бенгальскими огнями и вензеями». Организацию подобных и иных развлечений взяли на себя появляющиеся в ОВД с 40-х годов XIX в. клубы¹³, уставами которых предусматривалось, что они созда-

---

¹³ К 1879 г. в Новочеркасске существовали Дворянское собрание (с 1840 г.) и Клуб всех сословий (с 1840 г.); в Александровске-Грушевском – Горный клуб; во 2-ом Донском округе – «Нижне-Чирский Дворянский клуб»; в Донецком округе (ст-це Каменской) – «Каменское Собрание для всех сословий», позднее замененное «Донецким дворянским собранием» и «Общество назидания», «Михайловский коммерческий клуб» в ст-це Михайловской, «Клуб увеселительных вечеров» в ст-це Усть-Медведицкой. В ст-це Урюпинской Хоперского округа с 1863 г. дей-

ются «для вечерних собраний, с целью участвующим народом удовольствия: в танцах, разных дозволительных играх, чтении газет, журналов и других приличных занятиях». Клубы проводили «увеселительные вечера», «на которых по желанию общего собрания членов... могут быть допущены такие занятия и увеселения, каковые приняты вообще в дворянских собраниях. Вечера предполагались с танцами, игрою в карты, бильярдной игрою» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1169, л. 1]. Конечно, в них были приняты не только подобные формы развлечений. Нередки упоминания и о концертах и спектаклях, благодаря которым мы узнаем, что хоровые выступления любительских коллективов постоянно сопровождали развлечения благородной публики [ДОВ, 1913, № 9].

В Новочеркасске Дворянский клуб и Клуб всех сословий соперничали в привлечении зрителей и за право быть лучшим. Местная печать следит за «поединком»: «Неизвестно почему, но в Дворянском собрании постоянно скучно, а в Сословном клубе много веселее и оживленнее, понятное дело, публика идет туда, где она может веселиться, а не осматривать друг друга, чинно сидя у стенок» [ДОВ, 1877, № 2]. Конечно, клубы имели своих приверженцев, но не могли объединить вокруг себя всех и устроить свободное время большого количества желающих. Кроме того, учащимся, несовершеннолетним, девицам без сопровождения взрослых родственников было запрещено их посещать. Досугом жителей Дона, наряду с клубами, были озабочены и многочисленные общества.

К последней трети века в Новочеркасске сложились крепкие традиции любительства, что привело к созданию кружков и обществ любителей искусств. Музыкальные общества не только объединили почитателей музыки, но и упорядочили концертные выступления в городе. В 1879 г. Министерство внутренних дел узаконило устав Новочеркасского музыкального общества «для жителей Новочеркаска, желающих учиться музыке». Согласно его уставу, открыты были музыкаль-

---

ствовали «Общественные семейные вечера» с публичной библиотекой, в ст-це Цимлянской в 1873 г. открылся «Дворянский клуб» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1909, л. 15–22; ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 1169, л. 1].

ные классы, где преподавались элементарная теория музыки и учение о гармонии, чтение нот, игра на фортепиано, скрипке, альте, виолончели и духовых инструментах, пение духовное и хоровое, «пение и совместная игра» [ДОВ, 1880, № 1].

Учредители общества предлагали «...условия небывалые у нас; дешевизна платы за урок доведена до крайнего *minimuma* [25 коп. за урок, частный урок стоил 1 руб. – А. В.]... Но этого мало. Своими хорошо организованными и классически обставленными концертами, музыкальное общество... может развить вкус у нас и содействовать более эстетическому пониманию музыки») [ДОВ, 1880, № 2].

Деятельность общества не ограничивалась устройством концертов и обучением музыке. Несмотря на то, что существование его оказалось недолгим, бывшие участники способствовали созданию в городе новых объединений.

Так, в 1886 г. военный министр утвердил устав нового «Новочеркасского музыкально-драматического общества», разработанный членами упраздненной организации [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 2922, л. 1, 1 об.].

Общества поддерживали благотворительные начинания. Созданный в 1908 г. «Временный комитет по увековечению памяти русских композиторов Бортнянского и его ближайших преемников – Турчанинова и Львова» объявил сбор пожертвований на памятник означенным композиторам. Имена их были хорошо знакомы на Дону благодаря церковным песнопениям «воспитавшим в душе нескольких поколений столько отрадных религиозных чувств», поэтому призыв императора отозвался в Донской епархии устройством благотворительных концертов и лекций в станицах и хуторах. Их главным организатором выступило Новочеркасское музыкально-драматическое общество, привлекавшее школьные и любительские хоры к благородному почину. Программы концертов составлялись из произведений чествуемых композиторов: «Херувимской № 7», «Да исправится молитва моя», «Ныне силы небесные», «Чертог твой», «Ангел вопиаше», «Светися, светися» Д. С. Бортнянского; «Благослови, душе моя Господа», «Хвалите имя господне» А. Ф. Львова и др. [ДЕВ, 1909, № 6, с. 82–84].

Не в первых рядах, что несвойственно донской столице, а вообще в числе последних в России (1911) открывается Новочеркасское отделение Императорского Русского музыкального общества. В отличие от других российских городов, это общество не прижилось в войсковой столице, хотя попытки создать его предпринимались несколько раз. Сами новочеркасцы так объясняют это явление: «В этом отношении отстал он [Новочеркасск – А. В.] не потому, чтобы общество наше не любило музыки и не потому, чтобы мы лишены были музыкальных способностей, напротив, мы щедро наделены природой и тем, и другим... Препятствием служит наша материальная немощь» [ДОВ, 1877, № 1].

Вероятнее всего, причина крылась не только и не столько в отсутствии денежных средств, а в том, что музыкально-образовательная жизнь Новочеркаска, не в пример многим провинциальным городам того времени, была достаточно хорошо налажена. Функции и задачи ИРМО, заявленные в его Уставе (концертная деятельность и открытие музыкальных классов), уже давно были распределены между существующими в столице ОВД общественными, благотворительными организациями и учреждениями образования [ГАРО, ф. 301, оп. 9, д. 450, л. 1–8].

Однако, начав свою деятельность 1 июня 1911 года, Новочеркасское отделение Императорского русского музыкального общества, с первых дней развернуло широкую учебно-музыкальную и художественно-просветительскую деятельность. Уже к началу учебного года (к 1 сентября 1911 г.) открылись музыкальные классы и начали действовать в Новочеркасске постоянные концерты под названием «Камерные вечера». Фонд общества складывался из членских взносов, пожертвований, благотворительных концертов, проводимых Новочеркасским отделением ИРМО и расходовался на содержание классов и поддержание необеспеченных материально учащихся. Среди заметных фигур, деятельность которых была незаменима в организации и работе общества – учитель войсковой гимназии и Кадетского корпуса – Ф. И. Попов [Позднеев, 1997, с. 124].

Музыкальные классы были представлены такими предметами, как пение, игра на фортепиано, скрипке, виолончели

и всех духовых оркестровых инструментах. Обязательными для всех учащихся были элементарная теория музыки, гармония, «энциклопедия музыки» и фортепиано.

По отчетам общества, учащихся в 1911–1912 учебном году было 242, в 1912–1913 – 253, в 1913–1914 – 231. Сословная принадлежность для посещения музыкальных классов не имела значения, но по традиции такие подсчеты проводились. Более половины учеников составляли дети казачьего сословия.

Достижения общества к 1915 г. не были столь впечатляющими, но выглядели все же весьма достойно: музыкальные классы окончили 10 человек, из которых трое стали их преподавателями, двое занялись частной музыкальной практикой, трое посвятили себя концертной деятельности, остальные поступили в консерватории.

За четыре первых года существования Новочеркасское отделение ИРМО организовало 47 концертов и камерных вечеров, программы которых составлялись из произведений русских и зарубежных композиторов. Исполнителями на камерных вечерах были преподаватели, ученики и члены общества из числа любителей. Концертные залы не могли вместить всех желающих приобщиться к классической музыке.

Учебные заведения Новочеркаска получали абонементы на посещение концертов и лекций. Из отчета за 1914 г. явствует, что на лекцию Н. Ф. Финдейзена дирекция предоставила учащимся Новочеркаска 200 бесплатных билетов. Впрочем, плата за концерты была и так очень низкой от 25 коп до 2 руб.

Проводя благотворительные концерты в пользу инвалидов, на приобретение теплой одежды казачьим частям, находящимся в составе действующей армии, на нужды раненых и больных воинов, общество занималось не только музыкальным просвещением, но и воспитанием патриотических чувств у подрастающего поколения.

К 1915 г. внутренние ресурсы музыкальных классов были настолько значительными, что дирекция почувствовала в себе достаточно сил и энергии для их преобразования в музыкальное училище со всеми правами среднего музыкального учебного заведения. Не хватало лишь материального обеспечения для расширения программы преподавания. Необходимо было

вести специальные и обязательные для всех учащихся предметы – теорию и историю музыки, хоровое пение, оркестровую игру и регентско-дирижерское дело. Обращение с просьбой о помощи и материальной поддержке в размере 500 руб. в год, дирекция направила к Областному правлению ВД.

Рассмотрев дело, Областное правление признало необходимым преобразовать музыкальные классы в музыкальное училище и обратилось к военному министру за позволением выплачивать указанную сумму из общего войскового капитала для выдачи пособия Новочеркасскому отделению ИРМО начиная с 1916 г. В ходатайстве, между прочим, отмечалось: «Среди учащихся в них [музыкальных классах] более половины принадлежит к казачьему населению, что свидетельствует о сочувственном к классам отношении этого населения. И с другой стороны о потребности его в музыкальном просвещении. Та высокая потребность человеческого духа заслуживает удовлетворения, особенно по отношению к казачьему населению. Казаки на протяжении многих веков ведут своеобразную жизнь, часто наполненную боевыми подвигами; ими создана своя поэзия, образы которой воплотились во многих казачьих песнях. Казак любит ратное дело, но он также любит песни и музыку. Нужно содействовать развитию в нем этих благородных наклонностей, а то, что им создано в этой художественной области, необходимо сохранить, запечатлеть это в музыке. Музыкальные классы, хотя и удовлетворяют в некоторой степени указанным требованиям духовной жизни казака, но программа их недостаточно широка и потому представляется необходимым преобразовать их в музыкальное училище» [ГАРО, ф. 301, оп. 8, д. 2287, л. 478–480].

Не только эти общественные организации привлекали любительские хоры к своей деятельности. *Комиссия общества распространения полезных книг в Донской области* в 1893 г. открыла в Новочеркасске воскресные и праздничные чтения для народа в помещении Съезда мировых судей Черкасского округа. Новое явление в общественной жизни Новочеркаска и ОВД приняло широкий размах и сразу нашло сторонников. В Новочеркасске, равно как и других населенных пунктах области, желающие посетить чтения не всегда могли поместиться

в предназначенных для этого залах. К 1904 г. чтения настолько распространились в Новочеркасске, что одно из значительных обществ – *Аксайско-Богородичное братство* – даже отказалось от их устройства [ДЕВ, 1906, № 24, с. 474].

Первоначально для разнообразия в их проведении приглашали Войсковой оркестр. Со временем от этой практики отказались и чтения в столице Войска Донского сопровождались пением хороших хоров – любительских и учебных заведений [Отчет о деятельности общества содействия народному образованию 1899, с. 19]. Участие в чтениях принимали и церковные хоры А. Т. Ершова (преподавателя Новочеркасского второго четырехклассного женского училища и Мариинской Донской женской гимназии) и Н. А. Дмитриева. В качестве поощрения им было предоставлено право проводить репетиции в вестибюле здания для народных чтений, выплачивалось по пять рублей за каждое выступление и «зато посетители могли слушать одни из лучших хоров Новочеркаска» [Отчет о деятельности общества содействия народному образованию, 1900, с. 18–19].

Для «украшения» чтений был собран бесплатно обучаемый «народный» хор. За каждый концерт артистам платили по пять рублей, но певчих, живущих в разных концах города, «собрать в дурную, зимнюю непогоду очень затруднительно» и чтобы поддержать такой коллектив, необходимо «прибавить ему плату». Трудно было найти и руководителя для управления таким хором. При отсутствии материальной поддержки извне любительский хор быстро распался.

Нужно признать, что Общество народных чтений активизировало создание новых любительских хоров в ОВД повсеместно. Некоторые из них существовали недолго и прекращали существование по окончании чтений, другим же рамки общественных чтений становились тесны, и они продолжали самостоятельную творческую жизнь.

Служащие железнодорожных мастерских пригласили регента и образовали любительский хор из 25 человек, который с удовольствием пел народные песни, сопровождая чтения. Слушатели интересовались самими чтениями, но им было приятно слушать и пение хора, о чем они всегда заявляли. В 1897 г. любители хорового пения нашлись и среди арестантов

Новочеркасского тюремного замка. Из них составилась небольшая, но деятельный хор, в репертуаре которого были духовные, светские сочинения и народные песни [Отчет о деятельности общества содействия народному образованию, 1903, с. 14]. Такого же рода информация поступила в 1902 г. от Акцизного управления ОВД, которое уведомяло, что один бывший писец казенного склада, «любитель и знаток» хорового пения, организовал в свободное от работы время из рабочих певческий хор. Каждый день на складе начинался пением молитв, а в воскресные и праздничные дни «хор красиво и умело выполнял довольно серьезные музыкальные вещи» [ГАРО, ф. 215, оп. 1, д. 84, л. 1]. Рабочие «с живейшим сочувствием» отнеслись к устройству хора и просили проводить репетиции как можно чаще. Слава о талантливом писце прокатилась до Москвы, и он «в настоящее время переведен в Московский склад на должность регента». Управляющий сожалел, что хотя руководство хором получено одному из складских контролеров, «но за отсутствием у этого последнего достаточного свободного времени, в дальнейшем вряд ли возможно ожидать усовершенствования». Сообщая об этом Главному управлению акцизными сборами ОВД, чиновник просил выписать кредит на наем регентов и покупку нот для обучения хоровому пению рабочих при казенных винных складах: для Ростовского – 360 руб., а на остальных шести – 200 руб. ежегодно. Для «увеселения» рабочих всех складов, а их было семь, устраивались «музыкально-вокально-танцевальные» или литературно-музыкальные вечера [Там же, л. 125].

В станицах народные чтения проводились по воскресным дням и наравне со школьными праздниками стали любимым развлечением жителей [Вальченко, 2004].

Народные чтения в ОВД устраивались еще несколькими организациями, которые по целям, задачам, обращению к определенной аудитории условно делятся на несколько групп.

Покровительствующие просвещению и образованию: *Общество содействия народному образованию в ОВД*¹⁴. Среди

---

¹⁴ Учреждено 15 января 1896 г. Цель – содействие правительственным и общественным организациям в заботах о народном образовании. Задачи – Устройство складов книг для продажи, бесплатных народных чтений, в соответствии с правилами о бесплатных народных чтениях, утвержденных МВД от 15 мая 1890 г.,

задач вновь образованного общества в числе других были заявлены устройство публичных лекций, спектаклей, концертов, литературных вечеров, народных гуляний, выставок; классов хорового пения. К своим лекциям привлекали профессиональные хоры, в частности Архиерейский, исполнявший духовные концерты [ДЕВ, 1887, № 4, с. 127].

Иоанно-Богословское общество вспоможения нуждающимся воспитанникам духовной семинарии. Ежегодные отчеты общества всегда сопровождалась пением хора воспитанников Донской духовной семинарии под управлением учителя пения и регента В. М. Одноралова, позднее М. Д. Ерхана. Так, в 1910 году воспитанниками были пропеты концерт Д. Бортнянского «Блажен муж», П. Турчанинова «Тебе одеющагося светом» [ДЕВ, 1910, № 36, с. 887]. Лекции, проводимые обществом, чаще всего были адресованы учащимся школ или городской интеллигенции, нередкими гостями были и представители военной администрации Новочеркаска. Их содержание продумывалось комитетом общества и соответствовало запросам аудитории. Время проведения зависело от многих причин, но чаще всего «привязывалось» к окончанию литургии. Донская духовная семинария имела собственное помещение для разного рода бесед, лекций и чтений, симфонический оркестр и хор, поэтому общество не испытывало проблем в сопровождении устраиваемых мероприятий [ДЕВ, 1912, № 30, с. 901].

Общество для пособия бедным донским учителям в зале Дворянского собрания проводило под своей эгидой танцевальные вечера, или приглашало к выступлениям хоры и солистов учебных заведений [ДОВ, 1880, № 25]. Капиталы общества были незначительны, поэтому оно направляло вырученные от концертов деньги исключительно в фонд помощи. Создавать хоровые коллективы и оркестры не входило в его задачи.

Религиозно-нравственные чтения указанных обществ проводились под покровительством донских архипастырей. Репертуар «народных хоров», сопровождающих чтения, черпал

открытие народных училищ и воскресных школ. Состоит под покровительством Войскового наказного атамана. Средства общества – членские взносы, добровольные пожертвования, субсидии правительства и общественных учреждений, прибыли от продажи книг и т. д. [ДЕВ, 1896, № 7–8, с. 201–202].

ся из сборников духовных песен, изданных для этих целей: «Лепта»¹⁵; «Слово жизни»¹⁶.

Общества религиозно-нравственного образования народа. Руководители *Аксайско-Богородичного братства*¹⁷ его основную задачу видели в учреждении приходских хоров церковного пения, улучшении качества пения в церквях, снабжении церковно-приходских школ и хоров книгами, пособиями и руководствами для изучения церковного пения. Среди задач *Миссионерского общества*¹⁸ – исправление недостатков при отправлении богослужения в православных храмах: неспешное ведение богослужения, исключение пропусков в чтении и пении. *Православное Палестинское общество*¹⁹ занималось устройством народных чтений со «световыми картинками». Кроме названных, в подобном направлении действовали и *Православное христианское братство* и *Библейское общество*.

Указанные общества находились под покровительством Донских архипастырей. Цели и задачи их различались незначительно. Чаще всего это были бесплатные чтения религиозно-нравственного содержания, для ознакомления слушателей с историей церкви «не теоретическими отвлеченными трактатами по богословию, но живым и простым изложением христианского учения о вере и добродетели» [ДЕВ, 1900, № 4, с. 85].

К устраиваемым чтениям широко привлекали Архиерейский хор, поющий духовные песни «так искусно и талантливо, что слушателей приводило в восторг и умиление» [ДЕВ, 1913, № 9, с. 905]; хор Донской духовной семинарии «применительно к содержанию чтения исполнявший песнопения, прославляющие Христа».

---

¹⁵ Издание Алтайского Миссионерского епархиального совета [ДЕВ, 1910, № 36, с. 886].

¹⁶ Издание СПб. Миссионерского епархиального совета [ДЕВ, 1914, № 4, с. 118–121].

¹⁷ Начало деятельность в 1887 г. под покровительством Донского и Новочеркасского епископа Митрофана [ДЕВ, 1888, № 4, с. 162].

¹⁸ Открыто для борьбы с расколом и сектантством в ОВД.

¹⁹ Цель общества – распространение среди народа «правильных сведений о святой земле и деятельности в оной Императорского Православного палестинского общества» [ДЕВ, 1899, № 11–12, с. 261].

Чтения обществ проводились в зданиях церковных и министерских школ, библиотеках-читальнях (в ст-це Урюпинской), в Донской духовной семинарии.

Наконец, в ряду обществ, стремившихся к искоренению социальных пороков, первым должен быть назван *Донской областной комитет попечителей о народной трезвости*²⁰. В числе его задач – «популяризация искусства при помощи общедоступных театров, концертов, выставок картин, организация любительских музыкально-драматических кружков, хоров и оркестров. Правление общества в качестве способов борьбы с пьянством предложило меры нравственной поддержки: «Нарочитые богослужения – вечерни с акафистами, привлечение отрезвляющихся к общему церковному пению, устройство для них внебогослужебных чтений и пения духовных и трезвенных песней, неустанная трезвенная проповедь» [ДЕВ, 1913, № 33, с. 1019].

Нельзя сказать, чтобы общество было очень многочисленным и пользовалось поддержкой рядовых граждан, однако его «филиалы» появились в городах, станицах, хуторах и слободах ОВД. Интересно в этом отношении корреспонденция из хут. Сизова: «Торжественно отпраздновали трезвенники хутора день памяти своего покровителя, святителя Николая. Трезвенники принимали самое деятельное участие в богослужении, даже и звон должны были производить трезвенники. Читали и пели трезвенники... После вечерни был отслужен акафист св. Николаю с общим пением трезвенников и народа» [ДЕВ, 1914, № 17, с. 738].

В Новочеркаске *Николаевское общество трезвости* 9 апреля 1914 г., в день Всероссийского праздника трезвости, проводило «Чтения о вреде употребления спиртных напитков» в пяти аудиториях: в зале мужской гимназии, народной читальни, дешевой столовой, зале для проведения епархиальных съездов духовенства. Посетители-трезвенники слушали пение пасхальных песнопений в исполнении Архиерейского хора или учеников миссионерской школы и библиотеки-читальни общества

---

²⁰ Цель общества – искоренение алкоголизма. Задачи – устройство библиотек, читален, воскресных школ, чтений, лекций, издание дешевых популярных книг и руководств и др. [ДЕВ, 1901, № 8].

трезвости. *Трезвенные песни* из сборника «Лепта» пели псаломщицы Николаевской церкви [ДЕВ, 1914, № 14, с. 558–561].

Ежегодные отчеты о деятельности Донского областного комитета попечителей о народной трезвости позволяют представить его сферу деятельности [Ф. 596, оп. 1, д. 66, л. 1–118]. В его ведении были 9 окружных и два городских комитета. Проводимые обществом чтения со *световыми картинками* «развивали умственный кругозор и отвлекали население от пьянства и праздного времяпрепровождения». Их сопровождали пением молитв и народных песен сами слушатели, а иногда профессиональные хоры.

При содействии общества в 1906 г. во 2-ом Донском окружном комитете был организован народный оркестр и приобретены для него инструменты на сумму 118 руб. 50 коп. В округах чтения проводились в чайных, библиотеках-читальнях, нередко сопровождаясь танцевальными вечерами под граммофон, спектаклями [Там же, л. 14].

Наиболее изобретательным в привлечении зрителей и «отвращении их от пьянства и алкоголизма» был Таганрогский городской комитет, который привлекал в свои ряды Таганрогское Артистическое общество. В Таганроге в 1902 г. для привлечения посетителей на чтения вывесили афиши, которые информировали о выступлении хора Михайловской церкви под управлением регента Половцева. В его исполнении посетители услышали концерт А. Архангельского «Помышляю день страшный», «Достойно есть» сербского распева, «Закувала та сыва зозуля» и Кантату на 17 октября 1888 г. [Там же, л. 22]. Для тех же целей устраивались народные спектакли (в здании народного дома и на месте народных гуляний), народные гуляния с чтениями и увеселениями (запрещенные в 1906 г.).

В Ростовском окружном комитете чтения устраивались в чайных, училищах, общественных зданиях (волостных и станичных правлениях); во все чайные были приобретены музыкальные инструменты. В округе на временно устроенных сценах проводились и театральные представления.

Ни в Таганроге, ни в Ростове-на-Дону Комиссии попечительства о народной трезвости не привлекали к участию певческие хоры, и тем более не использовали целевые сред-

ства для их создания, на что им регулярно пеняло Донское областное попечительство, отмечая при этом, что по-другому обстоит дело в казачьих округах. В ст-це Урюпинской, например, чтениям покровительствует духовное ведомство – выдает субсидии хорам за пение во время чтений. Всего в год (1906) на уплату хорам выдано 150 руб. и 100 руб. ассигнованы на покупку фисгармонии и на образование любительского хора [Там же, л. 4]. Средствами попечительства разумно распорядились ст-цы Бессергеновская, Старочеркасская, Хомутовская, хут. Павло-Кундрюченский, организовавшие хоры для постоянного участия в чтениях. В других местах на чтениях пели слушатели, исполнявшие духовные стихи из сборника «Лепта», в частности «Спит Сион», в которых «было представлено ужасное состояние пьяницы и его погибель для вечной жизни» [Ф. 714, оп. 1, д. 11, л. 5].

К этой же категории принадлежало *Благотворительное и религиозно-нравственное общество «Утоли моя печали»*²¹. Среди задач – организация религиозно-нравственных чтений и бесед в помещениях общества, в богадельнях, больницах, приютах, тюрьмах.

Народные чтения проходили в зданиях учебных заведений, офицерского собрания, в бесплатной столовой, в казармах новочеркасской местной команды и специально выстроенном здании Комиссии народных чтений²². Цель чтений состояла в распространении среди населения, независимо от сословий, «научных сведений, внедрении в них религиозныя истины, поднятии нравственности, а вместе – ослаблении наклонности к пьянству и другим порокам» [ДЕВ, 1875, № 17, с. 526].

Непременную принадлежность народных чтений составлял «волшебный фонарь» – диапроектор со слайдами. Почти всегда чтения сопровождали выступления оркестров, инструментальных ансамблей или хоров. Усиление влияния городской

---

²¹ Учреждено 16 апреля 1914 г. Цель – оказание духовной поддержки и материальной помощи слепым, калекам, сиротам, неимущим и т.п. Задачи – открытие приютов, яслей и др. Почетный попечитель Войсковой наказной атаман [ДЕВ, 1914, № 14, с. 569–572]).

²² Располагалось на «пустопорожном месте Александровского сада» [ДЕВ, 1894, № 2, с. 46]. Зал на 600–700 человек с эстрадой был пригоден и для концертов. При нем была устроена народная читальня, публичная библиотека и воскресная школа.

культуры сказалось на организации танцевальных вечеров в станицах и хуторах под граммофон или оркестры.

Общества охватили своим покровительством все без исключения слои населения городов и станиц ОВД. Наряду с этим, они явились инициаторами создания многочисленных хоров и оркестров, сопровождавших пением и игрой народные чтения.

В XX веке традиции Области войска Донского продолжились. Свидетельство тому – появление различных обществ любителей искусств в отдаленных от центра в станицах ОВД, цель которых «развивать интересы к литературе, музыке и драме, как среди местного общества, так и в окрестностях» [ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 3750, л. 1]. Клубы и многочисленные общества организуют гастролы солистов и больших исполнительских коллективов в городах и станицах области [Приазовский край, 1913, № 314; 321].

Новочеркасск не был ни торговым, ни промышленным городом, являлась важным административным и образовательным центром ОВД. К концу XIX века среди многих учебных заведений, в том числе частных, выделялись Войсковая гимназия, Мариинский донской институт, женская гимназия, юнкерское училище, Донской кадетский корпус, Донская духовная семинария, Александровское реальное училище, Учительская семинария.

Столица ОВД в формах времяпрепровождения ориентировалась на Петербург. С небольшим отставанием в Новочеркаске и донской глубинке появились все популярные столичные развлечения.

Круг интересов любителей охватывал формы культуры от домашнего музицирования вечерами до массовых театральных постановок. Однако одним из основных видов музыкального любительства было хоровое пение. Оно развивалось в нескольких взаимосвязанных направлениях – это хоры учебных заведений, церковные и любительские. И все же, приоритет в становлении любительского хорового исполнительства на Дону принадлежит школьным хорам. Родившись для обслуживания ритуала, к концу XIX века они стали незаменимыми участниками всех проводившихся в области мероприятий.

В хуторах и станицах училищные и школьные хоры достигают высокого исполнительского мастерства и становятся центрами музыкальной культуры. Такое повсеместное их распространение было следствием усилий многих общественных, благотворительных организаций, Войсковой власти, рядовых граждан Дона. Хоровое любительство, как и повсюду в России, создало предпосылки для становления и развития профессионального музыкального образования.

Всевозможные общества, распространившиеся в ОВД в XIX – начале XX столетий принесли неоценимую пользу в деле просвещения донских обывателей, как в нравственном, так и в музыкальном отношении. Они способствовали развитию в донском крае любительства, в частности хорового, которое удовлетворяло не только эстетические потребности, облагораживало, но и развивало чувство патриотизма.

Заключение

Хоровое певческое искусство Дона на территории бывшего Войска Донского и в городах Приазовья прошло сравнительно непродолжительный путь развития, охвативший период со второй половины XVIII до начала XX столетий. Его формирование происходило, когда хоровое пение в России, опиравшееся на достижения предшествующего периода – творчество хоров патриарших и государевых певчих дьяков и русских центров хорового многоголосного пения, таких как Супрасльский, Иверский Валдайский, Ново-Иерусалимский монастыри – уже достигло определенных высот.

На донской земле прививались традиции, прежде всего, русской церковно-певческой школы – сначала в музыкальной культуре столичного Черкаска, затем в станицах и хуторах донского края, городах Ростове-на-Дону и Таганроге.

Хоровое пение является той областью музыкального искусства, в которой преемственность и глубокие корневые связи с русской культурой выражены с особой очевидностью. Процесс формирования и развития основных направлений хорового исполнительства, в целом совпадает с тенденциями, характерными для его протекания в России. Это, прежде всего, основополагающая роль в развитии хорового искусства церкви, армии и школы.

В развитии хорового дела на Дону можно выделить несколько этапов.

Первый ограничен концом XVII – серединой XVIII века и условно может быть определен как церковный, поскольку хоровое пение развивается в это время в рамках богослужения – в монастырях и немногочисленных церквях. Прибывавшие на Дон священники и монахи были выходцами из центральной России. Это, как и существовавшие политические, экономические связи с Москвой, закрепленные вхождением Войска Донского в состав России, определяли его культурную ориентацию. В то же время, нельзя не отметить, что донским казакам была знакома и традиция юго-западных земель, как благодаря паломничеству в Киево-Печерскую лавру, служению на Дону монахов (Монастырский городок – 1622–1637),

так и соседству с запорожскими казаками («черкасами»), селившимися в низовых донских городках. Таким образом, несмотря на безусловный приоритет Москвы и русских духовных ценностей в начальный период на Дону объективно существовала возможность выбора модели развития певческой культуры.

Второй – охватывает вторую половину XVIII – 30 гг. XIX века. Он характеризуется развитием сети церковных приходов, организацией школьного образования и становлением форм профессионального хорового исполнительства. К этому времени на территории ОВД функционируют два профессиональных хоровых певческих коллектива – Войсковой и Архирейский хоры, а в невойсковом городе Таганроге появляется Придворная певческая капелла. Хоровое пение на этом этапе сохраняет свое прикладное значение, являясь компонентом богослужения и военной жизни. К достижениям этого этапа можно отнести формирование системы школ, обучающих пению и подготовку певчих для церковных и армейских хоров.

Третий этап – 30–80-е гг. XIX века – отмечен бурным ростом числа вновь возводимых храмов и открытием по решению Войскового правления новых школ. Эти явления стали возможны благодаря законодательным инициативам центральной власти (Указу императора и Святейшего Синода 1858 г.), разрешившей постройку церквей по усмотрению местных властей и на их же средства. Кроме того, открывшаяся в 1868 г. Духовная семинария впервые обеспечивает ОВД священниками – донскими уроженцами. Достигнута, наконец, столь ожидаемая независимость в кадровом отношении от соседних епархий. В 1876 г. открывается Учительская семинария, позволившая иметь собственный центр подготовки педагогических кадров.

К этому же периоду относится формирование хоров и оркестров (певческих и музыкантских) в казачьих полках. Разрешение военного ведомства принимать на службу в качестве регентов и капельмейстеров вольнонаемных, усилило приток на территорию Области войска Донского квалифицированных музыкантов не казачьего происхождения.

Последний, четвертый этап – конец 80-х гг. XIX – 1920 г. – выделяется, благодаря развитию новых тенденций в музыкальной культуре края. Свое завершение и полное оформление

получает процесс развития системы образования. К концу XIX века на Дону существуют школы всех возможных типов (казацки, Министерства народного просвещения, церковно-приходские; гимназии во всех окружных станицах и городах), военные, духовные и реальные училища. В упомянутых учебных заведениях преподавалось пение, и существовали хоры. Единой была и методика обучения детей.

В этот период на Дону начинают активную работу ежегодные курсы церковного пения для учителей и руководителей «общественных» хоров. В 1890 г. в Новочеркасске впервые были проведены Всероссийские регентские курсы. Столица Войска Донского стала третьим, после Киева и Москвы, городом, организовавшим столь важное для развития хорового дела мероприятие. Все это свидетельствует о внимании военного и гражданского правительства к хоровому делу и заботе о повышении уровня певческого мастерства. Особой интенсивностью отмечена деятельность многочисленных любительских хоров, существовавших при образовательных учреждениях всех ведомств. Заметно оживилась и концертная и музыкально-театральная жизнь. Здесь основную роль играли отчетные концерты учебных заведений (Донского Мариинского института, Новочеркасской, окружных и других гимназий) и любительских объединений, а также гастролирующие коллективы и солисты.

По почину московских хоров, прежде всего Синодального, с 80-х гг. XIX в. начинается концертное исполнение духовных песнопений и сочинений. В начале XX века в практику больших донских храмов, в том числе и станичных, входит исполнение за богослужением сочинений русских композиторов – Литургии Иоанна Златоуста П. И. Чайковского, Всенощного бдения С. В. Рахманинова.

Объективным показателем развития какой-либо отрасли искусства является наличие критики. Рецензии на хоровые концерты, статьи по проблемам певческого образования появляются в донской периодике вскоре после создания в Донских войсковых ведомостях¹ неофициальной части (1852), но обычными они становятся для донских изданий в 80–90-е гг. XIX в.

---

¹ В связи с переименованием территории ВД в Область войска Донского, газета получила название «Донские областные ведомости».

О высоком уровне певческой культуры на Дону в конце XIX – начале XX века свидетельствует, например, возможность создания хора для проведения разового мероприятия, и сводных хоров по случаю торжеств. Подобная практика подразумевала наличие большого числа певчих, обладавших мастерством, воспитанных по одной методике и способных быстро осваивать неизвестные ранее произведения.

Сложившуюся донскую хоровую певческую школу представляли в эмиграции многочисленные донские казачьи хоры, два из которых – Платовский п/у Н. Ф. Кострюкова и Донской казачий п/у С. А. Жарова – стали прославленными, получившими мировую известность. С их деятельностью связаны, в первую очередь, представления об эталонном «донском» стиле хорового пения, которым восторгались Европа и Америка.

Материал исследования позволяет сделать некоторые выводы о протекании процесса развития хорового искусства в ОВД в сравнении с другими регионами России.

Войско Донское, являясь самым старым из всех существовавших до первых десятилетий XX века (старшинство официально установлено с 1570 г.), прежде всех развило на своей территории сеть школ и поддерживало обучение церковному пению казачьих детей. Ранее других войсковых центров и русских губерний здесь появляется первый профессиональный певческий коллектив, подчинявшийся не церковной, а военной власти.

В Войсковом певческом и музыкантском хорах получали необходимую подготовку певчие и музыканты, которые по выходе в отставку (или «спадении с голоса») занимали должности регентов и капельмейстеров частных капелл донских дворян, церковей ОВД и российских губерний. При них же, как правило, существовали школы для обучения музыкальному искусству (пению и игре на инструментах) детей. Это создало предпосылки бурного развития хорового исполнительства в последней четверти XIX – начале XX в.

Если существовавшие во всех центрах епархий архиерейские хоры служили пропагандистами духовной хоровой музыки, то войсковые коллективы знакомили публику концертных

залов, садов, парков с сочинениями русских и европейских композиторов светской направленности.

Профессиональное хоровое исполнительство было той сферой, в которой активно протекали интеграционные процессы. Именно в ней, стремившаяся во всем к автономии и самодостаточности Область войска Донского, в наибольшей мере была интегрирована в музыкальную культуру Юга России. Прочные музыкальные связи с южными и юго-западными губерниями (Белгородской, Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской, Полтавской и Харьковской) установились благодаря тому, что в течение 70-х гг. XVIII – первой половины XIX века выходцы из них составляли значительную часть певчих и регентов Донской Войсковой капеллы и Архиерейского хора.

Все перечисленное выгодно отличало Область войска Донского, как и другие войсковые области, от большинства провинциальных российских губерний.

До середины XIX в. хоровое пение, наряду с военной музыкой, были основными формами музыкального искусства, культивировавшимися в Войске Донском и городах-крепостях Приазовья. Однако сфера применения первого была значительно шире, что во многом и определило его ведущую роль в развитии музыкальной культуры. Знакомству с русскими и западноевропейскими шедеврами оперного искусства жители Дона также обязаны не столько гастролирующим труппам и солистам, сколько певческим коллективам, исполняющим сцены и хоры из них.

Как очевидно из проведенного исследования на Дону сложились, прежде всего, традиции исполнительства, образования, но гораздо скромнее были опыты хорового композиторского творчества. Они ограничивались переложениями известных сочинений, аранжировками казачьих песен (Н. Н. Голубинцев, Р. А. Хрещатицкий, А. М. Листопадов), а также немногочисленными опытами духовных и светских сочинений регентов М. Д. Ерхана, И. Я. Жихора, В. С. Костенко, А. М. Листопадова, Ф. И. Попова (о композиторах-регентах см.: [Шадрина, 2014]).

Хоровое искусство на Дону к концу XIX века достигло значительных успехов во всех его видах, характерных для русской культуры того времени – церковном и светском (военном и гражданском). Творчески осваивая традиции русского певческого искусства, донское хоровое искусство сумела сохранить индивидуальные черты.

Специфический уклад жизни войсковой территории обусловил значительную роль и высокую степень воздействия на формы существования хорового исполнительства военной организации. Это, прежде всего, относится к мужскому пению, которое во всех своих проявлениях развивалось под воздействием хоровой регентской практики. Благодаря этому фольклорная певческая традиция, определяющим началом которой была мужская составляющая, несмотря на существование и развитие по своим внутренним законам, все же не была совершенно обособленной.

Таким образом, можно утверждать, что именно хоровому пению, развившемуся во второй половине XIX века в полнокровную ветвь искусства, принадлежала особая выдающаяся роль в развитии музыкальной культуры Дона.

Библиографический список

- Агафонов, 1971 – *Агафонов, А. И.* Заселение и хозяйственное освоение Области войска Донского и Приазовья в первой половине XIX века // *Дон и степное Предкавказье в XVIII – первой половине XIX в.* – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1971. – С. 38–51.
- Агафонов, 2001 – *Агафонов, А. И.* История донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). – Ростов н/Д : Приазовский край, 2001. – 384 с.
- Агафонов, 1986 – *Агафонов, А. И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1986. – 192 с.
- Адищев, 2001 – *Адищев, В. И.* Музыка в женских институтах России конца XIX – начала XX века (Теория и практика образования) : монография. – М. : ИТОП РАО, 2001. – 116 с.
- Адищев, 2000 – *Адищев, В. И.* Музыкальное воспитание в кадетских корпусах России (конец XIX – начало XX века) : исследование. – М. : ТЦ «Сфера», 2000. – 96 с.
- Акимова-Ершова, 1966 – *Акимова-Ершова, С. В.* Иван Васильевич Ершов : статьи, воспоминания, письма / сост. С. В. Акимова-Ершова / общ. ред. М. О. Янковского. – Л. ; М. : Искусство, 1966. – 400 с., ил.
- Александра I дворец, 1998 – *Александра I дворец* // *Энциклопедия Таганрога* / гл. ред. В. И. Тимошенко. – Таганрог : Антон, 1998. – С. 161.
- Алексеев, 1995 – *Алексеев, А. Д.* Хоровое исполнительство // *Алексеев, А. Д.* Музыкальное исполнительское искусство конца XIX – первой половины XX века. В 2 т. – М. : РАМ им. Гнесиных, 1995. – Т. 1. – С. 279–312.
- Артинский, 1907 – *Артинский, И.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. – Новочеркасск : ОВД типография, 1907. – 469 с.
- Асафьев, 1980 – *Асафьев, Б. В.* О хоровом искусстве : сб. ст. / сост. и коммент. А. Павлова-Арбенина. – Л. : Музыка, 1980. – 216 с.
- Асафьев, 1979 – *Асафьев, Б. В.* Русская музыка: XIX и начала XX века. – 2-е изд. – Л. : Музыка, 1979. – 344 с.

- Асафьев, 1978 – *Асафьев, Б. В.* (И. Глебов). Путеводитель по концертам : словарь наиболее необходимых терминов и понятий. – 2-е изд., доп. – М. : Сов. композитор, 1978. – 200 с.
- Афанасьева, Блюмкина, 1999 – *Афанасьева, Н. С., Блюмкина, М. С.* Из истории музыкального образования в русской провинции XIX века // Келдышевский сборник. Музыкально-исторические чтения памяти Ю. Келдыша. – М. : ГИИ, 1999. – С. 259–271.
- Беленький, 2001 – *Беленький, Г. Л.* От Богатого колодезя ... Ростов-на-Дону: история в датах. – Ростов н/Д : Донской изд. дом, 2001. – 106 с.
- Борисов, 1992 – *Борисов, Г. П.* Музыкальная культура Екатеринодара с начала XIX века по 1920 год : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М. : Ин-т искусствознания, 1992. – 16 с.
- Броневский, 1834 – *Броневский, В. Б.* История донского войска. Описание донской земли и Кавказских минеральных вод. – Ч. 1. История донского войска. – СПб. : Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1834. – 312 с.; Ч. 2. История донского войска. – СПб. : Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1834. – 270 с.; Ч. 3. Описание донской земли, нравов и обычаев жителей. – СПб. : Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1834. – 214 с.
- Вагнер, Владышевская, 1993 – *Вагнер, Г. К., Владышевская, Т. Ф.* Искусство Древней Руси. – М. : Искусство, 1993. – 255 с., ил.
- Вальченко, 2003 – *Вальченко, А. В.* Из истории Донского Архирейского хора (по архивным материалам) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 г. Дикаревские чтения (11). – Краснодар : ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. – С. 86–96.
- Вальченко, 2000 – *Вальченко, А. В.* Из истории Донского Войскового певческого хора // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2000. – С. 87–99.
- Вальченко, 2004 – *Вальченко, А. В.* Из истории Придворной певческой капеллы в Таганроге (1825–1862) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 г. Дикаревские чтения

- (10) / науч. ред.-сост. М. В. Семенцов. – Краснодар : Крайбибколлектор, 2004. – С. 237–248.
- Вальченко, 2000 – *Вальченко, А. В.* Обучение пению в школах Области войска Донского в контексте богослужебной практики XIX века // Православие, традиционная культура, просвещение : сб. науч. ст. / науч. ред.-сост. Н. И. Бондарь, М. В. Семенцов. – Краснодар : КГНТУ Кубанский казачий хор, 2000. – С. 146–155.
- Вальченко, 2002 – *Вальченко, А. В.* Опыт школ Области войска Донского в передаче казачьих традиций (XIX – начало XX в.) // От фольклора до джаза : сб. науч. ст. / ред.-сост. И. М. Шабунова, Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2002. – С. 38–50.
- Вальченко, 2007 – *Вальченко А. В.* Хоровое исполнительство в Ростове-на-Дону (XIX – начало XX века) // Путь в большую науку. К 10-летию Диссертационного совета : сб. ст. / ред. сост. И. П. Дабеева, А. М. Цукер. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2007. – С. 101–121.
- Вальченко, 2004а – *Вальченко, А. В.* Хоровое пение в музыкальной культуре Дона (XVIII – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. – 32 с.
- Вейнберг, 1893 – *Вейнберг, П. И.* Донского войска область // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1893 – Т. 21. – С. 27–32.
- Весь Ростов-на-Дону, 1897 – *Весь Ростов-на-Дону на 1897 г.* Адрес-календарь: торгово-промышленная справочная книга. – Ростов н/Д, 1897.
- Вечеслов, 1908 – *Вечеслов, А. Ф.* Двадцать пять лет (1883–1908) Донского кадетского корпуса. Краткий исторический очерк. – Новочеркасск : ЧДГ, 1908. – 204 с.
- Владышевская, 1975 – *Владышевская, Т. Ф.* Партесный хоровой концерт в эпоху барокко // Традиции русской музыкальной культуры XVIII в. : труды. Вып. 21. – М. : МГМПИ им. Гнесиных, 1975. – С. 72–112.
- Владышевская, 1993 – *Владышевская, Т. Ф.* Русская церковная музыка XI–XVII веков : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М. : МГК им. П. И. Чайковского, 1993. – 47 с.

- Вольман, 1957 – *Вольман, Б. В.* Русские печатные ноты XVIII века. – Л. : Музгиз, 1957. – 294 с.
- Вольман, 1957 – *Вольман, Б. В.* Русские нотные издания XIX – начала XX века. – Л. : Музыка, 1970. – 216 с.
- Воспоминания об Августейшем посещении, 1850 – Воспоминания об Августейшем посещении Земли Войска Доского Его Императорским Высочеством, Государем Наследником Цесаревичем, Атаманом всех казачьих войск. – СПб. : Военная типография, 1850. – 28 с.
- Гарднер, 1978, 1982 – *Гарднер, И. А.* Богослужбное пение русской православной церкви : в 2 т. – Нью-Йорк : Типогр. прп. Иова Почаевского, 1978–1982. – Т. 1: Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. – 1978. – 568 с.; Т. 2: Богослужбное пение русской православной церкви. История. – 1982 – 608 с.
- Герасимова-Персидская, 1988 – *Герасимова-Персидская, Н. А.* Место музыки в отечественной культуре XVII в. // Музыка. Культура. Человек. – Свердловск : УГУ, 1988. – С. 83–96.
- Герасимова-Персидская, 1983 – *Герасимова-Персидская, Н. А.* Партесный концерт в истории музыкальной культуры. – М. : Музыка, 1983. – 288 с., нот.
- Герасимова-Персидская, 1988а – *Герасимова-Персидская, Н. А.* Переход от «знамени» к «киевской квадратной ноте» в музыке Юго-Западной Руси XVI в. // Музыка. Культура. Человек. – Свердловск : УГУ, 1988. – С. 57–64.
- Герасимова-Персидская, 1994 – *Герасимова-Персидская, Н. А.* Русская музыка XVII века – встреча двух эпох. – М. : Музыка, 1994. – 126 с., нот.
- Герасимова-Персидская, 1990 – *Герасимова-Персидская, Н. А.* Смена парадигмы в музыке православной церкви в XVII в. и ее специфика на Украине и в России // Отечественная культура XX в. и духовная музыка : тезисы докладов Всесоюзн. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГК, 1990. – С. 86–87.
- Глебов, 1927 – *Глебов, И.* О ближайших задачах социологии музыки // Г. И. Мозер. Музыка средневекового города / пер. с немецк. под ред. и со вст. ст. Игоря Глебова. – Л. : Кооп. муз. изд. т-во «Тритон», 1927. – С. 7–20.

- Государственная капелла, 1957 – Государственная Академическая капелла им. М. И. Глинки / под ред. А. И. Анисимова. – Л. : Гос. муз. изд-во, 1957. – 172 с.
- Губарев, 1966-1968 – *Губарев, Г. В.* Казачий словарь-справочник: в 3 т. / сост. Г. В. Губарев, ред.-изд. А. И. Скрылов. – Репринтное воспроизведение издания. – М. : ТО Созидание, 1992. – Т. 1: Кливленд. Охайо. США, 1966. – 286 с.; Т. 2: Сан Ансельмо. Калифорния. США, 1968. – 338 с.; Т. 3: Сан Ансельмо. Калифорния. США, 1970. – 344 с.
- Дабаева, 1997 – *Дабаева, И. П.* Донская духовная семинария в годы учебы А. М. Листопадова // Памяти А. М. Листопадова : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – С. 46–59.
- Дабаева, 1997а – *Дабаева, И. П.* Духовные сочинения А. М. Листопадова // Памяти А. М. Листопадова : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – С. 40–46.
- Дабаева, 1999 – *Дабаева, И. П.* Рубежи веков в истории русской духовной музыки // Искусство на рубежах веков : мат-лы конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. – С. 211–228.
- Дабаева, 2001 – *Дабаева, И. П.* Русский духовный концерт в историческом контексте // Двенадцать этюдов о музыке. К 75-летию со дня рождения Е. В. Назайкинского. Его ученики. – М. : МГК, 2001. – С. 7–16.
- Дабаева, 1995 – *Дабаева, И. П.* Музыка современного церковного быта // Бытовая музыкальная культура: История и современность : тезисы докл. науч. конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1995. – С. 77–80.
- Демина, 2013 – *Демина, В. Н.* О богослужебной традиции празднования «викториальных» торжеств (XVIII–XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – С. 49–53.
- Демина, 2013а – *Демина, В. Н.* Певческий канон викториальных торжеств: «Служба благодарственная». Исследование. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовской гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2013. – 176 с.
- Денисова, 1999 – *Денисова, Н. Н.* Из истории казачьей школы на Кубани // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений

- : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. – С. 125–131.
- Довнар-Запольский, 1906 – *Довнар-Запольский, М. В.* Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. – М. : Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1906. – 47 с.
- Долженкова, 1995 – *Долженкова, М.* Церковно-певческое образование как предпосылка развития народного художественного творчества в России // Бытовая музыкальная культура: История и современность : тезисы докл. науч. конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1995. – С. 74–76.
- Донецкий, 1916 – *Донецкий, Т.* Церковь во имя Св. Троицы в г. Новочеркасск // ДЦС. Вып. 4 / под ред. А. А. Кириллова. – Новочеркасск : ЧДТ, 1916. – С. 57–70.
- ДЦС – Донская церковная старина. Вып. 1. – Новочеркасск : ЧДТ, 1906. – 200 с; Вып. 2. – 1909. – 278 с.; Вып. 3. – 1911. – 315 с.; Вып. 4. – 1916. – 320 с.
- Донская казачья энциклопедия, 1994 – Донская казачья энциклопедия Владимира Сидорова. – Ростов н/Д : Изд-во Гефест, 1994. – 512 с., ил.
- Донские дела, 1898 – Донские дела. Кн. 1. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1898. – [7], 30 с., 1006 стб., 36 с. – (Русская историческая библиотека. Издание археографической комиссии, т. 18).
- Донские дела, 1906 – Донские дела. Кн. 2. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1906. – [2], II, 55 с., 1112 стб., 69 с. – (Русская историческая библиотека. Издание археографической комиссии, т. 24).
- Донские дела, 1909 – Донские дела. Кн. 3. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1909. – [2], IV, 56 с., 1022 стб. – (Русская историческая библиотека, издание археографической комиссии, т. 26).
- Донские дела, 1913 – Донские дела. Кн. 4. – СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1913. – [5], 50 с., 974 стб., 975–1013, [1] с. – (Русская историческая библиотека, издание археографической комиссии, т. 29).
- Дубасов, 1884 – *Дубасов, И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Исследование И. И. Дубасова. Вып. 3. – М. : Русская типография, 1884. – 194 с.

- Еременко, 1977 – *Еременко, С. И.* Хоровое искусство Кубани. – Краснодар : Кн. изд-во, 1977. – 144 с.
- Ершов, 1978 – *Ершов, А. И.* Старейший русский хор: Ленинградская государственная академическая капелла имени М. И. Глинки. 1703–1978. – Л. : Сов. композитор, 1978. – 192 с.
- Жадан, 2001 – *Жадан, В. А.* Музыкальная культура Кубани XIX – начала XX столетия: исторический аспект : автореф. дис... канд. исторических наук. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2001. – 29 с.
- Жирмунский, 1979 – *Жирмунский, В. М.* Сравнительно-историческое изучение фольклора // *Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад.* – Л. : Наука, 1979. – С. 185–191.
- Жукова, 2000 – *Жукова, Л. М.* Войсковая певческая капелла во второй половине XVIII – начале XIX века // *Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко.* – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2000. – С. 83–86.
- Знаменский, 2001 – *Знаменский, П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. – СПб. : Летний сад ; Коло, 2001. – 799 с.
- Из истории музыкальной жизни, 1992 – Из истории музыкальной жизни России (XIX–XX вв.). – М. : МГК им. П. И. Чайковского, 1992. – 144 с.
- Из музыкального прошлого, 1965 – Из музыкального прошлого: сб. очерков: в 2 вып. / под ред. Б. С. Штейнпресса. – Вып. 1. – М. : Музгиз, 1960. – 518 с.; Вып. 2. – М. : Музгиз, 1965. – 342 с.
- История Дона, 1973 – История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права) / под ред. А. П. Пронштейна. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1973. – 298 с.
- История Дона: указатель л-ры, 1969 – История Дона : указатель литературы : в 2 ч. – Ростов н/Д : Ростиздат. – Ч. 1. – Дореволюционная литература. – 1968. – 146 с.; Ч. 2. – Советская литература. – 1969. – 350 с.
- История казачества, 1995 – История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – Т. 1. XVI – первая половина XIX века. – 320 с.; Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – 256 с.; Т. 3. XX век – 268 с.

- История л-гв. Казачьего полка, 1995 – История л-гв. Казачьего Е. В. полка. 1775–1813. Ч. 1. / сост. Р. П. Хрещатицкий. – Репринтное воспроизведение издания 1913 г. – Ростов н/Д : МАП Книга, 1995. – 408 с.
- История русской музыки, 1983–1984 – История русской музыки: в 10 т. / под ред. Ю. В. Келдыша, О. В. Левашовой, А. И. Кандинского. – М. : Музыка, 1983–1995. – Т. 1: Древняя Русь XI–XVII века (Автор тома Ю. В. Келдыш). – М. : Музыка, 1983 – 384 с.; Т. 2. Ч. 1. – XVIII век. – М. : Музыка, 1984. – 335 с., ил.
- Историческая записка о Покровской церкви, 1907 – Историческая записка о Покровской церкви в Ростове-на-Дону / сост. протоиерей Л. Крещановский. – 3 изд., испр. и доп. – Ростов н/Д : Тип. Донск. Акцион. об-ва печатн. и издат. дела, 1907. – 100 с.
- Исторический очерк, 1898 – Исторический очерк деятельности Ростовского-на-Дону Петровского реального училища за время с 1873 по 1898 г. – Ростов-на-Дону, 1898.
- Казанцева, 2002 – *Казанцева, М. Г.* Роль музыкальных традиций в патриотическом воспитании учащихся средних учебных заведений г. Екатеринбурга на рубеже XIX–XX вв. // Династия Романовых в истории и культуре России : мат-лы науч.-богосл. конф. – Екатеринбург : Изд-во Академкнига, 2002. – С. 22–40.
- Казанцева, Софронова, 2002 – *Казанцева, М. Г., Сафронова, А. М.* Горнозаводские школы Урала и их роль в развитии музыкальной культуры края в первой половине XVIII в. // Российское государство XVII – начала XX вв.: экономика, политика, культура : тезисы докл. конфер., посвященной 380-летию восстановления российской государственности (1613–1993). 25–28 марта 1993 г. – Екатеринбург, 1993. – С. 63–66.
- Казачий Дон, 1995 – Казачий Дон : очерки истории: в 2 ч. / науч. ред. А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во обл. ИУУ, 1995. – Ч. 1. – 192 с.; Ч. 2. – 208 с.
- Казачьи войска, 1992 – Казачьи войска. Хроники гвардейских казачьих частей : справочная книжка Императорской Главной Квартиры. – Репринтное издание. – [М.] : АО Дорваль, 1992. – 480 с.
- Казьмина, 2000 – *Казьмина, Е. О.* Музыкальная культура Тамбовского края (1786–1917) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2000. – 26 с.

- Калошина, 1993 – *Калошина, Г. Е.* Из истории музыкального театра Дона // *Культура донского края: страницы истории* : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГПИ, 1993. – С. 66–96.
- Карасев, 1902 – *Карасев, А. Н.* Уроки пения. Ч. 1 – пособие для обучения пению в народных церковно-приходских школах и первых классах всех учебных заведений. 15-е изд. – Вятка : Изд. Карасева, 1902. – 44 с.
- Карпенко, 1887 – *Карпенко, Л. И.* Руководство по церковному пению с курсом элементарной теории и очерка гармонии с указателем практических упражнений: Для низших и средних учебных заведений, преимущественно духовных, учителей и церковно-певческих хоров и церковно-приходских школ. – Киев : Типография С. В. Кульженко, 1887. – 114 с., ил.
- Кательников, 1886 – *Кательников, Е. Н.* Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний, 1818 года, декабря 31 дня / Евлампий Кательников; по ред. действит. члена Комитета и. д. секретаря И. П. Попова. Изд. Областного Войска Донского Статистического Комитета. – Новочеркасск : Типография Области Войска Донского, 1886. – 64 с., ил.
- Келдыш, 1988 – *Келдыш, Ю. В.* Музыка // *Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 3.* – М. : Изд-во МГУ, 1988. – С. 345–375.
- Келдыш, 1978 – *Келдыш, Ю. В.* Очерки и исследования по истории русской музыки. – М. : Сов. композитор, 1978. – 510 с.
- Келдыш, 1965 – *Келдыш, Ю. В.* Русская музыка XVIII века. – М. : Наука, 1965. – 464 с.
- Кириллов, 1905 – *Кириллов, А. А.* К истории народного образования на Дону (Главное народное училище на Дону) // *СОВДСК. Вып. 5.* – Новочеркасск : ЧДТ, 1905. – С. 1–15.
- Кириллов, 1904 – *Кириллов, А. А.* К истории народного образования на Дону (Черкасская духовная семинария) // *СОВДСК. Вып. 4.* – Новочеркасск : ЧДТ, 1904. – С. 4–13.
- Кириллов, 1906 – *Кириллов, А. А.* К истории Новочеркасской мужской гимназии (1805) // *СОВДСК. Вып. 6.* – Новочеркасск, ЧДТ, 1906. – С. 160–169.

- Кириллов, 1907 – *Кириллов, А. А.* Материалы по истории народного просвещения на Дону // СОВДСК. Вып. 7. – Новочеркасск : Тип. ОВДСК, 1907. – С. 155–161.
- Кириллов, 1912 – *Кириллов, А. А.* Материалы, относящиеся к церковной жизни донского казачества второй половины XVIII века. – Новочеркасск : ЧДТ, 1912. – 60 с.
- Кириллов, 1911 – *Кириллов, А. А.* Новочеркасский Вознесенский кафедральный собор. – Новочеркасск : ЧДТ, 1911. – 52 с.
- Кириллов, 1906 – *Кириллов, А. А.* О войсковой латинской семинарии // СОВДСК. Вып. 3. – Новочеркасск : ЧДТ, 1902. – С. 27–34.
- Кириллов, 1909 – *Кириллов, А. А.* Открытие Донского епархиального церковно-исторического комитета // ДЦС. – Вып. 1. – Новочеркасск, 1906. – С. 1–9.
- Кириллов, 1912 – *Кириллов, А. А.* Провиденциальное значение наименования укрепления при Богатом источнике крепостью Св. Димитрия Ростовского // Записки Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы. Т. 2. – Ростов н/Д, 1912.
- Кириллов, 1912 – *Кириллов, А. А.* Сообщение о деятельности Донского епархиального церковно-исторического комитета (1904–1912) // ДЕВ. – 1912. – № 12. – С. 272–278; № 15. – С. 361–370.
- Кириллов, 1905 – *Кириллов А. А.* Церковная школа на Дону // ДЕВ. – 1905. – № 5. – С. 111–115; № 9. – С. 178–182; № 11. – С. 231–238.
- Кириллов, 1909 – *Кириллов, А. А.* Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // ДЦС. – Вып. 2 / под ред. А. А. Кириллова. – Новочеркасск : ЧДТ, 1909. – С. 161–208.
- Кириллов, 1905 – [*Кириллов, А. А.*] Новочеркасск. Основание ОВД города и первоначальная история его / сост. А. Кириллов. – Новочеркасск : ЧДТ, 1905. – 58 с.
- Кияшко, 1911 – *Кияшко, И. И.* Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811–1911 годы. Исторический очерк столетия их существования / сост. есаул И. И. Кияшко. – Екатеринодар : Типография Кубанского Областного Правления, 1911. – 136 с.
- Ковалева, 2002 – *Ковалева, В. М.* Музыкальное образование в России в конце XVII – первой четверти XVIII столетия: историко-педагогический аспект : автореф. дис... канд. педагогических наук. – М. : Московский Пед. гос. ун-т, 2002. – 24 с.

- Ковалева, 1993 – *Ковалева, Л. П.* Фортепианное исполнительство и педагогика в Ростове // *Культура донского края: страницы истории* : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГПИ, 1993. – С. 57–65.
- Ковальский, Брехуненко, 1989 – *Ковальский, И. П., Брехуненко, В. А.* О связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века (по документам Разрядного приказа) // *Известия СКНЦ ВШ ОН.* – 1989. – № 2. – С. 68–75.
- Конотоп, 1996 – *Конотоп, А. В.* Русское строчное многоголосье. Текстология, стиль, культурный контекст : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М. : ГИИ, 1996. – 57 с.
- Коноплева, Цымбал, 1998 – *Коноплева, Е. П., Цымбал, А. А.* Таганрог в эпоху Александра I // *Энциклопедия Таганрога* / гл. ред. В. И. Тимошенко. – Таганрог : Антон, 1998. – С. 62–72.
- Королев, 1999 – *Королев, В. Н.* Донские казаки XVII–XVIII вв. Походы, кругозор и просвещение // *Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А. П. Пронштейна)* / отв. ред. И. М. Узнародов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1999. – С. 92–112.
- Королев, 1999а – *Королев, В. Н.* Донские казачьи городки // *Донская археология.* – 1999. – № 1 (2). – С. 5–23.
- Королев, 1989 – *Королев, В. Н.* К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI веках // *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках* / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1989. – С. 122–128.
- Королев, 1991 – *Королев, В. Н.* По край было моря синего... (Страницы из морской истории казачества) // *Богатый колодезь : историко-краеведческий альманах.* – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1991. – С. 139–155.
- Кострюков, 1910 – *Кострюков, И. Т.* Новочеркасское казачье юнкерское училище. Краткие исторические записки (1869–1910). – Новочеркасск : Типография В. Н. Бабенко, 1910. – 81 с.
- Краснов, 1900 – *Краснов, П. Н.* Атаманская памятка. Краткий очерк истории Л.-гв. Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича полка. 1775–1900. – СПб. : Тип. Исидора Гольберга, 1900. – 270 с., ил., карта.

- Краснянский, 1912 – *Краснянский, М. Б.* Историческая литература о Ростове-на-Дону: Опыт библиографии местной истории. – Ростов н/Д, 1912. – С. 244–255.
- Краснянский, 1912а – *Краснянский, М. Б.* Культурная жизнь старого Ростова. Исторические разыскания по данным Ростовского-на-Дону музея // Записки Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы. Т. 1. – Ростов н/Д, 1912. – С. 61–71.
- Краткие исторические сведения, 1898 – Краткие исторические сведения об установлении должности церковных певцов // Руководство для сельских пастырей. – 1898. – № 50. – С. 343–348.
- Краткий отчет, 1894 – Краткий отчет по Ростовскому-на-Дону техническому железнодорожному училищу при Владикавказской железной дороге за 1893-94 учебный год. – Ростов н/Д, 1894.
- Крестная ноша, 1994 – Крестная ноша / сост. В. Сидоров // Трагедия казачества : сб. / ред.-сост. Л. Барыкина. – М. : Молодая гвардия, АО Деловой центр, 1994. – 606 с. – (Б-ка истории казачества).
- Куликова, 1993 – *Куликова, Г. Н.* Из истории культового зодчества Дона в конце XVII – начале XX века // Культура донского края: Страницы истории : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГПИ, 1993. – С. 114–128.
- Лаврский: 1991 – *Лаврский, Н.* Черкасск и его старина. – М. : Издание «Искусство и жизнь». – Репринтное издание 1917 г. – Ростов н/Д : Памятники отечества, 1991. – 40 с.
- Лащенко, 1999 – *Лащенко, С. К.* Музыкальная публика русской провинции (по материалам «Русской музыкальной газеты» 1890–1910-х гг.) // Келдышевский сборник. Музыкально-исторические чтения памяти Ю. Келдыша. – М. : ГИИ, 1999. – С. 252–258.
- Лебедева, 1985 – *Лебедева, А. В.* Хоровая культура // История русской музыки: в. 10 т. Т. 3. XVIII век. Ч. 2 / ред. Ю. В. Келдыш, О. В. Левашева, А. И. Кандинский. – М. : Музыка, 1985. – С. 111–160.
- Лебедева-Емелина, 1993 – *Лебедева-Емелина, А. В.* Русская хоровая культура второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М. : Рос. ин-т искусствознания, 1993. – 31 с.
- Лебедева-Емелина, 2000 – *Лебедева-Емелина, А. В., Левашев, Е. М.* Русская музыка второй половины XVIII века в контексте ритуалов

- и церемониалов, празднеств и развлечений // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. / ред.-сост. Е. В. Дуков. – СПб. : Дм. Буланин, 2000. – С. 43–68.
- Левашев, 1994 – *Левашев, Е. М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. Исторический очерк. Нотография, библиография. – М. : ТехноИнфо, 1994. – 106 с.
- Леонов, Палкина, 1999 – *Леонов, В. А., Палкина, И. Д.* Ростов и Новочеркасск XIX века. Хроника музыкального исполнительства. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. – 168 с.
- Ливанова, 1952–1953 – *Ливанова, Т. Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: Исследования и материалы : в 2 т. – М. : Музгиз, 1952–1953. – Т. 1. – 536 с.; Т. 2. – 476 с.
- Лишин, 1891, 1894 – [*Лишин, А. А.*] Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным: в 3 т. 4 кн. – Новочеркасск : Изд. обл. прав. ВД. – Т. 1. – 1891. – 321 с.; Т. 2. Ч. 1. – 1894. – 368 с.; – Т. 2. Ч. 2. – 1894. – 369 с.; Т. 3. – 1894. – 440 с.
- Лотман, 1994 – *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). – СПб. : Искусство, 1994. – 398 с., ил.
- Лотман, 2000 – *Лотман, Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX в.). – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 13–346. – (Сер. Язык. Семиотика. Культура).
- Малаховский, 1997 – *Малаховский, Е. И.* Храмы Ростова-на-Дону. Христианские имена на карте города // Донской временник. 1998 г. – Ростов н/Д : ДГПБ, 1997. – С. 88–96.
- Мартынов, 1994 – *Мартынов, В. И.* История богослужебного пения : учебное пособие. – М. : РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. – 240 с.
- Мартынов, 2000 – *Мартынов, В. И.* Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси. – М. : Прогресс – Традиция, Русский путь, 2000. – 224 с., ил.
- Материалы для описания, 1880 – Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви

- и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып. 2. – Екатеринбург, 1880. – 373 с.
- Металлов, 1995 – *Металлов, В.* протоиерей. Очерк истории православного церковного пения в России. – Репринтное изд. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 160 с.
- Металлов, 2002 – *Металлов, В. М.* Синодальные, бывшие патриаршие певчие // Русская духовная музыка в документах и материалах. – Т. 2. Кн. 1: Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования. Документы. Периодика / сост., вступ. ст. и ком. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 51–98. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Мещерякова, 1993 – *Мещерякова, Н. А.* Музыкальная жизнь до-революционного Таганрога в зеркале местной прессы (70-е гг. XIX в.) // Культура донского края: Страницы истории : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГПИ, 1993. – С. 5–25.
- Мещерякова, 1988 – *Мещерякова, Н. А.* Музыкальная культура Дона и Приазовья по материалам местной прессы (1870–1917) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Л., 1988. – 23 с.
- Мжельская, 2002 – *Мжельская, М. В.* Формирование хоровой исполнительской и музыкально-театральной культуры в Самаре (середина XIX – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб. : С.-Петербург. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2002. – 22 с.
- Мининков, 1998 – *Мининков, Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). / отв. ред. В. Н. Королев. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1998. – 512 с.
- Мининков, 1992 – *Мининков, Н. А.* Донское казачество на заре своей истории : учебное пособие. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1992. – 168 с.
- Мирошниченко, 1999 – *Мирошниченко, С. И.* Становление хорового исполнительства на Южном Урале : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Магнитогорск : Магнитогорская гос. консерватория, 1999. – 23 с.
- Мозер, 1927 – *Мозер, Г. И.* Музыка средневекового города. Пер. с нем. / под ред. Игоря Глебова. – Л. : Тритон, 1927. – 74 с.

- Музыкальная эстетика, 1973 – Музыкальная эстетика России, 1973 – Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков / сост., пер. и вступ. ст. А. И. Рогова. – М. : Музыка, 1973. – 248 с.
- Музыкальный Петербург, 2000–2002 – Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь / отв. ред. А. Л. Порфирьева. – Т. 1. Кн. 1: А–И. – СПб. : Изд-во Композитор–СПб, 2000. – 416 с.; Т. 1. Кн. 2: К–П. – СПб., 1998. – 502 с.; Т. 1. Кн. 3: Р–Я. – СПб., 2000. – 328 с.; Т. 1 Кн. 4: Синхронические таблицы. – СПб., 2001. – 278 с.; Т. 1. Кн. 5: Рукописный песенник XVIII века. – СПб., 2002. – 312 с.
- Назарова, 2002 – Назарова, Г. С. Народное образование в Области войска Донского на рубеже XIX–XX вв. // Исторические этюды. Вып. 5. Памяти Ю. В. Кнышенко (1921–1990 гг.) : сб. ст. / под ред. проф. И. М. Узнародова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2002. – С. 146–148.
- Настольная книга, 1904 – Настольная книга по народному образованию : в 4 т. Т. 3. / сост., ред. Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуский. – СПб. : Типо-литография Б. М. Вольфа. – 1904. – С. 1539–2623. – (Издание Товарищества «Знание».)
- Наумов, 1909 – Наумов, А. Романовской станицы Михайло-Архангельская церковь и приход ее // ДЦС. – Вып. 4 / под ред. А. А. Кириллова. – Новочеркасск : ЧДТ, 1909. – С. 27–57.
- Новочеркасск и Платовская гимназия, 1997 – Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах: в 3 т. – М. : Наука, 1997. – Т. 2. – 272 с.
- Номикосов, 1884 – [Номикосов, С.] Статистическое описание Области войска Донского. Составил член-секретарь ОВДСК коллежский советник Семен Номикосов. – Новочеркасск : Печ. в Областного войска Донского Тип., 1884. – 761 с.
- Отчет ДЕУС, 1896 – Отчет Донского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты Донской епархии за 1894–95 учебный год. – Новочеркасск : Донская типография, 1896. – 152 с., табл.
- Отчет о состоянии начальных училищ, 1901–1902 – Отчет о состоянии начальных училищ Ростовского-на-Дону городского общественного управления за 1901–1902 учебный год. – Ростов н/Д, 1902.

- Отчеты о деятельности, 1899–1904 – Отчеты о деятельности общества содействия народному образованию в ОВД. – Новочеркасск : ОВД тип. 1899–1904.
- Отчеты о состоянии, 1888–1900 – Отчеты о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Донской епархии. – Новочеркасск : ЧДТ, 1888–1900 учебные годы.
- Очерки русской культуры, 1987 – Очерки русской культуры XVIII века. Т. 2 / гл. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 408 с.
- Очерки русской культуры, 1990 – Очерки русской культуры XVIII века. Т. 3 / гл. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 393 с.
- Очерки русской культуры,, 1990а – Очерки русской культуры XVIII века. Т. 4 / гл. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 382 с.
- Очерки русской культуры, 2002 – Очерки русской культуры XIX века. Т. 6. Художественная культура. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 496 с.
- Палкина, 2001 – *Палкина, И. Д.* Музыкальное исполнительство в Ростове и Новочеркасске. XIX в. (Источниковедение. История): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2001. – 24 с.
- Памятная книжка ВД; ОВД – Памятная книжка ВД на 1866. – Новочеркасск, ДВ стат. комитет, 1866. –182 с;; 1868 (на 1868 г.). – 301 с.; Памятная книжка ОВД на 1876 г. – Новочеркасск, Тип. ОВД, 1876. – 241 с.; 1877 (на 1877 г.). – 318 с.; 1885 (на 1885 г.). – 226 с.; 1892 (на 1892) г. – 427 с.; 1893 (на 1893–1894 гг.). – 532 с.; 1894 (на 1895 г.). – 399 с.; 1896 (1896 г.). – 397 с.; 1897 (на 1897 г.). – 379 с.; 1900 (на 1900 г.) – 853 с.; 1903 (на 1903 г.) – 645 с.; 1904 (на 1904 г.). – 582 с.; 1905 (на 1905 г.). – 612 с.; 1905 (на 1906 г.). – 653 с.; 1907 (на 1907 г.). – 622 с.
- Панченко, 2000 – *Панченко, А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 11–261. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Парфентьев, 1986 – *Парфентьев, Н. П.* Из истории профессиональных хоров в России (XVI–XVII вв.) // Русская хоровая музыка XVI–XVIII веков : сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 83. – М. : ГМПИ им. Гнесиных, 1986. – С. 100–117.

- Парфентьев, 1991 – *Парфентьев, Н. П.* Профессиональные музыканты Российского государства XVI–XVII веков: Государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и поддьяки. – Челябинск : Изд-во Книга, 1991. – 444 с.
- Первая школа в Ростове-на-Дону, 1910 – Первая школа в Ростове-на-Дону. К столетию первого мужского 2-х классного приходского училища (1810–1910): Исторический очерк / сост. И. Романченко. – Ростов н/Д, 1910.
- Переселенков, 1904 – *Переселенков, С. А.* К истории Новочеркасской мужской гимназии // СОВДСК. Вып. 4. – Новочеркасск : ЧДТ, 1904. – С. 132–139.
- Песни донских казаков, 1911 – Песни донских казаков, собранные в 1902–1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным. Вып. 1 / обработка для печати А. М. Листопадова / Издание Войска Донского. – М. : Нотопечатня П. Юргенсона, 2011. – 152 с., с ил. 1 л. карт.
- Петров, 1909 – *Петров, В.* Александро-Невская г. Новочеркасская церковь // ДЦС. – Вып. 2 / под ред. А. А. Кириллова. – Новочеркасск : ЧДТ, 1909. – С. 25–96.
- Петров, 1915 – *Петров, В.* Александро-Невская города Новочеркасская церковь. Историческое описание, сост. протоиереем В. Петровым // ДЦС. – Вып. 4. – Новочеркасск : ЧДТ, 1915. – С. 17–26.
- Петровская, 1983 – *Петровская, И. Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. – М. : Музыка, 1983. – 215 с.
- Петровский, б. г. – *Петровский, А.* Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным (1738–1916). – Репринтное издание (из фондов ГАРО). – Ростов н/Д : Памятники отечества, [б. г.]. – 40 с.
- Повесть об Азовском осадном сидении, 1985 – Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. – Л. : Лениздат, 1985. – С. 430–466.
- Позднеев, 1997 – *Позднеев, А. В.* Гимназия // Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. Т. 2. – М. : Наука, 1997. – С. 16–172.

- ПСПР ВПИ, 1876 – Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 4. 1724 – 28 января 1725 г. – СПб. : Синодальная типография, 1876. – 394 с.
- Положение и штаты, 1873 – Положение и штаты о войсковых музыкантском и певческом хорах в Войске Донском // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т 8. Ч. 1: С 1 января по 1 июля 1872 г. – СПб. : Тип. Г. Шредер, 1873. – С. 128–133.
- Положение об управлении ВД, 1835 – Положение об управлении Войском Донским. Ч. 1, 2 и 3 с приложенными к наказу гражданского управления штатами и общими приложениями. – СПб. : Воен. тип., 1835. – VIII, 544 с.
- Полоцкая, 2002 – *Полоцкая, Е. Е.* Профессиональное музыкальное образование в Древней Руси // Бражниковские чтения : тезисы науч. конф. – СПб. : СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова, 2002. – С. 46–48.
- Полунов, 2010 – *Полунов, А. Ю. К. П.* Победоносцев в политической и духовной жизни России. – М. : РОССПЭН, 2010. – 374 с.
- Попов, 1905 – *Попов, Х. И.* Материалы по истории народного просвещения на Дону // СОВДСК. Вып. 5. – Новочеркасск : ЧДТ, 1905. – С. 133–164.
- Походные и путевые журналы, Б. м., б. д. – Походные и путевые журналы императора Петра I, 1696 г., изданные по современному списку. – Б. м., б. д.
- Православный месяцеслов, 1992 – Православный месяцеслов: Церковный календарь. – М. : Изд-во Трим, 1992. – 128 с.
- Празднование на Дону, 1903 – Празднование на Дону 300-летия царствования дома Романовых. – Новочеркасск : ЧДТ, 1903. – 29 с.
- Программы, 1910 – Программы общих и специальных классов, состоящего в ведении министерства торговли и промышленности Ростовского-на-Дону восьмиклассного коммерческого училища купеческого общества – Ростов н/Д : Тип. Товарищества Павлова и Славгородского, 1910. – 111 с., табл.
- Пронштейн, 1961 – *Пронштейн, А. П.* Земля донская в XVIII в. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1961. – 376 с.

- Протопопов, 1973 – *Протопопов, В. В.* Музыка Петровского времени о победе под Полтавой // Памятники древнерусского певческого искусства. Вып. 2. – М. : Музыка, 1973. – С. 214–230.
- Протопопов, 2000 – *Протопопов, В. В.* Русское церковное пение. Опыт библиографического указателя. От середины XVI века по 1917 г. – М. : Музыка, 2000. – 140 с.
- Протопопов, 1990 – *Протопопов, В. В.* Историческое значение партесного стиля // Отечественная культура XX века и духовная музыка: Тез. докл. Всесоюзн. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГК, 1990. – С. 84–85.
- Пружанский, 1991, 2000 – *Пружанский, А. М.* Отечественные певцы. 1750–1917. Словарь: в 2 ч. – Ч. 1. – М. : Сов. композитор, 1991. – 482 с.; Ч. 2. – М. : Композитор, 2000. – 393 с.
- ПСЗРИ – Полный свод законов Российской империи. – СПб. : Книгоиздательство фирма Д. В. Чичинадзе, 1904. – Т. 63. – № 45615.
- Разумовский, 2002 – *Разумовский, Д. В.* Патриаршие певчие дьяки и поддьяки // Русская духовная музыка в документах и материалах. – Т. 2. Кн. 1: Синодальный хор и училище церковного пения: Исследования. Документы. Периодика / сост., вступ. ст. и ком. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 24–44. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Разумовский, 2004 – *Разумовский, Дм.* Церковное пение в России. Отд. 3. О партесном пении в Русской церкви // Муз. академия. – 2000. – № 4. – С. 43–60.
- Рахманова, 2000 – *Рахманова, М. П.* К истории духовных концертов в Москве // Теоретические концепции XX века: Итоги и перспективы отечественной музыкальной науки : мат-лы Всерос. науч. конф. / сост. и ред. Б. А. Шиндин. – Новосибирск : Гос. конс. им. М. И. Глинки, 2000. – С. 244–264.
- Рахманова, 1997 – *Рахманова, М. П.* Духовное пение в русском зарубежье // Искусство XX века: Уходящая эпоха : сб. ст. Т. 2. – Н.-Новгород : НГК, 1997. – С. 48–66.
- Рахманова, 1998 – *Рахманова, М. П.* Русская пустынь среди Парижа (о Сергиевском хоре под управлением М. М. Осоргина // Религия и искусство : мат-лы науч. конф. – М. : ГИТИС, 1998. – С. 279–286.

- Ригельман, 1992 – *Ригельман, А. И.* История о донских казаках / текст, коммент. и словарь подг. Б. Н. Проценко. – Ростов н/Д : Ростиздат, 1992. – 224 с.
- Ригельман, 1918 – *Ригельман, А. И.* Ростов-на-Дону 150 лет назад. Ведомость и географическое описание крепости Св. Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по Указу Правительствующего Сената 1768 г. – Ростов н/Д, 1918. – 66 с.
- Римский, 1994 – *Римский, С. В.* Казачество и православие // *Дон.* – 1994. – № 1. – С. 205–221.
- Римский, 2000 – *Римский, С. В.* Основные этапы развития церковно-приходской школы Донской епархии // *Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко.* – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2000. – С. 17–22.
- Римский, 1998 – *Римский, С. В.* Православная церковь и государство в XIX в. Донская епархия: от прошлого к настоящему. – Ростов н/Д : Ростиздат, 1998. – 336 с.
- Робуш, 1971 – *Робуш, С. С.* О народном образовании в ОВД // *ТОВДСК.* – Вып. 1. – Отд. 1. – Новочеркасск, 1867. – С. 119–137.
- Романовский, 1971 – *Романовский, Н. В.* Из прошлого русской хоровой культуры / Н. В. Романовский // *Хоровое искусство.* Вып. 2. – Л. : Музыка, 1971. – С. 69–79.
- Романченко, 1898 – *Романченко, И. С.* Итоги народного образования в городе Ростове-на-Дону (1761–1870). С кратким очерком народного образования в Ростовском-на-Дону уезде и Таганрогском градоначальстве: Исторические справки. С планом города Ростова-на-Дону (1781–1798). – Ростов н/Д : Типография П. П. Караяни, 1898. – 168 с.
- Россия, 1991 – *Россия : энциклопедический словарь.* – Л. : Лениздат, 1991. – 922 с, ил.
- Рудиченко, 2003 – *Рудиченко, Т. С.* Динамика отношений хоровой и ансамблевой традиции пения на Дону // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 г. Дикаревские чтения (9).* – Краснодар : Изд-во Крайбибколлектор, 2003. – С. 101–110.

- Рудиченко, 2004 – *Рудиченко, Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии / отв. ред. О. А. Пашина. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. – 512 с.
- Рудиченко, 2004а – *Рудиченко, Т. С.* Европейская танцевальная музыка в быту сельского и городского населения Дона // Старинная музыка сегодня : сб. науч. ст. / отв. ред. А. М. Цукер. – Ростов н/Д : Изд-во РГК, 2004. – С. 182–192.
- Рудиченко, 2008 – *Рудиченко, Т. С.* Культура казачества в контексте становления российского государства // Казачество Юга России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. Вып. 2. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 53–61.
- Рудиченко, 1995 – *Рудиченко, Т. С.* Певческая традиция донских казаков: к проблеме самобытности : дис. ... канд. искусствоведения. – Ростов н/Д : РГК им. С. В. Рахманинова, 1995. – 240 с.
- Рудиченко, 2002 – *Рудиченко, Т. С.* Политика Романовых в отношении казачества и становление профессиональной художественной культуры на Дону // Династия Романовых в истории и культуре России : мат-лы науч.-богосл. конф. – Екатеринбург : Изд-во Академкнига, 2002. – С. 123–133.
- Рудиченко, 2000 – *Рудиченко, Т. С.* Традиции богослужебного пения и становление казачьей песни // Православие, традиционная культура, просвещение : сб науч. ст. / науч. ред.-сост. Н. И. Бондарь, М. В. Семенцов. – Краснодар : КГНТУ Кубанский казачий хор, 2000. – С. 140–146.
- Рудиченко, 2013 – *Рудиченко, Т. С.* Хоровое исполнительство казаков // Живая старина. – 2013. – № 1 (76). – С. 7–10.
- Рудиченко, 2007 – *Рудиченко, Т. С.* Церковная и народная культура: проблемы взаимодействия // Путь в большую науку. К 10-летию диссертационного совета : сб. ст. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2007. – С. 170–180.
- Русская духовная музыка, 1998 – Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1: Синодальный хор и училище церковного пения. Воспоминания. Дневники. Письма / сост., вступ. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 682 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Русская духовная музыка, 2002 – Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 2. Кн. 1: Синодальный хор и учи-

- лище церковного пения. Исследования. Документы. Периодика / сост., вступ. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 679 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Русская духовная музыка, 2002а – Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 3: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников. 1861–1918. Поместный Собор Русской православной церкви 1917–1918 годов / сост., вступ. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 903 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Русская хоровая культура, 1995 – Русская хоровая культура : История. Традиции. Современные проблемы : сб. науч. трудов / отв. ред. П. А. Подболотов. – СПб. : Санкт-Петербургская гос. академия культуры, 1995. – 187 с.
- Рыбко, 2001 – *Рыбко, С. Н.* Церковно-приходские школы в системе народного образования на Кубани (в нач. XIX – кон. XX в.) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год. Дикаревские чтения (7). – Краснодар : Изд-во Крайбибколлектор, 2001. – С. 142–147.
- Рыжкова, 2002 – *Рыжкова, Н. В.* К вопросу о казачьей культуре // Исторические этюды. Вып. 5. Памяти Ю. В. Кнышенко (1921–1990 гг.) : сб. ст. / под ред. проф. И. М. Узнародова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2002. – С. 154–156.
- Рыжкова, 2000 – *Рыжкова, Н. В.* Религиозность как черта ментальности донских казаков // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе : сб. науч. ст. / ред.-сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 2000. – С. 108–115.
- СОВДСК – Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 1. – Новочеркасск : ЧДТ, 1901. – 156 с.; вып. 2. – 154 с; вып. 3. – 1902. – 170 с., ил.; вып. 4. – 1904. – 160 с., ил.; вып. 5. – 1905. – 148 с., ил.; вып. 6. – 1906. – 218 с., портр., схем.; вып. 7. – 1907. – 156 с.; вып. 8. – 1908. – VII с., 166 с., портр.; вып. 9. – 1909. – 198 с., ил., нот.; вып. 11. – 1912. – 152 с., табл.; вып. 12. – 1914. – 202 с., ил.

- Сборник постановлений МНП, 1864 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. (царствование императора Николая I, 1825–1855 г.). – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1864. – Разд. пагинация. 1352 стб., с. 105, 47.
- Селицкая, 1993 – Селицкая, И. Я. Музыкальная критика на страницах газеты «Приазовский край» (1910–1915) // Культура донского края: Страницы истории : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РПИ, 1993. – С. 26–37.
- Ситько, 2000 – Ситько, Р. М. История становления и развития образования на Юге России. – Ростов н/Д : Малыш, 1997. – 95 с., ил.
- Ситько, 2000а – Ситько, Р. М. Университетское образование на Юге России. – Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2000. – 332 с.
- Сковикова, 1997 – Сковикова, Е. Г. Музыкально-театральная жизнь Симбирска конца XVIII – начала XX века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб. : Санкт-Петербургская госуд. конс., 1997. – 16 с.
- Смоленский, 1998 – Смоленский, С. Воспоминания. Глава IX. Придворная певческая капелла: Фрагменты // Музыкальная Академия. – 1998. – № 2. – С. 156–164.
- Смолич, 1996 – Смолич, И. К. История русской церкви (1700–1917). В 2 ч. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. – Ч. 1. – 1996. – 700 с.; Ч. 2. – 1997. – 800 с. – (История русской церкви).
- Смолич, 1996 – Смолич, И. К. Преподавание религии в светских школах // Смолич И. К. История русской церкви (1700–1917). В 2 ч. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. – Ч. 2. – 1997. – С. 86–115. – (История русской церкви).
- Справка об изменении, 1989 – Справка об изменении административно территориального деления Дона с XVIII века до 1920 г. // Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. 1 (Донская область 1920–1924 гг.) : Справочник. – Ростов н/Д : ГАРО, 1989. – С. 211–217.
- Старочеркасск и его достопримечательности, 1870 – Старочеркасск и его достопримечательности // ДЕВ. – 1870. – С 170; 207; 251; 272.

- Сухоруков, 1991 *Сухоруков, В. Д.* Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкаске // Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1991. – С. 99–108.
- Сухоруков, 1892 – *Сухоруков, В. Д.* Общежитие донских казаков в XVII–XVIII столетиях: Исторический очерк / предисл. И. Попова. – Новочеркасск : Изд. газ. Донская речь, 1892. – 91 с.
- Сухоруков, 1891 *Сухоруков, В. Д.* Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 гг. – Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1891. – 301 с. – (Издание Областного Правления войска Донского).
- Тараканов, 1992 – *Тараканов, С. А.* Значение певческого воспитания малолетних для становления школы хорового исполнительства Древней Руси // Из истории духовной музыки : межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Герасимова-Персидская. – Ростов н/Д : РГК, 1992. – С. 94–110.
- Тетрадь записная, 1851 – Тетрадь записная, как пошли певчие дьяки под Азов // Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Собраны и изданы Н. Второвым и К. Александровым–Дольником. Кн. 1. – Воронеж : В типографии Губернского Правления, 1851. – С. 44–50.
- Ткачев, 1957 – *Ткачев, Д.* Придворная Певческая капелла (1703–1917) // Государственная Академическая капелла имени М. И. Глинки / под ред. А. И. Анисимова. – Л. : Тип. № 4 УПП Ленсовнархоза, 1957. – С. 11–75.
- ТОВДСК, 1867, 1874 – Труды Области войска Донского статистического комитета. Вып. 1. Издание Донского Войскового Статистического Комитета. – Новочеркасск : Типография газеты «Донской вестник», 1867. – 262 с.; Вып. 2. – Издание Областного Войска Донского Статистического Комитета. – Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1874. – 364 с.
- Успенский, 1971 – *Успенский, Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. – М. : Сов. композитор, 1971. – 622 с.
- Устав внутренней службы, 1914 – Устав внутренней службы. – [СПб.] : Изд. В. Березовский, 1914. – 157 с.
- Устав женских учебных заведений, 1855 – Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы

- Мариин. – СПб. : Тип. Опекунского совета, 1855. – 61, [118] с., табл.
- Устав Новочеркасского МО, 1879 – Устав Новочеркасского музыкального общества. – Новочеркасск : Тип. Донской газеты, 1879. – 11 с.
- Устав строевой казачьей службы, 1900 – Устав строевой казачьей службы, 1900 Устав строевой казачьей службы // Военные учебники. Кавалерия. Учебник урядника. – [СПб.] : 1900. – С. 158–494.
- Уставы и штаты ДС, 1867 – Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 г. – СПб. : Синодальная типография, 1867. – 84 с.
- Филевский, 1996 – *Филевский, П. П.* История Таганрога. – Таганрог : Изд-во Сфинкс, 1996. – 392 с.
- Филонов, 1859 – *Филонов, А. А.* Очерки Дона. – СПб. : Тип. Королева и Комп., 1859. – 196 с.
- Финдейзен, 1928-1829 – *Финдейзен, Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. В 2 т. Т. 1–2. Вып. 1–7. М. ; Л. : Гос. изд-во Музсектор, 1928–1929.
- Харламов, 1906 – *Харламов, В. А.* Из истории отношений войсковой власти к донскому духовенству в XVIII в // ДЦС. Вып. 3. – Новочеркасск : ЧДТ, 1906. – С. 33–49.
- Хватова, 2011 – *Хватова С. И.* Православная певческая традиция на рубеже XX–XXI столетий : монография / науч. ред. Т. С. Рудиченко. – Майкоп : ИП ОГ Магарин, 2011. – 412 с.
- Хронология открытия УЗ, 1912 – Хронология открытия учебных заведений с 1810 до 1908 г. // Записки Ростовского-на-Дону общества истории древностей и природы. – Т. 1. – Ростов н/Д : [Ростовское общество истории древностей и природы], 1912. – 96 с.
- Церковно-певческий сборник, 2002 – Церковно-певческий сборник. Т. 1. – Репринтное воспроизведение Синодального издания 1898 г. – СПб. ; М. : Диоптра–Лествица, 2002. – 394 с., нот.
- Черницын, 1999 – *Черницын, С. В.* Этнокультурные процессы на Дону и образование казачества (XVII–XVIII вв.) // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений : сб. науч. ст. / ред.-

- сост. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. – С. 90–101.
- Черных, 1993 – *Черных, М. П.* Музыкальная жизнь Ростова-на-Дону от середины XVIII до 20-х годов XX столетия : автореф. дис... канд. искусствоведения. – М. : Рос. ин-т искусствознания, 1993. – 27 с.
- Черных, 1993а) – *Черных, М. П.* Образование и культура в Ростове-на-Дону (40–90-е гг. XIX в.) // Культура донского края: Страницы истории : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во РГПИ, 1993. – С. 38–56.
- Чибисова, 2006 – *Чибисова, С. П.* История Донской (Ростовской-на-Дону) епархии в биографиях архипастырей. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2006. – 222 с.
- Чудинова, 1998 – *Чудинова, И. А.* День Соловецкого клирошанина («клиросское житие» и «житие монашеское» по архивным документам и рукописям Соловецкого монастыря XVII–XVIII вв.) // Наследие монастырской культуры: Ремесло, художество, искусство : статьи, рефераты, публикации / ред.-сост. И. А. Чудинова. – СПб. : РИИИ, 1998. – Вып. 3. – С. 93–122.
- Чудинова, 1998а – *Чудинова, И. А.* Придворный певческий хор // Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь / отв. ред. А. Л. Порфирьева. – Т. 1. Кн. 2: К–П. – СПб. : Композитор–Санкт-Петербург, 1998. – С. 456–467.
- Чулкова, 2003 – *Чулкова, С. Б.* Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России : конец XIX – начало XX вв. : автореф. ... дис. канд. культурологии. – Владивосток : Дальневост. гос. техн. ун-т, 2003. – 26 с.
- Шадрина, 2013 – *Шадрина, А. В.* Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. и. н. – Ростов н/Д : [Южн. Фед. ун-т], 2013. – 33 с.
- Шадрина, 2014 – *Шадрина, А. В.* Донские церковные композиторы второй половины XIX – середины XX в. – Ростов н/Д : Алтей, 2014. – 248 с. – (Православный Тихий Дон).
- Шептун, 1995 – *Шептун, С. В.* Из истории православной церкви на Кубани // Матвеев О. В. Слово о Кубанском Казачестве и Шептун С. В. Из истории православной церкви на Кубани. – Краснодар : Сов. Кубань, 1995. – С. 346–458.

- Щелкунов, 1910 – *Щелкунов, С.* Войско Донское при А. И. Иловайском // СОВДСК. Вып. 10. – Новочеркасск : ЧДТ, 1910. – С. 48–58.
- Эварницкий, 1900 – *Эварницкий, Д. И.* История запорожских казаков. В 3 т. Репринтное издание 1900 г. – Киев : Наукова думка, 1990. – Т. 1. – 592 с.
- Энциклопедия Таганрога, 1998 – Энциклопедия Таганрога / гл. ред. В. И. Тимошенко. – Таганрог : Антон, 1998. – 623 с.

Список публикаций в периодических изданиях

- ДЕВ, 1869, № 1, с. 25–32; 1869, № 3, с. 41–47. Открытие Донской духовной семинарии.
- ДЕВ, 1869, № 51–52, с. 831–860. Отчет о приходе, расходе и остатке сумм по содержанию Новочеркасского духовного училища за 1868 г.
- ДЕВ, 1870, № 21, с. 661–662. Правила благоустройства монашеских братств в Москве.
- ДЕВ, 1871, № 19, с. 581. Распоряжения высшего правительства. О разрешении исполнять в церквах положенные г. Ворониковым на ноты святые песни.
- ДЕВ, 1873, № 1, с. 141–142. Праздник в Гниловской станице, по случаю обновления иконостаса.
- ДЕВ, 1875, № 17, с. 526–258. О разрешении священникам Гундоровской ст-цы Антонию Манохину и Михаилу Щетковскому производить в сей ст-це праздничные чтения.
- ДЕВ, 1876, № 13, с. 394. От правления Усть-Медведицкого духовного училища.
- ДЕВ, 1876, № 19, с. 607–608. Объявления. Об издании Придворною певческою капеллою Литургии Иоанна Златоустаго.
- ДЕВ, 1876, № 3, с. 90. Некролог Петра Александровича Захаревского.
- ДЕВ, 1877, № 5, с. 153–159. Снесарев Н. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона. Судьба христианства на Дону до 1718 г.
- ДЕВ, 1878, № 16, с. 506. Распоряжения епархиального начальства. Об изъявлении признательности настоятельнице Усть-Медведицкого женского монастыря.

- ДЕВ, 1878, № 9, с. 276–288; № 11, с. 327–338. Снесарев Н. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона. Судьба христианства на Дону до 1718 г. (продолжение).
- ДЕВ, 1880, № 18, с. 692–693. Еще о Харьковском общепархиальном съезде духовенства (16–23 мая 1880 г.).
- ДЕВ, 1881, № 1, с. 1–11. Определения Св. Синода. Утверждение программы по Закону Божию для начальных училищ разных наименований и ведомств с копией самой программы и объяснительной к оной записке.
- ДЕВ, 1882, № 6, с. 238. Об отмене Обихода нотного церковного пения, составленного Львовым.
- ДЕВ, 1881, № 19, с. 707–708. Распоряжения епархиального начальства. Отношение председателя общества любителей церковного пения на имя высокопреосвященнейшего Митрофана, архиепископа Донского и Новочеркасского.
- ДЕВ, 1882, № 1, с. 15–29. О хлыстах и шалопутах.
- ДЕВ, 1882, № 19, с. 740–749. Требования к ищущему сана псаломщика.
- ДЕВ, 1882, № 20, с. 769–774. Летопись Романовской станицы 1750–1847 года. Материалы для истории раскола в Донской области.
- ДЕВ, 1882, № 21, с. 795–798. О введении церковных внебогослужебных собеседований при Новочеркасском кафедральном соборе.
- ДЕВ, 1882, № 21, с. 802–803. Посещение Высокопреосвященным Митрофаном, архиепископом Донским и Новочеркасским, Каменской ст-цы.
- ДЕВ, 1885, № 1, с. 11–19. Отчет по обозрению церквей и монастырей Его Высокопреосвященством Митрофаном, архиепископом Донским и Новочеркасским в 1884 г.
- ДЕВ, 1885, № 6, с. 222–224. Встреча в Новочеркасске Преосвященного Флавиана, епископа Аксайского.
- ДЕВ, 1885, № 7–8, с. 265–268. Архиерейские служения за март месяц.
- ДЕВ, 1885, № 12, с. 450. Архиерейские служения за май месяц.
- ДЕВ, 1885, № 13, с. 464–467. Архиерейские служения за май месяц.

- ДЕВ, 1885, № 15, с. 527–581. Уставы и штаты православных духовных семинарий.
- ДЕВ, 1885, № 17, с. 647. Архиерейские служения за август месяц.
- ДЕВ, 1885, № 23, с. 903–906. Освящение Казанского храма в Усть-Медведицком девичьем монастыре.
- ДЕВ, 1886, № 2, с. 60–62. Архиерейские служения за 1885 г; с. 62–65. Празднество в Усть-Медведицком женском монастыре по случаю освящения придела в новом храме.
- ДЕВ, 1886, № 11, с. 434–450. Объявления. Синодальные книги.
- ДЕВ, 1886, № 14, с. 571. Объявления. Синодальные книги.
- ДЕВ, 1886, № 14, с. 574–577. Некролог. Протоиерей Иоаким Григорьевич Фесенков (28 июня 1886 г.).
- ДЕВ, 1886, № 14, с. 578–586. Пребывание Киевского Митрополита Платона в Новочеркасске. Закладка Успенской единоверческой церкви.
- ДЕВ, 1886, № 15, с. 613–630. Пребывание Киевского митрополита Платона в Новочеркасске (продолжение).
- ДЕВ, 1886, № 18, с. 724–762. Программа для преподавания Закона Божьего в ЦПШ.
- ДЕВ, 1886, № 20, с. 831. Объявления. Синодальные книги.
- ДЕВ, 1886, № 22, с. 608–910. Программа преподавания церковного пения в ЦПШ.
- ДЕВ, 1886, № 23, с. 959–964. Объяснительная записка к программе церковного пения в ЦПШ.
- ДЕВ, 1886, № 24, с. 1008–1041. Устав Донского Аксайско-Богородичного братства в честь чудотворной иконы Божьей матери.
- ДЕВ, 1887, № 1, с. 22–25. Из станицы Новониколаевской ОВД.
- ДЕВ, 1887, № 1, с. 26–29; № 8, с. 101–106; № 9, с. 303–310. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах.
- ДЕВ, 1887, № 3, с. 85–92. От правления ДДС. Правила, определяющие образ жизни и поведение учеников ДДС.
- ДЕВ, 1887, № 4, с. 121–126. От правления ДДС. Правила, определяющие образ жизни и поведение учеников ДДС (продолжение).
- ДЕВ, 1887, № 7, с. 232–233. От 7 ноября – 28 января 1886–1887 года, за № 2442, о правилах и программе летних курсов церковного пения, учрежденных при Киевском обществе грамотности для учителей и учительниц народных училищ.

- ДЕВ, 1887, № 7, с. 256–260. Семенов И., священник. Освящение храма в Митякинской станице, Донецкого округа в годовщину его столетия.
- ДЕВ, 1888, № 3, с. 81–84; 1908, № 3, с. 42–43; 1909, № 36, с. 631. От правления Донской духовной семинарии – Духовенству Донской епархии.
- ДЕВ, 1888, № 4, с. 162–164. Общее собрание Аксайско-Богородичного братства.
- ДЕВ, 1888, № 7, с. 280–284. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1888, № 7, с. 280–284. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1888, № 7, с. 334–338. Открытие Иоанно-Богословского общества для вспоможения нуждающимся воспитанникам ДДС.
- ДЕВ, 1888, № 10, с. 345–354. Пребывание их императорских величеств государя императора и государыни императрицы с их высочеством наследником цесаревичем и великими князьями Георгием Александровичем и Николаем Николаевичем старшим в г. Новочеркасске 5 мая 1887 г.
- ДЕВ, 1888, № 11, с. 372–391. Пребывание их императорских величеств государя императора и государыни императрицы с их высочеством наследником цесаревичем и великими князьями Георгием Александровичем и Николаем Николаевичем старшим в г. Новочеркасске 5 мая 1887 г. (продолжение).
- ДЕВ, 1888, № 11, с. 446–451. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1888, № 18, с. 761–766. Митропольский Гр. священник. К вопросу об общем пении.
- ДЕВ, 1888, № 20, с. 839. Извлечение из отчета о состоянии Донской духовной семинарии по учебной и воспитательной частям за 1887–1888 учебный год.
- ДЕВ, 1889, № 3, с. 91–97;
- ДЕВ, 1889, № 4, с. 128–134. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 5, с. 180–185. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).

- ДЕВ, 1889, № 7, с. 282–286. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 8, с. 350–354. Иноепархиальные распоряжения.
- ДЕВ, 1889, № 8, с. 344–347. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 9, с. 387–393. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 10, с. 444–452. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 11, с. 504–510. Кашменский Ф. О преподавании пения в народных училищах (продолжение).
- ДЕВ, 1889, № 21, с. 937–942. По вопросу о порядке богослужений в церквях духовно-учебных заведений.
- ДЕВ, 1889, № 22, с. 1016–1018. Несколько слов о религиозно-нравственных чтениях в зале Донской духовной семинарии.
- ДЕВ, 1890, № 21, с. 798–780; 1907, № 33, с. 1001–1002. Иноепархиальные распоряжения.
- ДЕВ, 1890, № 11, с. 411. Объявления.
- ДЕВ, 1890, № 11, с. 421–424. Годичное собрание членов Иоанно-Богословского общества.
- ДЕВ, 1890, № 12, с. 67. Народное образование.
- ДЕВ, 1890, № 22, с. 815–819; 1898, № 1, с. 15–47; 1900, № 18, с. 398–402. От Донского епархиального училищного совета.
- ДЕВ, 1890, № 3, с. 105–107. Макаров М. Речь в день празднования 100-летия Нижне-Чирского Троицкого храма, 24 октября 1889 г.
- ДЕВ, 1890, № 9. Сулин И. Краткое описание станиц Области войска Донского.
- ДЕВ, 1891, № 17, с. 723. Некрологи. Священник о. Лука Антониев.
- ДЕВ, 1891, № 21, с. 44–47; 1900, № 9, с. 171–182. Отчет о состоянии Донского епархиального женского училища за 1898–99 учебный год по учебно-воспитательной части.
- ДЕВ, 1893, № 2, с. 38–48. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.

- ДЕВ, 1893, № 3, с. 88–91. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.
- ДЕВ, 1893, № 3, с. 1145–1147. Беседы с глаголемы старообрядцами епархиального миссионера 6 и 8 августа 1893 г. в хуторе Гуреевом, Атаманской ст-цы и в самой ст-це.
- ДЕВ, 1893, № 4, № 11. Сулин И. Краткое описание станиц Области войска Донского.
- ДЕВ, 1893, № 5, с. 182. Разные известия.
- ДЕВ, 1893, № 9, с. 12–99. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.
- ДЕВ, 1893, № 9, с. 336. Перемещения по службе. Рукоположен во священника Донского Архиерейского хора о. Василий Костенко хутора Мишкина 14 марта 1893 г.
- ДЕВ, 1893, № 20, с. 403. От Иоанно-Богословского общества при ДДС.
- ДЕВ, 1893, № 21, с. 898–899. От Донского епархиального комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая.
- ДЕВ, 1894, № 1, с. 6–19. От Совета Донского епархиального женского училища.
- ДЕВ, 1894, № 2, с. 32–38. Сооружение в Новочеркасске храма в память 17 октября 1888 г.
- ДЕВ, 1894, № 9, с. 332–335. Устройство единоверческого молитвенного дома в хут. Великановом, Черкасской станицы.
- ДЕВ, 1894, № 10, с. 185. От Совета Иоанно-Богословского общества.
- ДЕВ, 1894, № 10, с. 186–191. Отчет Донского епархиального училищного совета.
- ДЕВ, 1894, № 10, с. 375–376. Сулин. Краткое описание станиц ОВД. Станицы по Медведице.
- ДЕВ, 1895, № 6, с. 131. Об обязанности священнослужителей преподавать церковное пение в церковно-приходских школах.
- ДЕВ, 1896, № 4, с. 77–78. О подтверждении исполнять распоряжения епархиального начальства относительно церковного пения и регентских хоров.

- ДЕВ, 1896, № 7–8, с. 201–202. Общество содействия народному образованию в ОВД.
- ДЕВ, 1896, № 21, с. 508. От Иоанно-Богословского общества при ДДС.
- ДЕВ, 1897, № 2, с. 33–36. Двадцатипятилетие служения в сане священника при одной и той же церкви Донецкого округа о. Петра Покровского.
- ДЕВ, 1897, № 2, с. 36–38. Пятилетие Ровенецкой двухклассной церковно-приходской школы.
- ДЕВ, 1897, № 4, с. 93–96. Освящение иконостаса в слободе Большой Кирсановке.
- ДЕВ, 1897, № 8–9, с. 184–188. Отчет Донского епархиального училищного совета.
- ДЕВ, 1898, № 8–9, с. 158–162. История Новочеркасского Духовного училища. Ал. Попов.
- ДЕВ, 1898, № 10, с. 61–64. История Новочеркасского Духовного училища. Ал. Попов.
- ДЕВ, 1897, № 10, с. 289–290. Закладка церкви при Гремучем колодезе.
- ДЕВ, 1899, № 11–12, с. 258–262. Отчет Донского отдела Императорского православного Палестинского общества за 1899.
- ДЕВ, 1898, № 11, с. 294. Годичный акт в Екатерининской ЦПШ.
- ДЕВ, 1898, № 11, с. 295. Освящение придела на Новочеркасском подворье Ефремовского женского монастыря.
- ДЕВ, 1898, № 12, с. 319–320. Посещение Его Высокопреосвященным Высокопреосвященнейшим Афанасием, Архиепископом Донским и Новочеркасским ЦПШ г. Новочеркаска.
- ДЕВ, 1898, № 50, с. 343–348. Краткие исторические сведения об установлении должности церковных певцов.
- ДЕВ, 1900, № 4, с. 72–75. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.
- ДЕВ, 1900, № 4, с. 78–81. Распоряжения инопархиального начальства. О церковном пении и чтении.
- ДЕВ, 1900, № 14, с. 328–329. Хроника епархиальной жизни.
- ДЕВ, 1900, № 17, с. 360–366. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.

- ДЕВ, 1900, № 24, с. 550–555. К вопросу о народных чтениях с туманными картинами.
- ДЕВ, 1900, № 26, с. 588–590. К вопросу о народных чтениях с туманными картинами (продолжение).
- ДЕВ, 1900, № 31, с. 742–746. Отчет о краткосрочных курсах педагогических и церковного пения для учащихся в церковных школах Донской епархии, учрежденных в г. Новочеркассе летом 1900 г.
- ДЕВ, 1900, № 35, с. 816–821. Отчет о краткосрочных курсах педагогических и церковного пения для учащихся в церковных школах Донской епархии в г. Новочеркасске летом 1900 г.
- ДЕВ, 1901, № 3; 7; 15; 18; 20. Сулин И. Краткое описание станиц Области войска Донского.
- ДЕВ, 1901, № 14, с. 293–294. Освящение церкви во имя святителя Христова и чудотворца Николая при Новочеркасском атаманском техническом училище.
- ДЕВ, 1901, № 27, с. 668–670. Посещение Высокопреосвященнейшим Афанасием, Архиепископом Донским и Новочеркасским Усть-Медведицкого женского и Кременского мужского монастырей.
- ДЕВ, 1901, № 8. Задачи общества трезвости.
- ДЕВ, 1901, № 9, с. 196–197. От совета Иоанно-Богословского общества.
- ДЕВ, 1903, № 14, с. 381. Присоединение ученицы-старообрядки к православной церкви.
- ДЕВ, 1903, № 15, с. 392–405. Присоединение к православию.
- ДЕВ, 1903, № 32, с. 878–888. Донецкий Т. Святитель Митрофан – первый епископ Воронежский.
- ДЕВ, 1903, № 33, с. 921–929. Донецкий Т. Святитель Митрофан – первый епископ Воронежский.
- ДЕВ, 1903, № 34, с. 965–975. Донецкий Т. Святитель Митрофан – первый епископ Воронежский.
- ДЕВ, 1905, № 1, с. 34–40. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.
- ДЕВ, 1905, № 2, с. 40–44. Папа Пий X и церковная музыка.
- ДЕВ, 1905, № 5, с. 107–110. История появления и распространения старообрядческого раскола в юрте ст-цы Усть-Белокалитвенской, Донской области, и современное его состояние.

- ДЕВ, 1905, № 5, с. 111–115. Кириллов А. А. Церковная школа на Дону.
- ДЕВ, 1905, № 9, с. 178–182. Кириллов А. А. Церковная школа на Дону (продолжение).
- ДЕВ, 1905, № 10, с. 205–206. Где родился, там и сгодился. Некролог.
- ДЕВ, 1905, № 11, с. 231–238. Кириллов А. А. Церковная школа на Дону (продолжение).
- ДЕВ, 1905, № 22, с. 527–529. Православный. Об упорядочении церковной службы (голос пасомого).
- ДЕВ, 1905, № 29, с. 720–738. От правления Усть-Медведицкого Духовного училища.
- ДЕВ, 1905, № 34, с. 796–797. Неудобопонятное песнопение праздника Рождества Христова.
- ДЕВ, 1906, № 1, с. 15–29. Родителям и опекунам учащихся ДДС.
- ДЕВ, 1906, № 3, с. 98. Епархиальные известия.
- ДЕВ, 1906, № 8, с. 225–226. Известия и заметки. Общенародное пение.
- ДЕВ, 1906, № 16, с. 442–444. Вниманию певцов.
- ДЕВ, 1906, № 23, с. 340–343. Отчет Донского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Донской епархии.
- ДЕВ, 1906, № 24, с. 472–478. Отчет о состоянии и деятельности Донской епархии Аксайско-Богородичного братства за 1904 г. 18 год существования.
- ДЕВ, 1908, № 1, с. 8–47. Мищенко И. священник. О церковных хорах и церковном пении в сельских церквях.
- ДЕВ, 1908, № 4, с. 59–66. От правления Донской духовной семинарии о вакансии учителя пения.
- ДЕВ, 1908, № 9, с. 250–252. О духовном концерте Архиерейского хора.
- ДЕВ, 1908, № 10, с. 284–290. Отчет о состоянии Донского епархиального женского училища за 1906–1907 гг. по учебно-воспитательной части.
- ДЕВ, 1908, № 10, с. 299. Объявление псаломщика регента Тифлисской епархии ДЕВ 1908, № 11, с. 321–322. Духовный концерт Архиерейского хора.

- ДЕВ, 1908, № 32, с. 875–876. Освящение старообрядческого храма в г. Новочеркасске 26 октября сего года.
- ДЕВ, 1908, № 34, с. 946–947. Посещение Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Владимиром, Архиепископом Донским и Новочеркасским Донской духовной семинарии.
- ДЕВ, 1909, № 6, с. 82–84. Воззвание.
- ДЕВ, 1909, № 8, с. 134. Объявления.
- ДЕВ, 1909, № 12, с. 298–299. Епархиальная хроника.
- ДЕВ, 1909, № 15, с. 388–390. Епархиальная хроника.
- ДЕВ, 1909, № 16, с. 407–409. Из духовных журналов. Об исправлении службы и текстов ее.
- ДЕВ, 1909, № 17, с. 440–441. Садчиков Андрей священник Качалинского благочиния Покровской церкви хутора Осиновского. Об общем пении.
- ДЕВ, 1909, № 20, с. 572. О Всероссийском съезде хоровых деятелей.
- ДЕВ, 1909, № 23, с. 590–591. Справедливо ли? Протоиерей Георгий Федоров.
- ДЕВ, 1909, № 24, с. 431. Об образовании Епархиальной стипендии в Регентском училище.
- ДЕВ, 1909, № 33, с. 922. Епархиальная хроника.
- ДЕВ, 1909, № 33, с. 923. Известия и заметки. Общенародное пение в Исаакиевском кафедральном соборе в С.-Петербурге.
- ДЕВ, 1910, № 5, с. 126–132. Краткий исторический очерк состояния церковных школ Усть-Медведицкого округа Донской епархии с 1884 года по 1909.
- ДЕВ, 1910, № 6, с. 160–168. Городецкий И. Краткий исторический очерк состояния церковных школ Усть-Медведицкого округа Донской епархии с 1884 года по 1909 год.
- ДЕВ, 1910, № 7, с. 192–198. Городецкий И. Краткий исторический очерк состояния церковных школ Усть-Медведицкого округа Донской епархии с 1884 года по 1909 год (продолжение).
- ДЕВ, 1910, № 8, с. 222–227. Городецкий И. Краткий исторический очерк состояния церковных школ Усть-Медведицкого округа Донской епархии с 1884 года по 1909 год.

- ДЕВ, 1910, № 23, с. 368–369. Распоряжения епархиального начальства. О сборе пожертвований в пользу Общества по призрению детей лиц, «погибших при исполнении служебных обязанностей».
- ДЕВ, 1910, № 23, с. 369–371. Из отчетов о благочинных Донской епархии за 1910 год. По четвертому благочинию.
- ДЕВ, 1910, № 30, с. 735–739. В духовной семинарии на церковно-историческом чтении.
- ДЕВ, 1910, № 36, с. 738–745. Журналы епархиального съезда духовенства и церковных старост Донской епархии 1910 г.
- ДЕВ, 1910, № 36, с. 885–887. Епархиальная хроника.
- ДЕВ, 1911, № 1, с. 2. Список лиц, всемилостивейше пожалованных к 6 декабря 1910 г. золотыми медалями для ношения на груди.
- ДЕВ, 1911, № 3, с. 46–48. Торжество Крещенского освящения воды в Новочеркаске.
- ДЕВ, 1911, № 4, с. 58. Поучение в день Сретения господня.
- ДЕВ, 1911, № 4, с. 69–71. Известия и заметки. Военная гимнастика в школе.
- ДЕВ, 1911, № 6, с. 110–111. Из ст-цы Каменской (Хроника приходской жизни).
- ДЕВ, 1911, № 7, с. 132–143. Юбилейное торжество.
- ДЕВ, 1911, № 7, с. 143–147. Из жизни Донской духовной семинарии.
- ДЕВ, 1911, № 8, с. 179. Станица Усть-Бузулуцкая Хоперского округа.
- ДЕВ, 1911, № 10, с. 154. Преподано архипастырское благословение с выдачею грамоты.
- ДЕВ, 1911, № 11–12, с. 340–341. 25-летний юбилей Урюпинской Христо-Рождественской ЦПШ.
- ДЕВ, 1911, № 14, с. 335. Миссионер XVIII века диакон Василий Михайлов (Историческая заметка).
- ДЕВ, 1911, № 18, с. 441–445. Хроника приходской жизни станицы Каменской.
- ДЕВ, 1911, № 19, с. 493. Редкое торжество.
- ДЕВ, 1911, № 22, с. 362–409. Распоряжения Св. Синода о списке сочинений русских духовных композиторов, допускаемых к богослужебному исполнению в монастырских храмах.

- ДЕВ, 1911, № 22, с. 545–547. Паломничество в село Городище Саратовской епархии донских казаков.
- ДЕВ, 1911, № 23, с. 560–566. Михин В. Редкое торжество.
- ДЕВ, 1911, № 25, с. 622. Торжественное освящение единоверческого храма в ст-це Маньчской (Черкасского округа).
- ДЕВ, 1911, № 27, с. 682–685. Пятидесятилетие Успенской церкви Гундоровской ст-цы.
- ДЕВ, 1911, № 29, с. 743–745. 35-летний юбилей.
- ДЕВ, 1911, № 29, с. 767. Объявления.
- ДЕВ, 1911, № 30, с. 777. Открытие в г. Новочеркасске религиозно-нравственных чтений.
- ДЕВ, 1911, № 30, с. 801–807. Церковно-военное торжество.
- ДЕВ, 1911, № 30, с. 813. Объявления.
- ДЕВ, 1911, № 32, с. 888. Объявления.
- ДЕВ, 1911, № 33, с. 911–913. Исторический день в провинциальной жизни.
- ДЕВ, 1911, № 33, с. 913–914. Из текущей жизни по епархии.
- ДЕВ, 1911, № 35, с. 965. Годичное собрание членов Иоанно-Богословского общества для вспоможения нуждающимся воспитанникам Донской духовной семинарии.
- ДЕВ, 1911, № 36, с. 545. Указ о воспрещении членам церковных причтов исполнения богослужебных песнопений или чтений для граммофонных фирм.
- ДЕВ, 1912, № 18, с. 457–458. Паломничество воспитанников ДДС в ст-цу Аксайскую.
- ДЕВ, 1912, № 22, с. 593–595. Никитин В., учитель Куликовской церковной школы. Всеобщее церковное пение. Заметки случайного наблюдателя.
- ДЕВ, 1912, № 30, с. 880–881. Распоряжения епархиального начальства. О чтении и пении в церквях.
- ДЕВ, 1912, № 31, с. 923–924. Попов Ф. хутора Жиркова священник. Духовное утешение.
- ДЕВ, 1913, № 7, с. 215–216. Религиозное равнодушие прихожан и общее хоровое пение, как средство против него.
- ДЕВ, 1913, № 9, с. 294–300. Переименование главных храмов окружных станиц и города Александро-Грушевского в соборы.
- ДЕВ, 1913, № 10, с. 172–174. Из отчета Милютинского благочиния за 1912 г.

- ДЕВ, 1913, № 11, с. 369–374. Современная народная литература.
- ДЕВ, 1913, № 12–13, с. 395–396. Религиозно-нравственные чтения для интеллигенции в Новочеркаске.
- ДЕВ, 1913, № 14, с. 279. Список лицам духовного звания, кои Св. Синодом удостоены награждения за заслуги по гражданским и военным ведомствам ко дню рождения его императорского величества по Донской епархии.
- ДЕВ, 1913, № 18, с. 556. Старые дьячки и новые псаломщики: Хоперский и Усть-Медведицкий округа.
- ДЕВ, 1913, № 18, с. 561–563. Предстоящее торжество в Бекревском монастыре.
- ДЕВ, 1913, № 26, с. 754–587. Отчет Донского отдела Православного Палестинского общества за 1911–1912 гг.
- ДЕВ, 1913, № 29, с. 836–843. Савенко А. дьякон. Общее пение.
- ДЕВ, 1913, № 30, с. 905–907. Общее собрание Миссионерского Общества.
- ДЕВ, 1913, № 31, с. 929. Духовное торжество в Новочеркаске. Протоиерей С. Троицкий.
- ДЕВ, 1913, № 32, с. 983. Епархиальная хроника.
- ДЕВ, 1913, № 33, с. 1016–1019. Первый Донской Епархиальный противоалкогольный съезд
- ДЕВ, 1913, № 36, с. 1092–1097. Цукурский Никольский мужской монастырь.
- ДЕВ, 1914, № 1, с. 2. Станица Милютинская.
- ДЕВ, 1914, № 4, с. 29–37. Протокол № 5-й Пастырского Собрания Новочеркаского духовенства, от 11 декабря 1913 г.
- ДЕВ, 1914, № 14, с. 558–561. Праздник трезвости в Новочеркаске.
- ДЕВ, 1914, № 17, с. 753–757. Моя жизнь в старообрядчестве (Автобиографические очерки). Миссионер Е. Холостов
- ДЕВ, 1914, № 18, с. 365–368. Программы для желающих поступить во 2-й и 3-й классы Усть-Медведицкого Епархиального женского училища.
- ДЕВ, 1914, № 19, с. 569–571. Открытие в Новочеркаске религиозно-нравственного и благотворительного общества «Утоли моя печали».
- ДЕВ, 1914, № 20, с. 907–910. Посещение Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Владимиром, Архиепископом Донским и Новочеркасским, хутора Калача-на-Дону.

- ДЕВ, 1915, № 10, с. 117–134. Журнал съезда наблюдателей церковных школ Донской епархии, бывшего 15–20 февраля 1915 г.
- ДЕВ, 1915, № 33, с. 687. Епархиальные известия. К экзаменам на звание псаломщика и диакона.
- ДЕВ, 1915, № 46, с. 975–981. Рапорт Высокопреосвященному архиепископу Митрофану священника Покровской церкви станицы Распопинской Петра Космачева.
- ДЕВ, 1916, № 20, с. 288. Маршрут следования Преосвященнейшего Гермогена, епископа Аксайского для обозрения некоторых церквей Донской епархии с 31 мая по 16 июня.
- ДЕВ, 1917, № 12, с. 146–149. Вести с мест.
- ДВВ, 1858, № 42. Новочеркасск в 1858 г.
- ДВВ, 1858, № 42. О концертах.
- ДОВ, 1872, № 42. Войсковой круг по поводу юбилея Петра Великого.
- ДОВ, 1873, № 10. Хроника.
- ДОВ, 1874, № 20. Публичный концерт в Великом посту.
- ДОВ, 1874, № 25.
- ДОВ, 1874, № 62. Вести из губерний.
- ДОВ, 1874, № 84. Из Урюпина. О Покровской ярмарке.
- ДОВ, 1875, № 6. Отчет о лотерее аллегри.
- ДОВ, 1875, № 6. Празднование в Новочеркасске дня основания Харьковского университета.
- ДОВ, 1877, № 1. По поводу открытия музыкально-драматического общества.
- ДОВ, 1877, № 2. Танцевальный вечер в Дворянском собрании и Сословном клубе.
- ДОВ, 1877, № 25. Два слова по поводу предстоящего театрального сезона.
- ДОВ, 1877, № 27. Еще о драматическом кружке.
- ДОВ, 1877, № 40. Музыкальное утро в мужской гимназии.
- ДОВ, 1877, № 46. Два концерта Войскового хора певчих и музыкантов.
- ДОВ, 1877, № 55. Из жизни города.
- ДОВ, 1877, № 55. Спектакль 7 июля.
- ДОВ, 1877, № 69. В Новочеркасском госпитале.
- ДОВ, 1877, № 76. Из сл. Голодаевки Миусского округа.

- ДОВ, 1880, № 1. Письмо к редактору.
- ДОВ, 1880, № 2. К открытию Новочеркасского музыкального общества.
- ДОВ, 1880, № 22. Вести из станиц. Из ст-цы Чернышовской
- ДОВ, 1880, № 23. Вести из станиц. Из Александровской ст-цы.
- ДОВ, 1880, № 25. Семейные вечера.
- ДОВ, 1880, № 49. Публичный акт в Новочеркасской учительской семинарии.
- ДОВ, 1880, № 51. Увеселительный вечер.
- ДОВ, 1880, № 52. Публичный акт в Новочеркасской классической гимназии.
- ДОВ, 1880, № 57. Из актов зала окружного и 3-х Новочеркасских приходских училищ.
- ДОВ, 1889, № 1. Подписка на иллюстрированный журнал «Семейные вечера».
- ДОВ, 1905, № 249. М. И. Платов и народное образование на Дону.
- ДОВ, 1913, № 9. Благотворительный вечер.
- ДОВ, 1914, № 4. Хутор Калач-на-Дону Пятиизбянской ст-цы.
- ДОВ, 1914, № 8. Ст-ца Каменская. Концерт хора Давидовского.
- ДОВ, 1914, № 9; 10. Отъезд Войскового хора.
- ДОВ, 1914, № 14. В клубе.
- Военная быль, 1956, № 34. Великий князь Константин Константинович.
- Донской вестник, 1867, № 40. Концерт и живые картины в пользу Войсковых певчих.
- Донской православной вестник, 1915, № 1. Протокол 5-й соединенного Пастырского собрания Новочеркасского духовенства и корпораций Новочеркасских духовных учебных заведений от 9 января 1915 г.
- Донская пчела, 1880, № 49. Письмо в редакцию.
- Орфей. Журнал искусства и литературы, 1919. № 1 (Ростов н/Д).
- Педагогическая мысль. Издание отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского, 1919 г, № 4, с. 334–337.
- Приазовский край, 1913, № 314. Краевые вести.
- Приазовский край, 1913, № 316. Хроника.
- Приазовский край, 1913, № 317. Анонсы.
- Приазовский край, 1913, № 321. Концерты ... этнографические известного хора Г. М. Давидовского.

Список использованных архивных источников

ГАРО

- Ф. 46, оп. 1, д. 1. Опись решенным делам с 1625 г. по 1670 г. и с 1685 по 1686 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 2. Об отходе Чернеева и Борщевского монастырей в ведение епископов Воронежского и Тамбовского.
- Ф. 46, оп. 1, д. 23. Опись дел Атаманской канцелярии с 1766 по 1771 гг.
- Ф. 46, оп. 1, д. 332. Дело о подготовке к встрече императора в ОВД. 1818 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 362. Отписка к царю Федору Алексеевичу от Ивана Волинского (копия с копии) за август 1677 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 460. Дело о создании военного училища в г. Новочеркасске. 1896 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 878. Дело о назначении детей на причетнические должности. 1867–1868 гг.
- Ф. 46, оп. 1, д. 963. Об открытии в станице Каменской Дворянского клуба. 1868 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 1169. Об открытии «Цимлянского общественного клуба». 1874 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 1909. Список общественным собраниям (клубам) музыкальным и певческим обществам, школам, братствам и т. п. учреждениям. 1879 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 1910. Дело об учреждении музыкального общества в Новочеркасске (1879–1880).
- Ф. 46, оп. 1, д. 2127. Об утверждении устава Новочеркасского клуба всех сословий. 1880 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 2604. Дело о предполагаемых преобразованиях в системе просвещения ОВД. 1883 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 2922. Дело об учреждении устава Новочеркасского музыкально-драматического общества (март–ноябрь 1886).
- Ф. 46, оп. 1, д. 2978. Дело об учреждении в Донской области кадетского корпуса на 600 воспитанников и открытии для казачьего сословия военно-ремесленных школ. 1887 г.
- Ф. 46, оп. 1, д. 3123. О поступлении урядника Николаевской станицы Евгения Кириллова Троицкого дьяконом в Исаакиевский собор. 1888 г.

- Ф. 46, оп. 1, д. 3750. Устав Обливского литературно-музыкального драматического кружка.
- Ф. 55, оп. 1, д. 236. Духовная жизнь на Дону с 1801 по 1825 гг.
- Ф. 55, оп. 1, д. 362. Отписка к царю Федору Алексеевичу от Ивана Волянского за 1677 г.
- Ф. 55, оп. 1, д. 419. Похвальная песнь Старочеркасскому соборному храму, написанная Г. Левицким. 1848 г.
- Ф. 55, оп. 1, д. 816. Кант, посвященный М. Г. Хомутову в день торжественного акта в Мариинском донском институте. 1857 г.
- Ф. 66, оп. 1, д. 33. По разным предметам Новочеркасского городского 4-х классного училища. 1907 г.
- Ф. 66, оп. 3, д. 42. Об увольнении учителя пения Новочеркасского городского училища Пономарева и о назначении на его место регента Войскового хора. 1908 г.
- Ф. 66, оп. 3, д. 48. Дело с требовательными ведомостями на жалованье преподавателя Новочеркасского городского училища, нижним служащим, учителям Мелеховского 2-х классного училища и ремесленного отделения при Новочеркасском городском училище. 1908 г.
- Ф. 91, оп. 1, д. 959. Дело об ассигновании суммы на введение в народных училищах г. Нахичевани-на-Дону уроков пения. 1899 г. 6 л.
- Ф. 91, оп. 1, д. 1164. Дело об ассигновании денежных средств музыкальной школе г. Ростова-на-Дону. 1905–1907 г.
- Ф. 134, оп. 1, д. 30. Опись книг библиотеки Самарского народного училища. 1871 г.
- Ф. 142, оп. 1, д. 1. Дело об открытии Ростовского уездного училища. 1827 г.
- Ф. 142, оп. 1, д. 173. Ведомости об учебных заведениях. 1867 г.
- Ф. 151, оп. 3, д. 234. Дело о регистрации Устава Ростово-Нахичеванского и Донского Союза Хорового искусства в г. Ростове-на-Дону. 1917 г.
- Ф. 157, оп. 3, д. 547. О регистрации устава Русского хорового общества в Ростове-на-Дону. 1919 г.
- Ф. 162, оп. 1, д. 58. Отчет о служебной поездке Военного министра в ОВД в 1900 г.

- Ф. 215, оп. 1, д. 84. Дело о принятии мер по организации любительских хоров, устройстве библиотек-читален, литературно-музыкальных вечеров для рабочих казенных винных складов. 1902 г.
- Ф. 226. Обзор дел. Ч. 2. Из истории церквей г. Ростова-на-Дону: тематический указатель к описям фонда Донской епархии.
- Ф. 226, оп. 1, д. 88. Метрическая книга за 1800 г.
- Ф. 226, оп. 1, д. 89. Формулярные ведомости о церквях и о церковном клире Хоперского заказа. 1800 г. 130 л.
- Ф. 226, оп. 1, д. 160. Формулярная ведомость церквям города Черкаска и оного заказа за 1801 г. 255 л.
- Ф. 226, оп. 1, д. 2023. Формулярные ведомости городского Новочеркасского благочинного Кафедрального протоиерея Стефана Салтыкова за 1834 г.
- Ф. 226, оп. 1, д. 5259. О нотных напевах протоиерея П. И. Турчинова. 1862 г.
- Ф. 226, оп. 2, д. 3639. Дело касательно обучения приходскими священниками крестьянских мальчиков церковному пению. 1847 г.
- Ф. 226, оп. 2, д. 3756. По указу Св. Синода о доставлении оригиналов, переводов и партитурных копий древних церковных напевов. 1847–1853 гг.
- Ф. 226, оп. 2, д. 4029. Ведомость о певчих Донского Архиерейского хора за 1 половину 1850 г.
- Ф. 226, оп. 2, д. 4240. О воспрещении петь в церквях такие переложения, которые не одобрены Св. Синодом.
- Ф. 226, оп. 2, д. 5587. Дело об исключении диакона Александра Десятникова за буйство из хора певчих Его Высокопреосвященства. 1865 г.
- Ф. 226, оп. 3, д. 6695. Переписка управления Донского епархиального дома, архиепископа и др. с кафедральным протоиереем и братией. 1874–1892 гг.
- Ф. 226, оп. 3, д. 8482. Дело об открытии при Донской духовной семинарии классов музыки и пения. 1885 г.
- Ф. 226, оп. 3, д. 8971. Дело относительно предстоящего чествования 900-летия крещения Руси. 1888 г.

- Ф. 226, оп. 3, д. 9563. О разрешении единоверцам г. Новочеркаска иметь хор певчих, коим петь знаменным и крюковым напевами. 1892 г.
- Ф. 226, оп. 3, д. 10593. Дело с документами (паспорта, свидетельства, метрические выписки и другие документы) разных лет.
- Ф. 226, оп. 3, д. 10731. Книга на записку расхода денежных сумм и капиталов по церкви Лейб-гвардии Казачьего его величества полка на 1902–1904 г.
- Ф. 226, оп. 19, д. 34. Указ его императорского величества самодержца всероссийского от 30 июня 1879 г. // Указы Донской духовной консистории.
- Ф. 226, оп. 19, д. 975. Формулярный список о службе священника В. М. Фомина Воскресенского собора ст-цы Старочеркасской. 1918 г.
- Ф. 261, оп.1, д. 55. Журналы собраний педагогического комитета за 1905–1906 г. 186 л.
- Ф. 301, оп. 8, д. 2287. О деятельности Новочеркасского отделения императорского РМО (открыто 1 июня 1911 г.).
- Ф. 301, оп. 9, д. 450. Об утверждении устава консерватории Ростовского н/Д отделения музыкального общества. Устав ИРМО от 4. 07. 1873 г.
- Ф. 338, оп. 4, д. 324. О станичных правителях Каменской станицы: атаман сотник Николай Титов, судьях урядниках Акиме Глазунове и Михаиле Чеботареве, обвиняемых в противозаконных поступках по должности.
- Ф. 339, оп. 1, д. 107. Грамота А. И. Иловайского об организации обучения казацких детей в школах, монастырях, у священнослужителей в верховых станицах. 1785 г.
- Ф. 339, оп. 1, д. 302. Документы Войсковой канцелярии о прибавках к жалованью, отпуске денег для пансионеров, для инвалидов 1812 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 28. Журнал решенным делам гражданской, воинской и уголовной частям за январь 1756 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 71. Журнал решенным делам Войсковой канцелярии. 1776 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 151. Опись делам Войсковой канцелярии за 1792–1793 гг.

- Ф. 341, оп. 1, д. 174. Опись делам Войсковой канцелярии за 1794–1795 гг.
- Ф. 341, оп. 1, д. 200. Журнал решенных дел Войсковой канцелярии за 1800 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 221. Журнал решенных дел Войсковой канцелярии за 1800 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 304. Журнал настольный Войсковой канцелярии за май 1803 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 307. Журнал настольный Войсковой канцелярии за май 1804 г.
- Ф. 341, оп. 1, д. 308. Журнал настольный Войсковой канцелярии за май 1804 г. Ч. 2.
- Ф. 341, оп. 1, д. 310. Журнал настольный Войсковой канцелярии за ноябрь 1804 г.
- Ф. 341, оп. 1, ч. 2, д. 4115. О комплектовании трубачей л.-гв. казачьего и атаманского полков солдатскими детьми, проживающими в ВД. 1852 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 1031. Формулярные списки о службе и достоинстве урядников, состоящих в Штате Войсковых музыкантов и певчих и госпитальной мастерской команде при Войсковом госпитале состоящей. 1862 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 1368. Л. 1. О предоставлении учителю хора войсковых музыкантов прав дивизионных капельмейстеров по войсковому ведомству 1863 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 1423. Об увеличении окладов жалованья войсковым музыкантам и певчим с представлением положения и штатов по сим хорам. 1870 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 1656. Дело по вопросу о прохождении нижними чинами Войска Донского воинской повинности. 1877 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 1907. Дело о собрании годовых отчетов о состоянии Донских казачьих армейских полков за 1877 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 2693. По надписи главного управления казачьих войск, относительно формирования хора трубачей духовой музыки при штабе I Донской казачьей дивизии. 1882 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 2783. Переписка по разным вопросам. 1883 г.
- Ф. 344, оп. 1, д. 2806. О назначении л.-гв. в сводно-казачий полк причетника из казаков ВД. 1883 г.

- Ф. 347, оп. 1, д. 18. Новочеркасская учительская семинария по разным предметам. 1919 г.
- Ф. 351, оп. 1, д. 1. Входящая книга по Новочеркасскому духовному училищу. 1825 г.
- Ф. 351, оп. 1, д. 96. Расходы со списками служащих за 1904 г.
- Ф. 352, оп. 1, д. 1083. О смерти учителя церковного пения при семинарии священника Василия Костенко и об определении на его место священника Михаила Ерхана // Дела Правления Донской духовной семинарии за 1898 г.
- Ф. 352, оп. 1, д. 1688. Формулярный список о службе преподавателя пения Новочеркасской учительской семинарии св. Михаила Дмитриевича Ерхана // Дела Правления Донской духовной семинарии за 1913 г.
- Ф. 352, оп. 1, д. 1781. Отчет о состоянии ДДС по учебной и воспитательной частям за 1916–1917 уч. год.
- Ф. 352, оп. 1, д. 382. Об определении на должность учителя церковного пения в ДС преподавателя Василия Лебединского // Дела Правления Донской духовной семинарии за 1877 г.
- Ф. 352, оп. 1, д. 541. По докладной записке учителя церковного пения при семинарии Николая Лебедева касательно уроков пения // Дела Правления Донской духовной семинарии за 1881 г.
- Ф. 352, оп. 3 доп., д. 48. Проект временных штатов Донской семинарии. 1918 г.
- Ф. 352, оп. 4, д. 19. Временные штаты Донской духовной семинарии. 1920 г.
- Ф. 353, оп. 1, д. 50. Статья члена-корреспондента комитета Кушнарера о музыкальности донских казаков. 1846 г.
- Ф. 353, оп. 1, д. 124. Протоколы собрания Статистического комитета за 1867 г.
- Ф. 357, оп. 1, д. 30. Закон и штаты средних учебных заведений, утвержденный Войсковым правительством 20 июня 1918 г.
- Ф. 357, оп. 2, д. 18. По устройству литературно-вокально-музыкальных вечеров в гимназии. 1917 г.
- Ф. 357, оп. 3, д. 63. Классный журнал второго параллельного класса Новочеркасской учительской семинарии на 1919–1920 учебн. г.
- Ф. 358, оп. 1, д. 91. О высылке книг из книжного магазина Департамента народного просвещения для училищ ВД. 1842 г.

- Ф. 362, оп. 1, д. 44. Программы курса 1–4 классов Донского епархиального женского училища. 1894 г.
- Ф. 362, оп. 1, д. 59. Послужные списки служащих Донского епархиального женского училища. 1907–1918 гг.
- Ф. 378, оп. 1, д. 48. Список книг библиотеки Мелиховского приходского училища. 1879 г.
- Ф. 493, оп. 1, д. 241. Исторические записки о деятельности учебных заведений ВВД. 1919 г.
- Ф. 493, оп. 1, д. 53. Устав Миллеровского культурно-просветительного общества. 1918 г.
- Ф. 493, оп. 1, д. 55. Устав Миллеровского культурно-просветительного общества. 1917 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 1. Документы за 1826 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 7. Документы за 1832 г. от № 205 до 250 включительно. Журнал текущим бумагам в разные присутственные места из Таганрогского Высочайшего Дворца. 1832 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 9. Документы за 1834 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 11. Документы за 1836 г. от № 394 до № 417 включительно, по описи 1918 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 12. Документы за 1837 г. от № 418 до № 453 включительно. 1837 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 13. Документы за 1838 г. от № 454 до № 515 включительно. 1838 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 14. Документы за 1839 г. от № 516 до № 546 включительно. 1839 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 18. О чинах, служащих при Высочайшем Дворце. 1839 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 21. О чинах служащих при Высочайшем Дворце. 1841 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 29. Дело Таганрогского Высочайшего Дворца № 1. О благосостоянии Таганрогского Высочайшего Дворца. 1842 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 49. О служащих при Дворце чинах, с производством по разным предметам переписки. 1843 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 67. Документы за 1844 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 72. Документы за 1844 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 73. Документы за 1844 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 82. Документы за 1845 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 97. Документы за 1847 г.

- Ф. 578, оп. 1, д. 98. Документы за 1847 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 99. Документы за 1847 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 109. Документы за 1848 г. Таганрогского Высочайшего Дворца на 1849 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 124. Книга о приходе и расходе денежной жалованной суммы для певчих, служащих при церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1849 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 129. Книга о приходе и расходе денежной жалованной суммы для певчих, служащих при церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1850 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 143. Книга о приходе и расходе жалованья регентам и певчим, состоящим при церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1852 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 148. Документы за 1853 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 171. Книга о приходе и расходе жалованья регентам и певчим, состоящим при церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1856 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 176. Исходящие документы Таганрогского Высочайшего Дворца за 1857 г. № 176-183.
- Ф. 578, оп. 1, д. 178. Книга о приходе и расходе жалованья регенту и певчим, состоящим при церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1857 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 191. Документы исходящие Таганрогского Высочайшего дворца за 1859 г.
- Ф. 578, оп. 1, д. 214. Журнал входящим и исходящим бумагам по Высочайшему Дворцу за 1862 г.
- Ф. 578., оп.1, д. 233. Документы за 1866 год. Журнал входящих и исходящих бумаг по управлению Таганрогским Высочайшим Дворцом на 1866 г..
- Ф. 596, оп. 1, д. 66. Отчет о деятельности Таганрогского городского комитета попечительства о народной трезвости за 1906 г.
- Ф. 714, оп. 1, д. 3. Об устройстве попечительствами театральных развлечений, бесплатных библиотек-читален и о прочем. 1900–1919 гг.
- Ф. 714, оп. 1, д. 11. Черкасский окружной комитет попечительства о народной трезвости г. Новочеркаска. 1913–1914 гг.
- Ф. 817, оп. 1, д. 345. Об исполнении религиозных треб. 1913 г.

Ф. 826, оп. 1, д. 39. Дело со списками лиц, служащих в промышленных заведениях. 1905 г. 25 л.

НМИДК

Рукописный фонд В. Ф. Сладкова. 2000 г. Письма. Письмо 4, от 9.11.1980.

Приложение 1

Хоры при церквях Области войска Донского

Населенный пункт	Церковь	Регент	Хор	Год	Сведения	Источник
Азов посад	Собор	—	Хор певчих	1896	Панихида продолжалась около часа при стройном и трогательном пении соборного хора певчих..	ДЕВ, 1896, № 17, с. 477.
Аксайская ст-ца	Одигитриевская	—	Местные певчие	1911	Церковный староста мещанин Василий Добровольский пожертвовал 150 руб. на церковный хор.	ДЕВ, 1911, № 17, с. 255.
Александровская ст-ца	—	Священник	Хор певчих из воспитанников приходского училища	1880	15 февраля в ст-це проходит ярмарка, приезжает много обывателей из разных мест ОВД. На площади был отслужен молебен. Два священника с хором певчих из воспитанников местного приходского училища... После молебна был устроен парад собранных для этой цели малолетков. Станичный атаман пригласил присутствующих на хлеб-соль... Хор пел все время «Боже, царя храни».	ДОВ, 1880, № 23.
Амвросиевка сл.	—	—	Хор певчих	1877	Пожертвования, поступившие в пользу больных и раненых воинов через Новочеркасское местное управление: от купца Дмитрия Никаноровича Давыдова 90 руб., вырученных от концерта, данного певчими в сл. Амвросиевке.	ДОВ, 1877, № 71.
Арпачин хут. Старочеркасской ст-цы	—	—	Местные певчие	1909	Свободно место регента. Жалованье 300 руб. в год.	ДЕВ, 1909, № 15, с. 455

Астахова сл.	Церковь	Священник	Хор певчих	1880	Школ в сл. Дьковой, Астаховой, Нагольной совсем нет – даже сельских школ грамотности... зато в сл. Астаховой при перкви существует хороший хор певчих.	ДОВ, 1880, № 23.
Атаманский хут. Малоделской ст-цы Усть-Медведицкого окр.	Единоверческий храм Св. Николая Чудотворца	—	Местные певчие	1915	Недостаточно данных	ДЕВ, 1915, № 1, с. 52.
Белогорский Троицкий монастырь на р. Иловле	—	—	Инокони	1915	«Пение инокинь особенно умиляло сердца слушателей и у некоторых вызывало слезы. Чувствовалось в этом пении нечто неземное, особая возвышенность, возводящая сердечные чувства слушателя к небесным обителям, ангельскому миру».	ДЕВ, 1915, № 1, с. 53.
Большая Кирсановка сл.	Троицкая	—	Хор местных певчих	1897	Соборная служба священников и прекрасный хор певчих производили умирительное впечатление на предстоящих: многие из них плакали и потом благодарили за то благоговейное служение: такой стройной и плавной службы они никогда не видели.	ДЕВ, 1897, № 4, с. 93–96.
Вежинский хут. Дегтевское благочиние	—	—	Местные певчие	1909	Хор певчих стройно пел «Зряще мя безгласну» и всю панихиду по умершей матушке Антонине Андреевне Лукьяновой.	ДЕВ, 1909, № 23, с. 416.

Великанов хут. Чертковской ст-цы	Единоверческий молитвенный дом во имя Св. Троицы	Иоанн Страдальцев, священник	—	1892	На обязанности священников, назначаемых в единоверческие приходы по преимуществу из бывших раскольничьих уставщиков, лежит, согласно распоряжения епархиального начальства святая обязанность совершать богослужение строго по старым обрядам и книгам, и держаться древнего напева, в противном случае они не исполняют своей высокой миссии.	ДЕВ, 1894, № 9, с. 332–335.
Верхне-Чирский хут. Мигулинской ст-цы	Рождества Богородицы	—	Местные певчие	1903	Певчие приводили молящихся в какой-то неземной восторг.	ДЕВ, 1903, № 35, с. 881.
Верхняковский хут.	—	Аполлон Козьмин	—	1909	Регент желает переменить место. Знает практические и теоретические. Лучшие отзывы.	ДЕВ, 1909, № 15, с. 455,
Герасимов хут. Митякинской ст-цы	—	—	Местные певчие	1880	Духовенство в сослужении 11 священников и 4 дьяконов отслужило Святой Троице молебен... Громкое пение «Многая лета» закончило это скромное торжество.	ДЕВ, 1880, №2, с. 779.
Глазуновская ст-ца	Кресто-Воздвиженская	Псаломщик Василий Александрович Кожин	Общенародное пение	1900	«Пели мужчины, пели женщины, пели дети... Пение вполне усовершенствовалось и служило примером для соседних станиц. Высокопреосвящ. Владимиру при посещении Глазуновской церкви очень понравилось всенародное пение, и он выразил благодарность за труды почившему В. Кожину... Во время пения „Плачу и рыдаю“ церковь огласилась плачем».	ДЕВ, 1913, № 4, с. 98.

Глазуновская ст-ца	Церковь каменная постройки XVIII века	Псаломщик	Певцы-любители	1912	Вместо пения на клиросе все певцы-любители, предводимые молодым псаломщиком, один за другим потянулись из клироса. Они прошли солею, амвон и полукругом стали около амвона. «Пойте все» – громко произнес псаломщик... пели негромко, но многоголосное пение производило утешительное впечатление.	ДЕВ, 1912, № 22, с. 593–595.
Гниловская ст-ца	Троицкая	—	Местные певчие	1911	Недостаточно данных	ДЕВ, 1911, № 21, с. 511–512.
Гниловская ст-ца	Преполовенская	—	Уч-ся мужского приходского училища	1873	Обедню пели мальчики – ученики нашего приходского училища... при участии некоторых посторонних. Все было как нельзя лучше, согласовалось с настоящим торжеством.	ДЕВ, 1873, № 1, с. 141.
Гуляевский хут. Глазуновской ст-цы	—	—	Местные певчие	1915	Недостаточно данных	ДЕВ, 1915, № 7, с. 591.
Гундоровская ст-ца	Успенская	—	Местные певчие	1911	Празднование 50-летия храма «стройное пение священных песнопений, красиво исполненное местным хором, ... производило глубокое впечатление на молящихся и молитвенное настроение их».	ДЕВ, 1911, № 27, с. 85.
Гуреев хут. Атаманской ст-цы	Единоверческая церковь	Афанасий Гуреев единоверческий свящ.	Единоверцы	1893	На праздник Преображения господня совершил всенощное бдение, а в самый праздник литургию соборне с о. Афанасием Гуреевым (единоверцем) и Александром Ивановым (православным)... при	ДЕВ, 1893, № 3, с. 1145–1147.

					пени на одном клиросе по-единоверчески, а на другом – по православному. Такое служение православных свящ. с единоверческими... после этого все присутствующие пропели молитву Св. Духу «Царю небесный».	
Дмитриевский пос. (рудник), ст-ца Харцызская	—	Псаломщик Мозолев	Местные певчие	1915	«Могучий стройный хор... спокойно и плавно, торжественно и величественно шла служба божия... Хор доставил высокое духовное наслаждение».	ДЕВ, 1915, № 9, с. 876.
Егорлыкская ст-ца Черкасского окр.	—	—	Местные певчие	1909	Хор платный. Жалованье регенту 400–480 руб в год, с обязательным преподаванием пения в ЦПШ.	ДЕВ, 1909, № 8, с. 134.
Еланская ст-ца	—	—	Местные певчие	1913	Недостаточно данных	ДЕВ 1913, № 4, с. 124.
Елизаветовская ст-ца	Покровская	—	Местные певчие	1899	Стройно исполнял песнопения местный хор певчих.	ДЕВ, 1899, № 33, с. 124.
Ефремово-Степановка сл. Донецкого окр.	—	—	Хор местных певчих	1877	Представители общественной местной власти и торгующие в Степановке также предложили свою хлеб-соль собравшимся на праздник и при участии хора местных певчих торжество продолжалось весь день.	ДОВ, 1877, № 76.
Жирков хут.	—	Федор Попов свящ.	Учащиеся ЦПШ (105 человек) и общее церковное пение	1908	Учащиеся ЦПШ поют «Придите, поклонимся» – архиерейское, а с ними вся церковь. На Всенощном бдении поется «Свете тихий», «Блажен муж», «Богородице, Дево, радуйся», «Хвалите имя Господне», «Воскресение Христово видевшие» и «Взбранной Воеводе».	ДЕВ, 1912, № 31, с. 923–924.

Земцов хут. Донецкого окр.	—	Свящ. помощник настоятеля Константин Стефанов	Из уч-ков и уч-ц приход. уч-ща и нек. любит. пения	1885	Под его управление поет в церкви с декабря 1883 г. И пел при встрече Владыки 10 сентября очень стройно и приятно. Метода обучения у него цифирная.	ДЕВ, 1885, № 1, с. 18.
Ильинка сл. 2 Донского окр.	Калмыцкое правление	Регент – учитель одного из учителей	Хор уч-ся калмыцких училищ: окружного и приходского	1880	Из учеников обоих училищ составился в Ильинке приличный хор певчих, под руководством в качестве регента одного из учителей. Завелись у нас и танцевальные вечера, и свой оркестр музыки из скрипки, гитары и гармонии.	ДОВ, 1880, № 21.
Калачна-Дону хут.	Троицкий	Регент М. В. Кучеренко	Местный хор	1914	Торжественная архиерейская служба и стройное пение местного хора умиляли сердца молящихся... ласкающее душу своей теплотой пение хора, заставляющее каждого забыть на время свое невзрачное, серенькое прозябание на грешной земле и вознестись мыслию в горние высоты того, к кому мы должны прибегать и в радости и в печали.	ДЕВ, 1914, № 20, с. 909; ДВ, 1914, № 4, с. 7.
Калачна-Дону, хут.	—	—	Местные певчие	1901	Недостаточно данных	ДЕВ, 1901, № 24, с. 459.
Каменская ст-ца Донецкого окр.	Христорождественская церковь	Милютин А., протоиерей	Местные певчие	1899	Литургия была отправлена соборно; пел хор местных певчих.	ДЕВ, 1900, № 2, с. 27, 173, 180.
Каменская ст-ца	Кладбищенская церковь	—	Местные певчие	1901	Недостаточно данных	ДЕВ, 1901, № 21, с. 451.

Каменская ст-ца	Покровская церковь	—	Местные певчие	1899	Недостаточно данных	ДЕВ, 1899, № 33, с. 776; 1901 № 21, с. 451.
Каменская ст-ца	Христо-Рождественская	—	Местные певчие	1901	Недостаточно данных	ДЕВ, 1901, № 21, с. 451.
Каменская ст-ца	Покровская церковь	—	Местные певчие	1911	Изыскано добавочное содержание певческому хору путем пожертвований в размере 448 руб. 50 коп.	ДЕВ, 1911, № 18, с. 443, 445.
Каменская ст-ца	—	—	Певчие, преимущественно из воспитанников мужской прогимназии	1882	1 октября, в храмовый праздник... совершил божественную литургию и молебен... в сослужении местного духовенства... при этом пели 2 хора – Архиерейский (4 человека, сопутствующих владыке) и местный... Служба была торжественная и вполне соответствовала важности праздника.	ДЕВ 1882, № 21, с. 803.
Каменская ст-ца	—	Глаголев	Церковный хор	1911	Пели на народных чтениях при Донецком окружном отделе Комиссии по ведению народных чтений; Пели в Воскресной ЦПШ (мужской) на елке.	ДЕВ, 1911, № 6, с. 110.
Каменская ст-ца	—	Псаломщик Сударкин	Местные певчие	1911	Пели на народных чтениях при Донецком окружном отделе Комиссии по ведению народных чтений; Пели в Воскресной ЦПШ (мужской) на елке.	ДЕВ, 1911, № 6, с. 110.
Каменская ст-ца	—	И. М. Елисеев	Любительский хор	1911	Пели на чтениях при Донецком отделе Комиссии по ведению народных чтений и в Воскресной ЦПШ (мужской) на елке.	ДЕВ 1911, № 6, с. 110.

Качалинская ст-ца	—	—	Учителя ЦПШ при участии о. В. Орлова.	1901	Особенно умилило присутствующих пение ...140 псалма «Да исправится молитва моя».	ДЕВ, 1901, № 13, с. 273.
Логовский хут.	—	Матушка – жена свящ. церкви	Местные певчие	1911	Пение было стройное и умирительное ... Иногда пели совместно с певчими Кременского Вознесенского монастыря.	ДЕВ, 1911, № 30, с. 806.
Малодельская ст-ца Усть-Медведицкого окр.	Единоверч. хр. во имя Успения Божьей матери	—	Местные певчие	1915	Недостаточно данных	ДЕВ, 1915, № 1, с. 52.
Маньково-Березовская сл. Большинского благочиния	Евдокиевская церковь	—	Любительский хор прихожан	1897	Весь народ, присутствовавший в храме пел тропарь святому кресту «Спаси, Господи, люди твоя»; при выносе креста церковную песнь «Кресту твоему»... а по окончании всенощного бдения им же пропето было «Взбранной Воеводе победительная». Остальное исполнялось любительским хором из прихожан <...> Все, что составляет особенность архиерейского служения... литургии, исполняли певчие Его высокопреосвященства, а остальное – местные певчие, церковную же песнь: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко» вместо «Трисвятаго»... также молитвы «Верую во единого бога Отца,	ДЕВ, 1897, № 20, с. 623.

					Вседержителя» и «Отче наш» пел весь народ. Вместо концерта двухтысячная толпа с умилением пропела молитву «Верую, господи, и исповедую» всю до конца, а потом пели «Кресту твоему поклоняемся, Владыко» и «Спаси, Госполи». Общее пение произвело на архипастыря самое приятное впечатление и он выразил ... свое удовольствие.	
Маньково-Березовская сл. Донецкого окр.	Преподобная мученица Евдокия, покровительница храма	—	Местные певчие	1899	Недостаточно данных	ДЕБ, 1899, № 33, с. 847.
Мариинская ст-ца	Мариинская церковь	Гавриил, священник	Церковный хор певчих	1897	При Мариинской церкви, благодаря старанию о. Гавриила, издавна существует церковный хор певчих, и в окружающих станицах славится своей певучестью. В хоре этом участвует более 30 человек, и все они из любителей пения. Ранее хором этим исполнялось партесное пение, но теперь, вследствие распоряжения епархиального начальства, хор исполняет простое общее пение приблизительно в таком порядке: за правым клиросом становятся басы, альты и тенора с учениками приходской министерской и церковно-приходской школ; за левым же клиросом становятся обладающие голосом	ДЕБ, 1897, № 7, с. 181–183.

					дисканта женщины, девушки и ученицы названных школ. По мановению руки управляющего хором (а таковых в хоре находится до 4 человек), одновременно начинают петь передовые, а вслед за ними поют и все молящиеся обою пола, и таким образом исполняется общее церковное пение, иначе выражаясь, поет вся церковь.	
Мариновка сл.	Успенская	Учитель П. Савилкин	Местные певчие	1910	Недостаточно данных	ДЕБ, 1910, № 26, с. 629.
Медвежинский пос.	Покровская	—	Местные певчие	1911	Дворянин Илья Александрович Власов пожертвовал на ноты для церковно-певческого хора 25 руб.	ДЕБ, 1911, № 18, с. 266.
Мешков хут. Мигулинской ст-цы	—	—	Местные певчие «хор любителей»	1903	Недостаточно данных	ДЕБ, 1903, № 35, с. 881.
Миллерово, станция	Николаевская церковь	—	Местные певчие	1915	Имеется место регента и преподавателя пения в церковной школе. Жалованье регенту 600 руб. в год.	ДЕБ, 1915, № 49, с. 1033.
Милютинское благочиние	—	Священник Василий Губин	Местные певчие-малороссияне	1913	Духовенство в последнее время обратило внимание на общее церковное пение, которое скоро привилось в приходе с крестьянским населением: охотно и довольно стройно поют молитвы и песнопения.	ДЕБ, 1913, № 10, с. 173–174.
Митякинская ст-ца	—	—	Учащиеся приходского училища и	1887	Чинопоследование освящения с последующей литургией... клиросное пение довольно прилично выполняли... учащиеся приходского училища и любители	ДЕБ, 1887, № 7, с. 257–258, 260.

			любители церковного пения		церковного пения... Стройное пение хора певчих весьма редкое явление в нашей местности... В станичном правлении была отслужена заукойная лития о храмосоздателях, после – многолетие... певчие многократно пропели «Многая лета».	
Михайловка сл.	Народные чтения	—	Местные певчие	1911	«Верую», «Модитва за царя», «Достойно есть».	ДЕВ, 1911, № 9, с. 1196.
Нагольно-Голодаевка сл. Донецкого окр.	—	Учитель Голодаево-Сариновского нар. уч-ща И. П. Толкачев	Местные певчие	1911	На открытии памятника Царю-освободителю певчие местного хора, одетые в красивые праздничные мундиры, ... удачным исполнением церковных песнопений, дополняли картину торжества.	ДЕВ, 1911, № 33, с. 911.
Нижне-Чирская ст-ца	—	—	Местный хор	1891	При посещении В-пр. Макарием... при пении местным хором «Ангел вопиаше» Владыка вступил в храм.	ДЕВ, 1891, № 14, с. 587.
Николаевская ст-ца	—	—	Местные певчие	1910	«Молебен о возвращении заблудших» на миссионерских курсах.	ДЕВ, 1911, № 4, с. 95.
Новогригорьевская ст-ца	—	—	Местные певчие	1911	Местный хор, хорошо организованный... Пение действовало на души умирительно. Хор этот... любительский, чисто народный, пользуется поддержкой местного общества, которое отвело в пользу его рыбное озеро. Озеро охраняется самими певцами, а осенью вылавливается в нем рыба, продается, и вырученная сумма (до 70 руб.) служит единственным вознаграждением хора. В деле организации такого	ДЕВ, 1911, № 30, с. 801.

					хора видна заслуга о. настоятеля храма, священника Петра Смирнова. Он своей заботливостью о церковном благолепии сумел вызвать среди прихожан усердие к церкви и любовь к красоте церковного пения.	
Ново-Михайловский пос. Ростовск окр.	—	—	Местные певчие	1909	Отпевание пел местный хор певчих	ДЕВ, 1909, № 23, с. 747.
Ново-Михайловский пос. Ростовского н/Д окр.	—	—	Местные певчие	1909	Недостаточно данных	ДЕВ, 1909, № 28, с. 474.
Новониколаевская ст-ца		Дометьев И., свящ.	Местные певчие, мужчины и женщины	1887	Священниками церкви проводились внецерковные собеседования всегда после вечернего богослужения... После окончания вечерни все пошли в старую церковь... В храме этом хор певчих пропел «Днесь благодать святаго духа нас собра»... Беседа... отличалась поучительным характером и закончилась пением певчими концерта, который произвел на слушателей приятное чувство благоговения.	ДЕВ, 1887, № 1, с. 22–25.
Новочеркасск	Домовая церковь ДЕЖУ	—	Учащиеся училища	1896-1897	«Боже, царя» и «Достойно есть»	
Новочеркасск	Образц. школа при ДДС	—	Учащиеся школы	1896-1897	Божественная литургия и молебствие; Начальная молитва, 2 гимна, «Достойно есть».	

Новочеркасск	Тюремн. церк., псаломщик В. Сычов	—	Певчие-арестанты	1918-1919	Недостаточно данных	ДЕВ, 1911, № 21, с. 511–512.
Обливский хут. Нижне-Чирского благочиния	—	—	Общее пение	1911	В новостроящемся храме служили Всенощное бдение при громадном стечении молящихся и при общем пении «Богородице, дево, радуйся», «Хвалите имя господне», «Взбранной воеводе»... После литургии, за которой вся церковь пела «Верую», «Достойно есть», «Отче наш», на церковной площади всеми присутствовавшими священниками был отслужен молебен св. апостолу И. Богослову. Во время целования св. креста после молебна все молящиеся пели общеупотребительные молитвы.	ДЕВ, 1911, № 33, с. 914.
Обливский хут. Нижне-Чирского благочиния	Св. Николая Чудотворца	—	Местные певчие	1911	Стройно пели тропарь храму «Правило веры и образ кротости» и др. священные песнопения	ДЕВ, 1911, № 28, с. 741.
Обуховский хут.	Преображения господня	—	Местные певчие	1903	Стройное умиленное пение хора певчих.	ДЕВ, 1903, № 36, с. 1038.
Осиновский хут. Качалинского благочиния	Покровская	Садчиков Андрей, священник	Хор ЦПШ, общее пение	1909	Каждый раз по окончании утрени я изучал с прихожанами все новые и новые молитвы. Прихожанам общее пение понравилось... во время крестного хода пели все «Воскресение твое, Христе, Спасе»,	ДЕВ, 1909, № 17, с. 440–441.

					«Христос воскрес». Началась литургия; я предложил псаломщику стать впереди певцов на солее и петь с прихожанами литургию... Тысячная толпа стройно пропела литургию (кроме антифонов).	
Орловка сл.	Христорождественская	—	Местные певчие		На 50-летнем юбилее священника приходской церкви пел хор местных певчих.	ДЕВ, 1900, № 2, с. 27.
Островский хут. Пятиизбянской ст-цы	Иоанно-Богословская единоверческая церковь	—	Любители	1899	Вечерню и всенощное бдение пели псаломщики и любители церковного старинного пения, пели очень стройно, по старинному знаменному распеву... на следующий день началось освящение... при пении торжественных, приличных случаю и положенных по уставу псалмов.	ДЕВ, 1899, № 2, с. 36.
Потемкинская ст-ца	—	Хор мальчиков и девочек	—	1891	Недостаточно данных	ДЕВ 1891, №17, с. 714.
Распопинская ст-ца	Покровская	—	Местные певчие	1915	... с увлечением пели святые молитвы, прося у господина нашему воинству победы «на враги»	ДЕВ 1915, № 46, с. 975–976.
Ровенцкая сл.	—	—	Общественный хор		Недостаточно данных	ДЕВ, 1897, № 7, с. 175, 178.
Ростов-на-Дону	Тюремная церковь	«Пением... руководит специалист»	Певчие-арестанты	1918-1919	Недостаточно данных	ГАРО, Ф. 858, оп. 1, д. 5, л. 100.

Рябов хут. Зотовской ст-цы	—	—	Местные певчие	1911	Приглашались на закладку (1907) и освящение храма св. Ведиломученику Георгию Победоносцу (1911) в хут. Крутлый Зотовской ст-цы.	ДЕБ, 1911, № 20, с.493.
Солонки сл.	—	Псаломщик Федор Назаров	Местные певчие	1911	Приглашались на закладку (1907) и освящение храма св. Ведиломученику Георгию Победоносцу (1911) в хут. Крутлый Зотовской ст-цы.	ДЕБ, 1911, № 20, с.493.
Старочеркасская ст-ца	Воскресенский собор	—	Местный хор	1913	Народные чтения сопровождалась пением местного хора.	ГАРО, Ф. 714, оп.1, д. 11, л. 3.
Старочеркассский Ефремовский женский монастырь	Скорбященская на монастырском подворье г. Ново-черкасска	—	Клирошанки монастыря	1896	На совершении закладки придела к Скорбященскому храму... имени святителя и чудотворца Николая и св. мученицы Александры... пели монастырские певчие, стихиры пелись «с канонархом».	ДЕБ, 1898, № 11, с. 295.
Старочеркассский Ефремовский женский монастырь	Часовня на Ново-черкассском подворье монастыря	—	Клирошанки монастыря	1894	11 декабря... в субботу вечером было отслужено всенощное бдение... во время всенощного бдения пел монастырский хор клиросных; тот же хор при участии Архирейского хора, пел во время освящения храма и на литургии... Трапеза сопровождалась пением монастырских клиросных. Пели за гостями «Многая лета». Трапеза закончилась духовным концертом, пропетым монастырскими клиросными... Праздничное богослужение совершалось... при участии монастырского хора,	ДЕБ, 1894, № 2, с. 32–38.

					благоговейное пение которых особенно располагало посетителей к усердной и горячей молитве.	
Старочеркасский Ефремовский женский монастырь	Донской иконы Божьей Матери	—	Клирошанки монастыря	1885	Встречали владыку в воротах монастыря монахини во главе с настоятельницей, игуменьей Иннокентией, которая поднесла хлеб-соль, а монастырские клирошанки пели тропари Богородице... Его высокопреосвященство остался весьма доволен... пением монастырских клирошанок, за что и благодарил игуменью.	ДЕВ, 1885, № 18, с. 676–677.
Терновский хут. Глазуновской стцы	—	—	Местные певчие	1915	Недостаточно данных	ДЕВ, 1915 № 7, с. 591.
Т-ий хутор Митякинской ст-цы	—	—	Любители церковного пения	1887	Чинопоследование освящения с последующей литургией... клиросное пение довольно прилично выполняли... любители церковного пения хутора Т-го.	ДЕВ, 1887 № 7, с. 257–258, 260.
Трехстроянская ст-ца	Михайло-Архангельская	—	Местные певчие	1911	Три года о. Иоанн Крыгин, священник церкви, содержал на свои средства хор певчих.	ДЕВ, 1911, № 29, с. 743.
Урюпинская ст-ца	Вознесенская церковь	П. Титов	Местные певчие	1899	Служба в церкви; «На чтениях поет хор Вознесенской церкви, что возбуждает еще больший интерес к чтениям со стороны посетителей».	ДЕВ, 1900, № 10, с. 229.
Урюпинская ст-ца	Христорождественская	—	Местные певчие	1911	Недостаточно данных	ДЕВ, 1911, № 10, с. 223.

Усть-Бузулукская ст-ца Хоперского окр.	—	Свящ. о. Платон Скрынников и учитель Афанасий Федоров	Хор певчих	1886	Литургию и молебен пел хор певчих... хорошо устроенный свящ. о. Платоном Скрынниковым и уч-лем Афанасием Федоровым. Несм. на малочисл. хора – не более 10 чел., – исполн. пения отлич. заметн. силою и безукор-стью в эстетич.отнош. Особ. хорошо прошли партии «Милость мира» и прекр. «Тебе поем». Преосвящ. остался доволен пением хора и милостиво благодарил о. регента – свящ. Скрынникова.	ДЕБ, 1886, № 24, с. 1021.
Усть-Бузулукская ст-ца Хоперского окр.	Рождество-Богородицкая	Дьякон И. В. Колесов	Местные певчие	1911	«Царю небесный»; гимн «Боже, царя, храни»; «Славься, славься»; «Коль славен»; концерты «Господи, силою твоею возвеселися царь» и «Все языци».	ДЕБ, 1911, № 8, с. 179.
Усть-Медведицкая ст-ца	Спасо-Преображ. м-рь	—	Сестры обители	1899	«Монастырский хор прекрасно и с воодушевлением пропел „Многая лета” и затем концерт».	ДЕБ, 1899, № 4, с. 88.
Усть-Медведицкий девичий монастырь	Казанский	—	Два монастырских хора	1885	Литургия началась... при участии трех хоров певчих: двух монаст. и одного Усть-Медведицк. духовно-училищного... Благоговейное, умилительное святительское служение, при стройном торжеств. исполн. певчими духовн. песноп. лучших духовн. композ. ... до глубины души трогало молящихся в новом храме... Во вр. причащ. священносл. была пропета певчими песнь Соломона: «Господи, Боже Израилев». Во вр. стола хор монаст. певчих исп. гимн нар. и три дух. концерта... Многолетие пели и певчие и все присутствующ. духовенство.	ДЕБ, 1885, № 23, с. 903–906.

Филоновская ст-ца		Сергий Архипов священник	Общее хоровое пение	1910	Недостаточно данных	ДЕВ, 1910, № 23, с. 369.
Харцизская сл. Таганрогского окр.	Троицкая		Местные певчие и учащиеся местного училища	1893	Погребение умерш. стараются обставить, насколько возм. для деревни большею торжественностью... Погребение поется все в церкви до стихир: «Придите, последнее целование дадим, братия, умершему», края исполн. на могиле... местн.певчими.	ДЦС, 1911, вып. 3, с. 53.
Чернышовская ст-ца	Покровская		Хор певчих	1880	В годовщину 25-летнего царствования государя императора...был отслужена литургия в Покровской церкви... был отслужен благодарственный молебен... Потом хором певчих был исполнен народный гимн... на молебствии были и раскольники станицы, праздник продолжался до вечера.	ДОВ, 1880, № 22.
Чистякова сл. Усть-Медведицкого окр.			Учащиеся ЦПШ	1901	Недостаточно данных	ДЕВ, 1901, № 5, с. 105.

Приложение 2

Учителя пения и музыки, регенты хоров

1.	Андреев Василий Васильевич, губернский секретарь	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ВД на 1868 г., с. 35.
2.	Андропов Алексей Александрович, титулярный советник	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1895 г., с. 217.
3.	Антонов Василий	Учитель пения ЦПШ хут. Колодезного.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 37.
4.	Аргинский Петр	Учитель церковного пения Новочеркасского духовного училища (1870).	ДЕВ, 1870, № 12, с. 443.
5.	Асерецков Иван Михайлович, урядник	Учитель пения (по найму) Новочеркасского реального училища.	Памятная кн. ОВД на 1896 г., с. 111.
6.	Баннов Константин Ермолаевич	Учитель пения Таганрогской реальной женской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1892 г., с. 92.
7.	Боголюбов Уар Иванович	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1895 г., с. 217.
8.	Болдырев Л. В.	Учитель музыки в ДДС в 1901 г. (жалованье за 3 месяца – 50 рублей).	ДЕВ, 1901, № 9, с. 197.
9.	Бортновский Иван Бонавертуриевич	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1895 г., с. 217.

10.	Бочков Петр	Лектор по церковн. пению (курсы в Новочерк., 1900). Давал показателн. уроки: «Начальные упражнения в пении», «Знакомство с изображением нот и нотным станом». Окончил курс ДДС.	ДЕВ, 1900, № 30, с. 719.
11.	Вальнев	Учитель пения и регент хора ЦПШ пос. Марфинского Анастасиевского прихода (центр молоканского сектантства) (1901): «Многие дети по требованию родителей-сектантов состоят в церковно-школьном хоре и поют за всеобщим богослужением».	ДЕВ, 1901, № 3, с. 50.
12.	Васильев Владимир Петрович	Учитель церковного пения при ДДС. Закончил Московское синодальное училище церковного пения. С 21 августа 1900 г. по 27 апреля 1902 г. состоял учителем церковного пения в Бежецком духовном училище.	ДЕВ, 1906, № 26, с. 9; Памятная кн. ОВД на 1903 г. с. 277.
13.	Васильев Капитон, дьякон Аксайской ст-цы	Руководил обучением скрипичной игре в группе слушателей на курсах церковного пения 1900 г. в Новочеркасске.	ДЕВ, 1900, № 30, с. 720.
14.	Васильев Леонид, псаломщик	Учитель пения Дмитриевской жен. школы грамоты. «Хорошо понимая нотное пение, он и детям сумел внушить любовь и охоту к пению, и в непродолжительное сравнительно время научил детей в два голоса петь стройно молитвы и некоторые церковные песнопения».	ДЕВ, 1897, № 8–9, с. 1.
15.	Васильев Михаил	Криворожская ЦПШ, женская школа грамоты. Церковное пение «поставлено в школе хорошо».	ДЕВ, 1897, № 6, с. 133.
16.	Васильев Сила Васильевич, урядник	Учитель пения в Новочеркасской гимназии с 1876 по 1880 годы, вторично с 1883 по 1886 г. Закончил духовное училище.	Артинский, 1907. Памятная кн. ОВД на 1885 г. с. 49.
17.	Васильченко Иван Семенович, сотник	Без[воз]мездный учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц (1866).	Памятная кн. ВД на 1866 г., с. 20.

18.	Воинов Иван Петрович	Учитель пения в Дмитриевском уездн. уч-ще Курской губ. В 1883 году определен учителем пения в Новочеркасскую гимназию.	Артинский, 1907 г.
19.	Волагурич Владимир	Учитель пения в Аксайской ЦПШ.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36.
20.	Воскобойников Апполон Дмитриевич, свящ.	Учитель пения в приходском училище Усть-Медведицкого окр.	Памятная кн. ВД на 1866 г., с.53.
21.	Высочин Иван Иванович	Учитель церковного пения Каменского 4-х кл. женского училища; с 1902 по 1909 г. учитель пения Каменского реального училища им. Павших за освобождение родного края.	Памятная кн. ОВД на 1895 г. ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241.
22.	Галашек Иван Францевич, коллежский секретарь	Капельмейстер Кубанского Войскового музыкантского хора, Донского Войскового музыкантского хора.	Памятная кн. ВД на 1866 г.
23.	Ганзен Генрих Иванович, титулярный советник, коллежский асессор	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1876 г., с. 65; на 1877, с. 110.
24.	Глаголев Петр Александрович	В 1908–1911 гг. учитель пения и регент Каменского реального училища им. Павших за освобождение родного края.	ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241; ДЕВ, 1911, № 6, с. 110.
25.	Говорова Елена Владимировна	Учитель музыки ДЕЖУ (рояль).	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.
26.	Головкин Александр Гаврилович	С 1 декабря 1918 г. учитель Митавской мужской гимназии в г. Таганроге.	ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241.

27.	Гончаров Иван Гаврилович	Учитель пения Азовской женской прогимназии, Азовской мужской прогимназии.	Памятн.кн. на 1892 г., с. 104.
28.	Гречка Николай Павлович	Учитель теории церковного пения и музыки сл. Голодаевки и Аграфеновки. Закончил Мариновскую ЦППШ Таганрогского окр.	ДЕВ, 1898 № 2, с. 35.
29.	Григоревский, псаломщик	Учитель церковного пения женской ЦППШ Екатерининской ст-цы, 1 Донского окр. «Ведет это дело с успехом и усердно. Для правильной постановки обучения церковному пению в школе имеется своя фисгармония, приобретенная на пожертвования».	ДЕВ, 1901, № 3, с. 49.
30.	Григорьева Екатерина	Учитель пения Голодаевской женской ЦППШ.	ДЕВ, 1897, № 8–9, с. 1.
31.	Губанов Александр, свящ.	«Без[воз]мездно» преподавал пение в ЦППШ пос. Лукичева Терновского прихода Большинского благочиния.	ДЕВ, 1885, № 1, с. 108.
32.	Десятников Александр	Учитель церковного пения Новочеркасского духовного училища (1870).	ДЕВ, 1870, № 12, с. 443.
33.	Дмитриев Митрофан Васильевич, дьякон	Учитель пения в Новочеркасской гимназии с 1888 по 1889 г.	Артинский, 1907.
34.	Добринский, дьякон	Учитель пения и регент Ровенецкой ЦППШ с 1892 по 1894 г. Обучал школьников и игре на скрипке.	ДЕВ, 1897, № 2, с. 38; № 7, с. 175.
35.	Долгополова Юлия	Руководитель вечерних занятий по пению (1904), получает при квартире и столе от училища 240 руб. Окончила ДЕЖУ.	ДЕВ, 1908, № 36, с. 25.
36.	Дунин Федор Михайлович	Учитель церковного пения Новочеркасского духовного училища (1868), регент Кубанского войскового хора.	ДЕВ, 1868, № 52, с. 860; ДЕВ, 1870, № 12, с. 443; Кияшко, 1911.

37.	Дьяконов Николай Федорович	Окончил курс в регентских классах при ППК; хут. Золотаревский Орловское почтовое отделение. «Ищет место регента или преподавателя церковного пения и гармонии музыки».	ДЕВ, 1901, № 12, с. 286.
38.	Евсеев Дмитрий, свящ.	Учитель пения сл. Чистяковой Усть-Медведицк. окр. Организовал хор учеников школы, к-рый «на чтениях стройно пел некоторые церковные и патриотические песнопения, что служило к оживлению чтений и слушалось народом с больш. вниманием».	ДЕВ, 1901, № 5, с. 105.
39.	Евфимьева Александра	Заведующая вечерними занятиями по музыке (рояль) в ДЕЖУ.	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.
40.	Елисеев И. М.	Учитель церковного пения училища и регент любительского хора в ст-це Каменской.	ДЕВ, 1911, № 6, с. 110.
41.	Ерхан Михаил Дмитриевич	Регент Архиерейского хора с 1898 г. С этого же года учитель пения в ДДС, Новочеркасской учительской семинарии (1903).	ГАРО, ф.352, оп.1, д. 1083, л. 1-19.
42.	Ершов Александр Тимофеевич	Учитель пения 2-го Новочеркасского 4-х кл. женского училища и Донской Мариинской женской гимназии, 2-й Новочеркасской мужской гимназии (1917). Регент любительского хора.	ГАРО, ф.493, оп. 1, д. 241; Памятная кн. ОВД на 1893/94 гг., с. 220; на 1900, с. 135.
43.	Ефремова Ольга Гурьевна	Учитель пения Таганрогской Мариинской женской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1900 г., с. 136.
44.	Желтоножкина Мария Матвеевна	Учитель музыки ДЕЖУ (рояль).	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.

45.	Жидков Иван Константинович, урядник, коллежский регистратор	Воспитанник и певчий (1840–1862) Войсковой певческой капеллы. Регент войскового хора (1860–1870); учитель пения Новочеркасской войсковой гимназии, Новочеркасской учительской семинарии (по найму) (1883–1894), Аксайской Одигитриевской ЦПШ Черкасского окр. (1911).	ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 1031, л.14.
46.	Жихор Иван Яковлевич, коллежский советник	Учитель церковного пения и музыки ДДС, пения и музыки Донского кадетского корпуса, учитель оркестровой музыки Новочеркасского реального училища. Воспитанник Войскового певческого, затем музыкантского хора.	Вечеслов, 1908; ДЕВ, 1891 № 2, с. 51.
47.	Задоренко Калина Павлович, мещанин	Учитель пения Ростовской-на-Дону мужской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1892 г., с.100
48.	Захаревский Петр Александрович	С 1820 дьячок Одигитриевской церкви ст-цы Бессергеньской, с 1822 г. учитель нотного пения в ст-це Раздорской. Получил домашнее образование.	ДЕВ, 1876, № 3, с. 90.
49.	И. Ж.	Учитель пения ЦПШ Качалинской ст-цы. В 1899 г. организовал школьный певч. хор, который «пропел концерт Блажен Муж».	ДЕВ, 1899, № 11, с. 250.
50.	Ильин Константин	Учитель пения Голодаевской ЦПШ.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 37.
51.	Илюхин Яков Федорович, хорунжий	Учитель церковного пения Донского Мариинского института благородных девиц (1866).	Памятная кн. ВД на 1866 г., с. 20.
52.	Исаева Евдокия	Учитель музыки ДЕЖУ в 1889–1891 (рояль). Выпускница Московского Павловского института (1908).	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.
53.	Калабухов Александр Борисович	Учитель пения в Аксайской школе в 1904–1905 гг., учитель пения в Войсковой новочеркасской гимназии с 1907 г.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36; Новоч. и Плат. гим. 1997, с. 122.

54.	Картели Генрих Иванович (итальянский подданный)	Учитель пения Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. на 1876 г. с. 65; 1877 г. с.101.
55.	Кашменский Ф. Г.	Учитель пения и русского языка реального училища ст-цы Урюпинской.	ДЕВ, 1887, № 1, с. 26–29.
56.	Киреев Владимир, свящ.	Учитель пения и регент хора ЦПШ на руднике И.С. Кошкина.	ДЕВ, 1903, № 14, с. 381.
57.	Коваленко Гавриил Михайлович, мещанин	Учитель пения Ростовской-на-Дону мужской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1900 г.
58.	Кожин Василий Александрович	[Учитель пения] Качалинской, 2-х кл. школы. Псаломщик Крестовощдвиженской церкви Глазуновской ст-цы. Учил общему пению жителей ст-цы.	ДЕВ, 1913, № 4, с. 98.
59.	Колесников Н. А.	Учитель пения и музыки Ровенецкой 2-х классной ЦПШ. Школьный хор «тихо запел молитву: «Царю небесный» по окончании которой исполнены были тем же хором две пьесы «На реках Вавилонских» Ведела и «Блажен муж» Бортнянского. Одушевленное и стройное пение продолжалось минут 50... Кроме того хором пропето было «Боже, приидоша языци» Ведела и «Помилуй мя, Боже» Григорьева». Обучал игре на скрипке и фисгармонии.	ДЕВ, 1897, № 2, с. 37–38.
60.	Кондратьев Андрей, свящ.	Учитель церковного пения ст-цы Трех-Островянской «За обучение прихожанских детей с 1820 по 1845 год объявлена от архиепископа Игнатия особая признательность».	ДЕВ, 1893, № 7–8, с. 308, с. 351.
61.	Кондрашов Дмитрий Захарович	Учитель пения Мариинской донской женской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1892 г., с. 92
62.	Копосов Павел Михайлович	Регент войскового хора с 1908 г.; учитель пения Новочеркасского 4-х классного городского училища. Выпускник Московского синодального училища церковного пения.	Ф. 66, оп. 3, д. 2–22, 42.

63.	Костенко Василий Семенович, свящ.	Регент Донского Архиерейского хора, в должности преподавателя пения в ДДС с 5.09.1888 г. Руководитель курсов по церковному пению в г. Новочеркасске (1897). Имеет свидетельство от Управления Придворной певческой капеллы.	ДЕВ, 1893, № 20, с. 933; ДЕВ, 1897, № 18, с. 532.
64.	Красовский Евгений Аркадьевич	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц. Окончил СПб консерваторию.	Памятная кн. ОВД на 1876 г., с. 65; 1877 г., с. 101.
65.	Кратиров Николай Викторович, протоиерей Новочеркасского кафедр. собора	Учитель церковного пения и регент ДДС и Донского Мариинского института благородных девиц (1880-е гг.). Магистр Московской духовной академии (1868).	ДЕВ, 1910, № 8, с. 231.
66.	К-сов И. В., дьякон	Регент хора Рождество-Богородиц-кой церкви ст-цы Усть-Бузулукской.	ДЕВ, 1911, № 8, 11.03, с. 179.
67.	Кулиничев Димитрий	Учитель пения и регент в ст-це Филоновской.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 37.
68.	Куреннов М., псаломщик	Учитель церковного пения женской ЦПШ Новопапавловского благочиния сл. Орлово-Ольховской.	—
69.	Кучеренко М. В.	Регент хора Троицкого храма. хут. Калача-на-Дону.	ДЕВ, 1914, № 20, с. 909.
70.	Лазарев, псаломщик	Учитель пения и регент школы грамоты хут. Сетракова.	ДЕВ, 1897, № 6, с. 134.
71.	Лакнов М. Е.	хут. Подкущевский, ЦПШ, регент (миссионерские народные курсы в хут. Подкущевском ЦП народном доме).	ДЕВ, 1909, № 33, с. 999–1001.
72.	Лебедев Георгий Васильевич, псаломщик церкви сл. Мартыновки-Сальской	Род. в 1843 г. в Новочеркасске, учился в Новочеркасском духовном училище. «Чтение его всегда было неспешное и осмысленное, пение непременно по гласам староцерковного напева».	ДЕВ 1901, № 13, с. 281.

73.	Лебедев Николай Арсентьевич, титулярный советник	Регент Войскового хора (1881–1888), учитель церковного пения ДДС, Донск. Мариинск. института благор. девиц (1877), Мариинск. жен. гимназии (1893), Таганрогск. муж. семин., Таганрогск. Мариинск. женск. гимназии. Окончил Новочеркасское дух. училище, курс Придворной певческой капеллы. имел за отличие большую серебряную и золотую медали и аттестаты.	ГАРО, ф. 352, оп. 14, д. 541, л. 1–3; ДЕВ, 1893, № 22, с. 1044.
74.	Лебединский Василий Михайлович	Учитель церковного пения ДДС (1877–1881). в ДДС с 1876 г. СПбДС окончил в 1872 г.; СПбДА в 1876 г. Кандидат богословия, магистр богословия. Вызван митрополитом СПб Исидором преп. в СПб Смольный институт и СПб Александровское уч-ще.	ГАРО, ф. 352, оп. 2, д. 63, л. 9–16.
75.	Левитский Григорий Михайлович	Учитель церковного пения ДКЖУ. Окончил курс в Лисичанской штейгерской школе.	ДЕВ, 1891, № 2, с. 46.
76.	Левицкий Валентин Михайлович, надворный советник	Учитель пения и регент хора в Новочеркасском духовном училище (1893–1904). В 1900 г. руководил курсами по церковному пению в г. Новочеркасске. За труды пожалован Станислав 3 степени (1893). Выпускник ДДС.	ДЕВ, 1900, № 30, с. 719; ДЕВ, 1906, № 26, с. 14.
77.	Ледковский Иоанн Андреевич, свящ.	Учитель пения в духовном училище ст-цы Усть-Медведцкой. Закончил ДДС в 1874 г.	ДЕВ, 1910, № 30, с. 739.
78.	Лейцихович В.	Учитель пения хут. Павло-Кундрюченского. Все чтения сопровождались пением ученического хора под его руководством.	ГАРО, ф. 714, оп. 1, д. 11, л. 4
79.	Леонов Лев Иванович	Учитель пения Войскового хора, учитель пения Донского Мариинского института благородных девиц. Артист императорских театров.	Памятная кн. ВД на 1866 г., с. 4, 39.
80.	Леухов	Учитель пения ЦПШ Верхне-Курмоярской ст-цы, регент.	ДЕВ, 1893 № 3, с. 102.
81.	Мамонов И. М.	Учитель пения приходского уч-ща ст-цы Бессергеновской. Проводившиеся нар. чтения «сопровождались пением хора, организованного лектором».	ГАРО, ф. 714, оп. 1, д. 11, л. 3.

82.	Марков Константин В., студент	Учитель пения и регент в ЦПШ хут. Колодезного.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36; 1909, № 15, с. 455.
83.	Мастеров В. А.	Учитель церковного пения земского училища сл. Ровеньки Таганрогского округа (1891).	ДЕВ, 1897, № 6, с. 148.
84.	Мелентьев Василий Алексеевич, коллежский асессор	Учитель фортепианной игры (по найму) Новочеркасского реального училища.	Памятная кн. на 1893– 94 гг., с. 217.
85.	Мельников Михаил Ильич, коллежский асессор	Учитель музыки Новочеркасской мужской гимназии в 1896 г.	Памятная кн. ОВД на 1896 г. с. 111.
86.	Мещенко Ирина	Учитель пения и регент шк. грамоты на руднике г. Файвишевича. «Особенно приятное впечатл. произв. в школе общее стройное пение детей под упр. уч-цы. Последняя, зная хорошо церк. пение, в очень непродолж. вр. успела организ. из своих учеников хор, к-рый можно слушать с наслаждением... хор детских голосов стройно и согласно исп. „Предначинательный псалом“... во все продолж. богосл. дети исп. церк.. песноп. и чит. на клиросе».	ДЕВ, 1896, № 4, с. 94–95.
87.	Мищенко Иосиф, свящ. церкви сл. Весело-Вознесенской	Вел занятия на курсах церковного пения по церковному пению и музыке (1904-1905).	ДЕВ, 1906, № 16, с. 296.
88.	Мищенко Михаил Семенович	Учитель пения Ростовской н/д Екатерининской жен. гимназии, регент Войскового хора (1914).	Памятная кн. ОВД на 1900 г., с. 277.
89.	Молчанова Мария	Учитель пения ЦПШ сл. Михайловской.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 37.
90.	Мухин А., дьякон	Учитель пения ЦПШ Дмитриевской кладбищенской церкви г. Новочеркаска.	ДЕВ, 1901, № 27, с. 668

91.	Наумов Максим Антонович, коллежский ассесор	Учитель пения Войсковой Новочеркасской гимназии, Новочеркасского реального уч-ща (1903–1906), Новочеркасского учительского института им. Павших за освобождение родного края, Новочеркасской 3-ей (бывшей Влоцлавской) гимназии (1917–1918).	Пед. мысль, 1919, с. 343; ГАРО, ф. 357, оп. 2, д. 23, л. 15 об
92.	Нечаев Виктор Иванович, губернский секретарь	Регент Войскового хора. Учитель пения и регент Новочеркасского городского 4 классного училища (1908). В сентябре 1908 г. переведен регентом хора Александро-Невской церкви г. Ростова-на-Дону. Обучался в регентском классе ППК.	ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 42, л. 2–22.
93.	Нечитайлов Николай	Миллеровская ЦПШ в 1884 г. Отмечен за преподавание предмета в 1884–85 учебном году.	ДЕВ, 1886, № 13, с. 521.
94.	Носаев Леонтий, свящ.	Регент хора ЦПШ хут. Попкова Усть-Медведицкого окр.	ДОВ, 1913, № 17.
95.	Одноралов Василий Максимович, свящ.	Учитель Новочеркасской 2-х кл. ЦПШ, учитель церковного пения и регент хора Новочеркасского дух. училища (1904). Допущен к исправлению должности учителя церковного пения (1908). Выпускник Донской духовной семинарии.	ДЕВ, 1906, № 26, с. 14. ДЕВ, 1908, № 28, с. 4; ГАРО, ф. 226, оп. 3, д. 6695.
96.	Орлов В., свящ.	Регент церковного хора и учитель пения ЦПШ Качалинской ст-цы. «Особенно умилило присутствующих пение 140 псалма «Да исправится молитва моя» и концерта «Блажен муж», исполненные учителями ЦПШ при участии о. В. Орлова, отличающегося прекрасным голосом и любовью к церковному пению».	ДЕВ, 1901, № 13, с. 273.
97.	Павлов Сергей	Учитель пения в Аксайской ЦПШ. Окончил курс ДДС (1905).	ДЕВ, 1905, № 1, с. 37.
98.	Панин Иван	Учитель пения и регент Апаринской ЦПШ 1 Донского округа. Закончил окружное уч-ще.	—

99.	Пауленберг Василий Григорьевич	Учитель музыки Новочеркасского реального училища.	Памятная кн. ОВД на 1900 г., с. 135.
100.	Пеликанова Мария Николаевна	Учитель музыки Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1895 г., с.135.
101.	Петров Иван	Учитель пения и регент в Качалинской ЦПШ.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36..
102.	Пономарев Степан Степанович	Учитель пения в Новочеркасском городском 4 классном училище до 1908 г. Закончил Новочеркасскую учительскую семинарию.	ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 48, л. 1.
103.	Попов Иван	Учитель пения и регент в сл. Михайловской.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36.
104.	Попов Н. М.	Учитель пения и регент ЦПШ хут. Колодезного Мигулинской ст-цы. «Пел местный хор, составленный ... из уч-ков и уч-ц ЦПШ, и хорошо обучен. пению учителем-псаломщ. Н. М. Поповым».	ДЕВ, 1896, № 19, с. 577.
105.	Попов Федор Иванович, коллежский секретарь	Подрегент Войскового певч. хора. Учитель пения Донского кадетского корпуса, Новочерк. гимназии (1886–1888; 1889–1897). Дипл. регента ППК, слуш. курсов церк. пения Д. И. Зарина, А. И. Пузыревского, С. В. Смоленского. Донской казак ст-цы Кривянской.	Артинский, 1907; Адищев, 2000, с. 36.
106.	Прошкин, псаломщик	Учитель пения и регент ЦПШ хут. Колодезного.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36.
107.	Пушкин Виктор, дьякон	Учитель пения и регент в сл. Голодаевской в 1905 г.	ДЕВ 1905, № 1, с. 36.

108.	Пчелинский Владимир Петрович, псаломщик Архангельской церкви	Учитель пения и регент ЦПШ сл. Михайловки (1911) «Пчелинский для торжественного дня школы сделал немало: весь молебен пели школьницы, они же в заключение исполнили «Славься, славься» и настолько хорошо, что один из делегатов горячо благодарил Пчелинского за труд и умение научить детей с голоса такому сознательному и стройному пению».	ДЕВ 1913, № 11, с. 507.
109.	Ремезова Любовь	Учитель пения, руководитель вечерними занятиями по музыке в ДЕЖУ.	ДЕВ, 1908, № 10, с. 185; ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.
110.	Рогачев Иван Иванович	Учитель пения Таганрогской мужской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1892 г. с. 92.
111.	Рожко Карл Эдуардович (итальянский подданный)	Учитель пения Донского Мариинского института благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1876 г., с. 65, 1877 г., с. 101.
112.	Руднев Петр Александрович, свящ.	Заведующий и законоучитель Александровской ЦПШ (1894), учитель пения той же школы. Арх. Донским Митрофаном определен псаломщиком Преображенской церкви Старочеркасской ст-цы (1883) г. Рукопол. в свящ. к Архангельской церкви Александровской ст-цы 1885 г. За пастырскую деятельность в ст-це Александровской указом Консистории от 27.11. 1900 г. за № 1838 обществу сей ст-цы разрешено поднести ему икону, много наград. Сын свящ, род-ся 2.06.1860 г., в сл. Теремковой Богучарского уезда, Воронежской губ. Выпускник Воронежской ДС.	ДЕВ, 1908, № 36, с. 25.
113.	Рукин Федор	Учитель церковного пения в параллельном отделении Новочеркасского духовного училища.	ДЕВ, 1870, № 15, с. 471.

114.	Садчиков Андрей, священ.	Учитель пения церковно-приходской школы хут. Осиновского. Организовал общее пение при Покровской церкви хутора Осиновского Качалинского благочиния.	ДЕБ, 1909, № 17, с. 440–441.
115.	Самарский Василий, псаломщик	Учитель пения ЦПШ Новочерк. кафедр. Вознесенского собора (1897). Имеет свид-во на право преп. пения в школах (1898). Промосил назнач. учителем пения в Новочерк. 4 классное городское училище. Архиеп.Афанасий одобрил церковное пение школьного хора. Пели «Христос воскрес», «Ис полла эти деспота» (1899).	ДЕБ, 1899, №16, с. 365; ГАРО, ф. 66, оп. 3, д. 42, л. 13.
116.	Сахаров Митрофан Егорович	Учитель пения и регент Каменской мужской классической гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1885 г., с. 49.
117.	Семенов Стефан Семенович, дьякон	Учитель пения в ЦПШ Урюпинской ст-цы в нач. XIX в. (20 лет). «Лучшие из учеников впоследствии выходили хорошими чтецами и певцами в церкви, к общему немалому удовольствию самородного учителя».	ДЕБ, 1893, № 5, с. 200.
118.	Солонченко Тит	Учитель пения Дячкинской ЦПШ Донецк. окр.«За усердие» пожал. зол. мед. для нош. на гр. на Александровск. ленте (1910).	ДЕБ, 1911, № 1, с. 2.
119.	Сорокин Николай Васильевич, коллежский секретарь	Учитель пения в Усть-Медведицком духовном училище с 1899 г. В 1897 г. оконч. курс Моск. Синодального училища церк. пения.	ДЕБ, 1906, № 26, с. 14.
120.	Спасский Иван Николаевич	Учитель церковного пения Новочеркасского духовного училища. Студент ДДС.	Памятная кн. ОВД на 1877 г., с. 104.
121.	Стаджи Ф. А.	В конце XIX в. давал частные уроки в Новочеркасске, преп. в уч. заведениях вокал и скрипку. Учитель музыки Новочеркасской учительской семинарии (1900–1903). Выпускник Флорентийской академии музыки, выступ. в Итальянской опере как певец-тенор.	Памятная кн. ОВД на 1900 г., с. 135.
122.	Степанов Александр Дмитриевич	Учитель пения Христо-Рождественской ЦПШ ст-цы Урюпинской Хоперского округа (1911).	ДЕБ, 1911, № 11–12, с. 340–341.

123.	Степанов Павел Акимович	Регент Войскового хора (с 1889 г.) По прошению и постанов. Совета утвержден в должн. учителя церковн. пения с правами гос. службы в Донск. Мариинском институте. В 1890 приглашен Советом ДЕЖУ, с утверждением Его высокопреосвященства Архиепископа Макария, учителем пения, имеет звание регента (при 20 уроках получает 35 руб. за урок и упр. хором – 120 руб); имеет ордена: Св. Станислава 3 ст., св. Анны 3 ст., серебр. медаль в память царствов. Александра III, вензельн. знак в память 100-летия ведомства учрежд. Императрицы Марии.	ДЕВ, 1908, № 10, 1 апр. оф., с. 188; ДЕВ, 1908, № 36, с. 25.
124.	Стефанов Константин, свящ.	Сост. певчesk. хор из уч-хся приходск. уч-ща хут. Зеленцова, поющий «очень стройно и приятно» в церкви. «Метода обучения у него цифирная» Вл. Митрофан наград. его набедренником (1884).	ДЕВ 1885, № 1, с. 17.
125.	Сударкин, псаломщик	Учитель церковного пения училищ ст-цы Каменской, регент.	ДЕВ, 1911, № 6, с. 110.
126.	Сычов Дмитрий Яковлевич, мещанин	Учитель пения Азовской женской прогимназии, регент кафедрального собора посада Азов.	Памятная кн. ОВД на 1896 г., с. 111.
127.	Таптыков Григорий Мартынович	Учитель нотного пения при всех начальных уч-щах г. Воронежа. Учитель нотного пения при Воронежском Александрийск. детск. приюте (1874–1877). В 1877 г. просился на должн. учителя пения ДДС. Учитель пения Новочерк. окружн. духовн. уч-ща.	ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 382, л. 14.
128.	Теплинский А. А.	Учитель пения и музыки Ровенецкой ЦПШ, регент школьн. хора (1893–1895). С 1896 г. школьн. хор постоянно пел в церкви за вознаграждение.	ДЕВ, 1897, № 7, с. 175, 178.
129.	Теплинский И. А.	Учитель пения и регент школьного хора Ровенецкой ЦПШ «Хор этот пел в церкви, разделяя пение в церковных службах с хором общественным...». Преподавал в школе уроки музыки. «Перед народными чтениями школьным хором п/у И. А. Теплинского исполнено было несколько священных песнопений, а во время чтения... пропет был тропарь «Правило веры и образ кротости».	ДЕВ, 1897, № 7, с. 179.

130.	Тимков Афанасий Максимович, урядник	Учитель пения Нижне-Чирской жен. прогимназии, 4-х классн. жен. училища, Мариинской донской жен. гимназии (1896), новочеркасского реального училища (по найму) (1900–1903).	Памятная кн. ОВД на 1884, 1896, 1900 г., с. 49, 111, 135.
131.	Тимофеев Николай	Учитель пения и регент Калиновской ЦПШ (1888–1898).	ДЕВ, 1898, № 1, с. 15.
132.	Толкачев И. П.	Учитель пения Голодаево-Сариновского народного училища, регент школьного хора: «который удачным исполнением церковных песнопений дополнял картину торжества».	ДЕВ, 1911, № 33, с. 911.
133.	Туркина Надежда Константиновна	Учитель музыки (рояль) ДЕЖУ, получала от ученицы по 40 руб., имеет от 20 до 24 учениц. Всего воспитанниц – 593 чел.	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28.
134.	Тушканов Андрей Генриянович	Учитель Константиновского приходск. уч-ща (1906–1910), учитель пения в Константиновском высш. нар. уч-ще (1910–1911). Воспитатель и преп. Петроградской Николаевской торговой школы (1912–1913). Учитель пения в Новочерк. учительской семинарии и Ростовской консерватории (1919.) Окончил Новочерк. учит. семинарию. В 1914–1918 учился в Петроградской консерватории.	ГАРО. ф. 347, оп. 1, д. 18.
135.	Углицкий Павел Иванович	Закончил Петроградскую консерваторию. Учитель музыки в Ростовском музыкальном училище с 1918 г.	ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241.
136.	Федоровский Арсений	Учитель пения и регент в Качалинской ЦПШ.	ДЕВ, 1905, № 1, с. 36.
137.	Федосов Н. Н.	Учитель пения и регент Новочеркасской частной женской воскресной школы в 1899 г.	ДЕВ 1899, № 18, с. 436
138.	Фесенков Иоаким Григорьевич, свящ. Александро-Невской церкви Новочеркасска	Учитель пения и греческого яз. в ст-це Зотовской (1843). Закончил духовную школу Полтавской епархии и Полтавскую духовную семинарию, в 1839 – Киевскую духовную академию. Старший кандидат богословия.	ДЕВ, 1886, № 14, с. 574.

139.	Фесенкова Надежда Иоакимовна	Преподаватель ДЕЖУ, замешала учителя пения в его отсутствие, выполняла задания с воспитанницами в вечерние часы. Закончила СПб. консерваторию по классу пения и фортепиано.	ДЕБ, 1891, № 2, с. 46; ДЕБ, 1908, № 36, с. 28.
140.	Фисенко Иван Андреевич	Учитель Дегтевской муж. земск. школы, за безвозм. многол. преп. церк. пения, б/пл. управл. церк. хором и рук-во общ. пением в церкви препод. архипаст. благословение с выдач. грамоты.	ДЕБ, 1911, № 10, с. 154
141.	Чеботарев Киприан	Учитель пения ЦПШ хут. Островского Пятиизбянской ст-цы. «Ученики местной церковной школы... очень трогательно отвечали пением: „Кто есть сей царь славы“».	ДЕБ, 1899, № 2, с. 36.
142.	Черкесов Василий	Учитель церковного пения ЦПШ Екатерининской ст-цы 1 Донского окр, (1898).	ДЕБ, 1898, № 11, с. 294.
143.	Чикановкин Григорий	Вел занятия по музыке на курсах церковного пения (1900) в Новочеркасске. Окончил консерваторию.	ДЕБ, 1900, № 30, с. 720.
144.	Шепкалов Владимир Ильич, коллежский регистратор	Учитель музыки (по найму) в ДДС (1900), в Новочеркасском реальном училище (1903).	Памятная кн. ОВД на 1903 г., с.136
145.	Шишкин Алексей	Учитель пения Филоновской ЦПШ.	ДЕБ, 1905, № 1, с. 37.
146.	Шкодин Иван Иванович	1906-1918 учитель музыки в Ростовском музыкальном училище.	ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241.
147.	Шмелев С., псаломщик	Учитель пения и регент Троицкой ЦПШ ст-цы Нижне-Чирской. 2-го Донск окр. «Архиеп. слушал пение уч-ков и одобрил его».	ДЕБ, 1901, № 26, с. 640
148.	Щербаков Алексей Петрович	1916-1918 учитель пения Каменского реального училища им. Павших за освобождение родного края.	ГАРО, ф. 493, оп. 1, д. 241

149.	Щербаков Евграф Вонифатьевич, мещанин	Учитель пения Урюпского жен. 4-х классн. уч-ща, Урюпинск. реального училища.	Памятная кн. ОВД на 1892 г., с. 104
150.	Эндерист Антон Карлович, титулярный советник	Учитель музыки в Донском Мариинском институте благородных девиц.	Памятная кн. ОВД на 1876 г., с. 65.
151.	Юганов Андрей Михайлович, священник	С 1817 г. определен нотным наставником по Новочеркаску, с 1821 учитель нотного пения при Новочеркасском духовном училище по 1824 г.	ГАРО, ф. 226, оп. 1, д. 2023, л. 40 об.
152.	Юркевский Павел, дьякон	Руководитель курсов по церковному пению, состоявшихся в Новочеркасске в 1897 г.	ДЕВ, 1897, № 18, с. 532
153.	Юрьев Никанор Михайлович, мещанин	Регент Ростовской н/Д мужской гимназии.	Памятная кн. ОВД на 1900 г., с. 277
154.	Яковлева Елена Ивановна	Учитель музыки ДЕЖУ.	ДЕВ, 1908, № 36, с. 28
155.	Ястребов Иоанн, священник	Учитель пения и регент Ильменской ЦПШ 1884 г. Отмечен в отчете за 1884-1885 учебный год как один из лучших учителей пения.	ДЕВ, 1886, № 13, с. 521.

Список сокращений и аббревиатур

ВД	Войско Донское
ГУВУЗ	Государственное управление высших учебных заведений
ГАРО	Государственный архив Ростовской обл.
ДВВ	Донские войсковые ведомости
ДДС	Донская духовная семинария
ДЕВ	Донские епархиальные ведомости
ДЕЖУ	Донское епархиальное женское училище
ДЕУС	Донской епархиальный училищный совет
ДОВ	Донские областные ведомости
ДЦС	Донская церковная старина
КГНТУ	Краевое государственное научно-творческое учреждение
ККВ	Кубанское казачье войско
МНП	Министерство народного просвещения
МП	Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь
НМИДК	Новочеркасский музей истории донского казачества
ОВД	Область войска Донского
ОВДСК	Области войска Донского статистический комитет
ПВД	Приказы по Войску Донскому
ППК	Придворная певческая капелла
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПСПр ВПИ РИ	Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи
РАМ	Российская академия музыки им. Гнесиных
РАН	Российская Академия наук
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РИИИ	Российский институт истории искусств
СОВДСК	Сборник Области войска Донского Статистического комитета

СП МНП	Сборник постановлений по Министерству народного просвещения
СПРКВ	Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам
ТОВДСК	Труды Области войска Донского статистического комитета
ЦПШ	Церковно-приходская школа
ЧДТ	Частная донская типография

Научное издание

Вальченко Альвина Викторовна

Хоровое искусство на Дону (XVIII – начало XX века)

Под редакцией Т. С. Рудиченко

Компьютерная верстка,
дизайн обложки В. А. Козяков

Сдано в набор 01.07.2014. Подписано к печати 31.07.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. печ. л. 18,75. Тираж 500 экз. Заказ № 114

Издательство Ростовской государственной консерватории
им. С. В. Рахманинова
344002, Ростов-на-Дону, Буденновский пр., 23.

Отпечатано в типографии «D & V»
ИП Поляков Д. Ю. Св-во № 003679887
344029, г. Ростов-на-Дону, ул. 20-я линия, 54.
E-mail: divprint@mail.ru
тел. (8) 918-543-75-43